Ю. Ф. Дашков

ЕГО ЗНАЛИ ПОД ИМЕНЕМ

ПАУЛЬСОН

Ю. Ф. Дашков ЕГО ЗНАЛИ ПОД ИМЕНЕМ ПАУЛЬСОН

Solowiewa. E

Parti Ouvrier
Démocrate Socialiste
de Russie.

REDACTION

ADRESSE
V. OULIANOFF
3 Rue de la Colline, 3
GENÈVE (SUISSE)

Genève, le 27 December 1905

Arb. rör. arkiv
Hinke Bergeg...n

Werter Genosse,

Hiermit bitte ich Sie innigst beiden Genossen, die Ihnen diesen Brief übergeben werden, die nöthige Hilfe bieten zu wollen, da beide Genossen Pavlow und Gawrilow der deutschen Sprache nicht mächtig seid. Wenn es möglich ist helfen Sie ihnen bitte den Genossen Victor, oder Paulsohn in Helsingfors aufzufinden. Ich gebe den Genossen die nöthigen Anweisungen, aber vielleicht hat sich die Lage geändert und Sie die obenerwähnten Genossen nicht finden werden.

Mit bestem Parteigruss

Delegierte des Central Comites

E. Solowiewa

HAPARANDA

Solowiewa. E

Parti Ouvrier
Démocrate Socialiste
de Russie.

REDACTION

ADRESSE
V. OULIANOFF
3 Rue de la Colline, 3
GENÈVE (SUISSE)

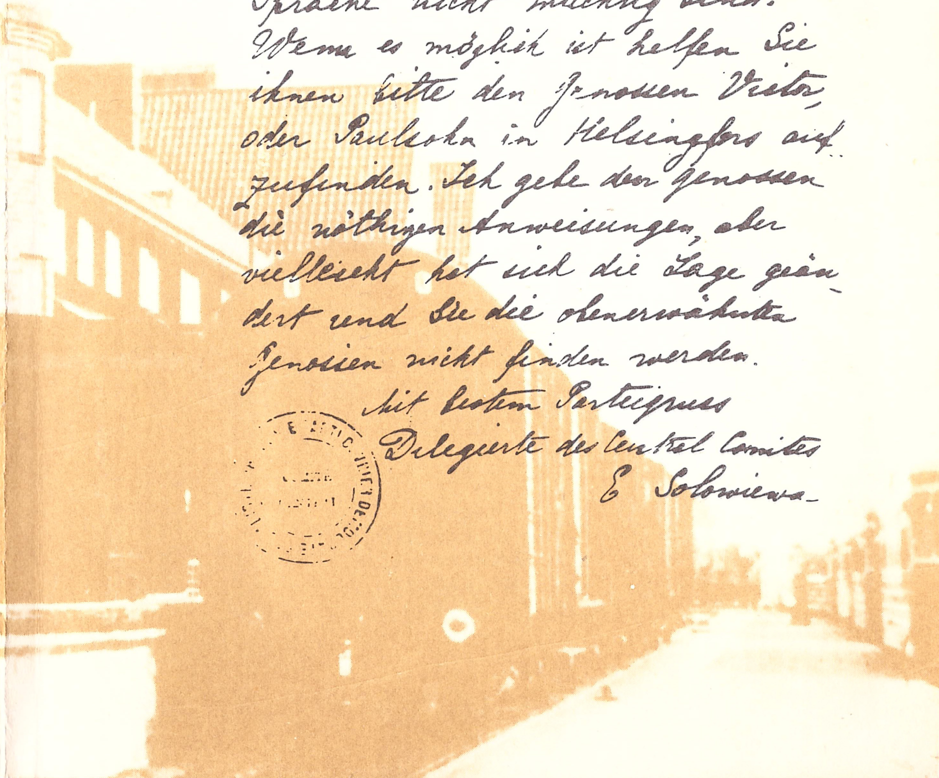
Arb. rör. arkiv
Hinke Bergegren

Genève, le 27 December 1905

Werter Genosse,

Hiermit bitte ich Sie innigst beiden Genossen, die Ihnen diesen Brief übergeben werden, die nöthigen Hilfe bieten zu wollen, da beide Genossen Pawlow und Gawrilow der deutschen Sprache nicht mächtig sind. Wenn es möglich ist helfen Sie ihnen bitte den Genossen Victor oder Paulsohn in Helsingfors aufzufinden. Ich gebe den Genossen die nöthigen Anweisungen, aber vielleicht hat sich die Lage geändert und Sie die obenerwähnten Genossen nicht finden werden.

Mit bestem Parteigruss
Delegierte des Central Comites
E. Solowiewa



Ю. Ф. Дашков

ЕГО ЗНАЛИ ПОД ИМЕНЕМ ПАУЛЬСОН

Документальная повесть
о В. М. СМИРНОВЕ

Москва
Издательство
политической
литературы
1984

66.61(2)25
Д21

Дашков Ю. Ф.

Д21 Его знали под именем Паульсон: Докум. повесть о В. М. Смирнове.— М.: Политиздат, 1984.— 304 с., ил.

Царские жандармы знали, что в Финляндии действует опытный подпольщик Паульсон, который руководит пересылкой из Стокгольма газеты «Искра», участвует в транспортировке оружия в Петербург. Прошло немало лет, прежде чем они выяснили, что под этим псевдонимом скрывался широко известный в Гельсингфорсе преподаватель университета В. М. Смирнов. С 1900 года стал он членом РСДРП. Во время революции 1905—1907 годов его квартира служила центром партийных связей. Здесь неоднократно останавливался В. И. Ленин.

О яркой и замечательной жизни В. М. Смирнова рассказывает автор — историк и литератор, долгое время работавший в Скандинавских странах и Финляндии.

Книга рассчитана на массового читателя.

Д $\frac{0902030000-318}{079(02)-84}$ 277—84

66.61(2)25
ЗКП1

© ПОЛИТИЗДАТ, 1984 г.

ОТ АВТОРА

Владимиром Мартыновичем Смирновым я заинтересовался впервые около двадцати лет назад. С октября 1961 года мне довелось работать корреспондентом газеты «Сельская жизнь» по Скандинавским странам и Финляндии. Живя в Стокгольме, я увлекся поиском документов о связях российских и скандинавских социал-демократов, о пребывании в Швеции, Дании и Финляндии В. И. Ленина. Посещал архивы, музеи, библиотеки, встречался с людьми, которым в свое время посчастливилось разговаривать с Владимиром Ильичем, рылся в подшивках старых газет. Время от времени на страницах «Сельской жизни» появлялись очерки, в которых рассказывалось о некоторых моих находках.

Однажды я зашел в библиотеку стокгольмского университета в надежде найти искровские издания, которые транспортировались из-за границы в Россию через Стокгольм и могли осесть в шведской столице. Библиотека располагается в старинном желтом здании в конце Дроттнинггатан, неподалеку от шумной площади Уденплан. Русское отделение библиотеки оказалось неожиданно для меня довольно богатым. Здесь было много редких изданий на русском языке. Я просмотрел каталог и заказал несколько заинтересовавших меня книг. Среди них была работа В. М. Смирнова «Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг.». С интересом открыл эту книгу. Она издана в 1933 году в Ленинграде и с тех пор не переиздавалась. На титульном листе черными черни-

лами сделана надпись: «В библиотеку от В. М. Смирнова». Из содержания было видно, что автор с начала века находился в самой гуще революционных событий в Финляндии. Он встречался в Гельсингфорсе с В. И. Лениным, с другими видными деятелями нашей партии. «Вот интересный человек! — подумалось мне.— У него могли сохраниться документы, связанные с историей нашей партии, с Лениным. Хорошо бы найти его или его родственников!»

Поскольку Смирнов жил в Стокгольме — а это доказывала его дарственная надпись на книге в библиотеке университета,— я предпринял розыски в шведской столице. Начал расспрашивать сотрудников советского посольства. Мне сказали, что он длительное время работал консулом Советского Союза в Швеции. Умер вскоре после войны; где-то здесь, в Швеции, у него могут быть родственники. Люди в нашем посольстве были сравнительно молодые, никто из них со Смирновым не встречался. Как же быть, где искать ниточку, которая вывела бы меня на нужный путь?

Я вспомнил о Марии Николаевне Эльвинг, которая жила в Стокгольме неподалеку от меня и нередко заходила в корпункт, чтобы поделиться городскими новостями и просто поговорить на русском языке, ибо все в ее семье: муж, дети, внуки — говорили только по-шведски. История жизни Марии Николаевны вкратце такова. В 1918 году она жила в Петрограде, была студенткой. Встретила молодого человека, служащего шведской компании «Асеа» Хельге Эльвинга, полюбила его, вышла за него замуж. Вскоре отделение компании «Асеа» в Петрограде было закрыто, и Хельге Эльвинг уехал на родину, в Швецию. Вместе с ним поехала в незнакомую страну и его жена Мария. В Стокгольме сразу же пошла в советское посольство, попросила помочь устроиться на работу. Она была сотрудницей корпункта РОСТА — ТАСС, посольства СССР, работала с А. М. Коллонтай, знала многих советских дипломатов и журналистов. Получала советскую пенсию, чем

очень гордилась. Мария Николаевна скучала без постоянного общения с советскими людьми. Она готова была помочь вновь прибывшим товарищам советами, как быстрее сориентироваться в незнакомом городе, и не одно поколение советских людей, работавших в Стокгольме, вспоминают ее добрым словом. Сегодня ее уже нет в живых.

Итак, я спросил Марию Николаевну, не знала ли она Смирнова.

— Владимира Мартыновича? — сразу оживилась она.— Ну как же! Я с ним работала в РОСТА. Отличный был человек, принципиальный, честный.

Мария Николаевна сообщила, что Смирнов был женат на дочери знаменитого шведского писателя Августа Стриндберга. Карин Стриндберг-Смирнова, жена Владимира Мартыновича, тоже писательница, жила в стокгольмском районе Бромма.

— Вы знакомы с ней? — обрадовался я.— Мария Николаевна, дорогая, позвоните ей, спросите, не смогла бы она встретиться с советским журналистом, нет ли у нее документов, оставшихся после мужа.

Мария Николаевна согласилась, но сказала: «Больна она, захочет ли разговаривать? Ведь ей небось уже за восемьдесят».

Когда мы встретились в следующий раз с Марией Николаевной, она была расстроена.

— Говорила я вам, ничего не выйдет. Жена Смирнова просила передать, что не сможет встретиться с вами. Ах, как мне было неудобно...

Помню, я был очень огорчен тем, что попытка познакомиться в начале 60-х годов с женой Смирнова закончилась неудачей. Она умерла в мае 1973 года в возрасте 93 лет. Я узнал, что от нее в Королевскую библиотеку Стокгольма поступили какие-то материалы, касающиеся мужа, умершего в 1952 году. Мне удалось познакомиться со списком этих материалов, составленным ей самой. В нем были указаны документы, которые хранились в семье.

В конце страницы напротив большинства названий документов она пометила: «Уничтожено».

Судя по этому списку, писем В. И. Ленина и других документов, связанных с его именем, в семье В. М. Смирнова не было. Но мысль самому проверить это, установить контакт с родственниками Смирнова не оставляла меня. Как-то в отделении АПН в разговоре с переводчиками-шведами я посетовал, что не удалось мне встретиться с женой Смирнова, у которой, по моим данным, могли быть документы, связанные с Лениным.

— А почему вы только к жене Смирнова обращались? — ответили мне.— Попробуйте познакомиться с его дочерью. Мы найдем вам ее адрес.

Я написал письмо по данному мне товарищами адресу магистру филологии Карин Стриндберг-Смирновой и стал ждать. Вскоре пришел ответ со штемпелем стокгольмского района Бромма, где жила дочь Смирнова. Она сообщила, что никаких документов отца у нее нет. Карин прислала мне фотографию В. М. Смирнова 30-х годов и краткие биографические сведения о нем. Эта фотография была опубликована мною в книгах об истории советско-шведских и советско-финляндских связей [1]. А краткие биографические сведения, полученные от Карин, мне удалось впоследствии значительно пополнить за счет документов, обнаруженных в архивах Швеции, Финляндии и Советского Союза.

Свободными вечерами я занимался в Архиве рабочего движения Швеции. Архивариус Пер Линд, как к завсегдатаю, по-дружески относился ко мне, и это, наверное, помогло мне обнаружить в этом архиве ряд документов, которые были неизвестны у нас, в Советском Союзе. Однажды, весной 1967 года, я разбирал документы из фонда лидера левого крыла Социал-демократической партии

---

[1] См.: *Дашков Ю. Ф.* По ленинским местам Скандинавии. М., 1971; *он же.* У истоков добрососедства. М., 1980; *он же.* В. И. Ленин и финляндский путь «Искры». Л., 1981.

Швеции Хинке Бергегрена. Мне было известно, что этот человек помогал в организации IV съезда РСДРП, проходившего весной 1906 года в Стокгольме, оказывал он нашей партии и другие услуги. Среди писем, адресованных ему, мое внимание привлекло несколько, написанных одним почерком. Разбираю их в хронологическом порядке. Самое раннее от 29 декабря 1905 года — из Женевы на немецком языке. Слева на странице — штамп Центрального Комитета РСДРП, фамилия — Ульянов и женевский адрес Ленина. Текст гласит:

«Дорогой товарищ, настоящим я прошу Вас оказать необходимую помощь двум товарищам, которые передадут Вам это письмо, так как оба товарища — Павлов и Гаврилов — не знают немецкого языка.

Если возможно, помогите им разыскать в Гельсингфорсе товарищей Виктора или Паульсона. Я даю им необходимые данные, но положение может измениться, и они не смогут найти названных выше товарищей.

С партийным приветом — представитель Центрального комитета Е. Соловьева».

В нижнем левом углу — круглая печать, на которой по-французски написано: «Центральный Комитет Российской социал-демократической рабочей партии».

Я предположил, что автором этого письма была Е. Д. Стасова, находившаяся в это время в Женеве. Мою догадку подтвердили впоследствии товарищи из Центрального партийного архива ИМЛ, куда я сдал копии по приезде в Москву.

Но кто такие Виктор и Паульсон, занимавшиеся в Гельсингфорсе переправкой членов нашей партии в Россию? Под псевдонимом Виктор, как мне удалось установить, скрывался член Боевой технической группы при ЦК РСДРП Н. Е. Буренин. А псевдоним Паульсон принадлежал В. М. Смирнову.

В 1973—1976 годах я работал заведующим отделением ТАСС в Финляндии. Свободное время и там проводил в

архивах. Разбирая документы в Государственном архиве Финляндии, неоднократно встречал упоминания о Паульсоне, через которого осуществлялись нелегальные связи российских социал-демократов с финскими подпольщиками начиная с 1900 года.

Только весной 1906 года охранка узнала, что под кличкой Паульсон скрывается широко известный в Гельсингфорсе человек, и совсем не финляндец, а русский, Владимир Мартынович Смирнов. Жандармские агенты «вышли» на него, когда он встречался с А. М. Горьким, приехавшим в феврале 1906 года в Финляндию. За Алексеем Максимовичем неотступно следили. Каждый новый человек из его окружения сразу же попадал в поле зрения филеров. Донесли они и о лекторе университета В. М. Смирнове, гельсингфорсскую квартиру которого посещал Горький. А вскоре было установлено, что Смирнов и Паульсон — одно и то же лицо.

Таким образом, целых шесть лет В. М. Смирнову удавалось заниматься подпольной революционной деятельностью, не вызывая подозрений царской охранки. Это говорит о его большом таланте к конспиративной работе. Ведь, как свидетельствуют документы, он был организатором перевозки из Швеции ленинской «Искры», принимал активное участие в сборе средств на нужды революции, его квартира в Гельсингфорсе была партийной явкой, где останавливались многие видные деятели РСДРП, в том числе В. И. Ленин, Н. К. Крупская, А. И. Ульянова, Л. Б. Красин, А. В. Луначарский, М. Н. Лядов, Е. Д. Стасова, Н. Е. Буренин и многие другие.

Кто же он, Смирнов-Паульсон?

Это был человек, проживший большую, интересную жизнь, член партии с 1900 года, революционер, хорошо известный В. И. Ленину. Он родился в 1876 году в старинном русском городе Пскове в семье купца. Когда Володе было всего четыре года, отец умер. В 1893 году его мать, Виргиния Карловна, уехала с сыном на свою родину,

в Финляндию. Так Володя оказался в Гельсингфорсе, где закончил русскую гимназию. Наряду с русским языком он с детства владел шведским. (Мать его была финляндской шведкой.) По окончании гимназии Владимир поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета.

Весной 1899 года за участие в «студенческих беспорядках» Смирнов был исключен из университета и выслан из Петербурга. Только в феврале 1900 года ему было разрешено продолжить учебу в университете. Вскоре Владимир Мартынович стал членом Российской социал-демократической рабочей партии и выполнял поручения Петербургского комитета. Вначале его просили спрятать в надежном месте подпольную литературу, распространить листовки среди студентов и т. д. Затем, как человеку, знакомому с финляндскими условиями, доверили более важное дело: наладить перевозку нелегальной социал-демократической литературы из-за границы в Финляндию.

Именно тогда он получил партийный псевдоним Паульсон. Под этим именем — Паульсон или Паульссен — Смирнов стал известен позднее среди подпольщиков в Финляндии и Швеции.

В 1901—1903 годах В. М. Смирнов наладил финляндский транспортный путь, по которому в Петербург было перевезено значительное количество искровских изданий.

Владимир Мартынович был не только организатором перевозки «Искры». Он являлся постоянным корреспондентом этой газеты. В «Искре» было опубликовано 22 материала о политике царизма в Финляндии. Автором девятнадцати из них был В. М. Смирнов. Многие его корреспонденции правил В. И. Ленин. В письме, посланном в Гельсингфорс из Женевы 1 октября 1903 года, Владимир Ильич дал высокую оценку деятельности финляндского корреспондента «Искры». Это письмо было найдено мною

в декабре 1975 года в Финляндском государственном архиве и опубликовано в XXXIX Ленинском сборнике [1].

Ближайшим другом В. М. Смирнова и его товарищем по революционной работе в Финляндии был Н. Е. Буренин, мать которого владела поместьем, расположенным возле российско-финляндской границы. Через это поместье было перевезено в Петербург большое количество ящиков с искровскими изданиями.

В ноябре 1905 года финляндские знакомые В. М. Смирнова и Н. Е. Буренина организовали безопасный переезд В. И. Ленина из Стокгольма в Гельсингфорс [2]. Здесь 5 (18) ноября В. М. Смирнов впервые и встретился с вождем большевистской партии [3]. В книге «Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг.» Смирнов писал об этой встрече следующее:

«Он говорил с нами просто, по-товарищески. Главным образом о своей поездке, что в эту минуту особенно нас интересовало. Меня тогда уже поразили добродушная естественная простота в его обращении, веселый, заразительный смех и столь характерная для Ильича усмешка — улыбка» [4].

На другой день после приезда в Гельсингфорс Ленин переселился на квартиру Смирнова, которая располагалась по адресу Елизаветинская (по-фински Лийсанкату), 19. Этот дом сохранился до наших дней.

Позднее, в 1905—1907 годах, Ленин неоднократно останавливался в квартире на Елизаветинской [5]. Здесь он написал ряд работ, пользуясь книгами, которые В. М. Смирнов брал для него из университетской библио-

---

[1] См.: Ленинский сборник XXXIX, с. 47—49.

[2] Подробнее см.: *Дашков Ю. Ф.* У истоков добрососедства, с. 66—81.

[3] См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1971, т. 2, с. 194—195.

[4] *Смирнов В. М.* Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. Л., 1933, с. 65.

[5] См. там же.

теки. В феврале 1906 года здесь же В. И. Ленин встречался с А. М. Горьким [1].

В. М. Смирнов участвовал в транспортировке оружия из-за границы в Петербург, он был связан с руководителями Военной организации РСДРП в Финляндии. После поражения Свеаборгского восстания, чтобы спасти от расправы тех его участников, которым удалось скрыться в Финляндии, Владимир Мартынович организовал два «пансионата» на западном побережье страны, помогал солдатам и матросам безопасно переправиться в Россию или за границу.

Весной 1906 года, когда встал вопрос о проведении за границей IV съезда РСДРП, в Стокгольм отправилась Е. Д. Стасова. Она имела при себе рекомендательное письмо В. М. Смирнова, адресованное лидеру левого крыла социал-демократической партии Швеции Хинке Бергегрену. Как известно, шведские социал-демократы оказали делегатам необходимую помощь, и съезд состоялся в стокгольмском Народном доме.

Перед отъездом в Стокгольм В. И. Ленин некоторое время жил в Гельсингфорсе у студентов социал-демократов Вяйне Хаккила и Севери Аланне. Они вспоминали впоследствии, что к Ленину заходили Стасова и Смирнов.

В. М. Смирнов с помощью своих финляндских знакомых организовал безопасный проезд делегатов IV съезда РСДРП в Стокгольм, да так, что охранка не сумела задержать ни одного из них. Владимир Мартынович был организатором переезда через Финляндию за границу весной 1907 г. и делегатов V съезда РСДРП.

В декабре 1907 года, когда репрессии царизма против революционеров усилились и непосредственная опасность нависла над жизнью В. И. Ленина, Смирнов устроил Владимира Ильича в частном пансионате в Оглбю, в пригороде Гельсингфорса, где Владимир Ильич сумел некото-

[1] См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 2, с. 219.

рое время спокойно жить и работать. В конце декабря по просьбе Ленина Смирнов организовал его переезд из Турку в Швецию [1].

Несмотря на постоянную слежку, В. М. Смирнов не прекращал подпольной революционной работы и позднее, в годы реакции и первой мировой войны. После Февральской буржуазно-демократической революции он сотрудничал в выходившей в Гельсингфорсе большевистской газете «Волна», активно отстаивал ленинскую позицию по отношению к Финляндии.

Владимир Мартынович поддерживал тесные связи с левым крылом финляндской социал-демократической партии, о чем свидетельствуют, в частности, записи в дневнике за 1917 год социал-демократа Карла Харальда Вийка. Дневник этот, содержащий важные данные о последнем гельсингфорсском подполье В. И. Ленина, был обнаружен мною в Стокгольме, в Архиве рабочего движения Швеции.

Когда В. И. Ленин прибыл нелегально в Гельсингфорс 23 августа 1917 года в сопровождении К. Х. Вийка, он спрашивал о Смирнове, намереваясь, как и прежде, остановиться у него, но ему сказали, что тот в отъезде [2]. Вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции Смирнов был в Петрограде, разговаривал с Лениным [3].

В. И. Ленин хорошо знал В. М. Смирнова. И ценил. Тепло относился к нему. После Великой Октябрьской социалистической революции, несмотря на занятость, несколько раз принимал его, проявлял большое внимание к его работе и жизни [4].

---

[1] См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 2, с. 368, 370—372.

[2] См.: *Смирнов В. М.* Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг., с. 68.

[3] См. там же.

[4] См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1975, т. 6, с. 102; М., 1980, т. 11, с. 543; Вопросы истории КПСС, 1980, № 8, с. 88—89.

С весны 1918 года В. М. Смирнов работал в Петрограде и Москве, в Государственной комиссии по просвещению, а затем, осенью того же года, уехал в Стокгольм, чтобы наладить там работу отделения Российского телеграфного агентства (РОСТА).

Тридцать четыре года, до самой смерти, проработал В. М. Смирнов в Швеции. Сначала — в РОСТА, потом в посольстве СССР. Все эти годы он оставался верным ленинцем, вел большую общественную работу, выступал в разных городах страны с рассказами о встречах с Лениным и Горьким, о политике Страны Советов, писал статьи на эти темы в различные шведские издания, активно участвовал в деятельности общества «Швеция — Советский Союз».

В. М. Смирнов принадлежал к числу бойцов ленинской гвардии, которые в годы царизма смело, не щадя жизни и не страшась жестоких репрессий, шли на штурм старого мира, боролись за свободу народа, за торжество идеалов коммунизма.

Имя В. М. Смирнова упоминается во многих документах, в том числе в трехтомной «Переписке В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России», вышедшей в 1969—1970 годах. Книга В. М. Смирнова, его статьи, опубликованные в 20-х и 30-х годах в партийных журналах, являются ценным документальным материалом для исследователей, занимающихся историей советско-финляндских и советско-шведских связей.

В последние годы вышли книги о большевиках, которые работали в свое время в Финляндии вместе с В. М. Смирновым, в том числе о Е. Д. Стасовой и А. М. Игнатьеве. Издана книга воспоминаний Н. Е. Буренина.

Имеется настоятельная необходимость рассказать и о жизни старого большевика-подпольщика В. М. Смирнова, который более полувека беззаветно служил делу партии.

НОВЫЙ УЧЕНИК

Был пасмурный январский вечер 1893 года. В Гельсингфорсе все еще напоминало о рождественских праздниках. Через Александровскую улицу тянулись разноцветные бумажные гирлянды, увитые елочными лапами. В витринах магазинов стояли наряженные елки и румяные гномики, которые, как говорят родители финским детям, приносят под рождество в семью подарки и благополучие на новый год. Хозяева магазинов не торопились менять витрины: предстояли еще новогодние праздники по старому стилю. В Гельсингфорсе жило много русских, и они могли зайти в магазин, чтобы сделать праздничные закупки.

Возле студенческого дома на углу Восточной Генриховской остановилась извозчичья пролетка. На снег легко спрыгнул юноша в пальто с меховым воротником. Он помог сойти женщине.

— Ну вот, Вольдемар, мы и на месте,— по-шведски сказала она.

Напротив за деревьями сквера виднелось трехэтажное здание с большими окнами. По фронтону его шла надпись: «Александровская гимназия». Это была гельсингфорсская русская классическая гимназия.

Женщина и юноша перешли улицу. В вестибюле гимназии их встретил швейцар в ливрее, с окладистой бородой.

— Занятия кончились, мадам,— сказал он по-русски.

— Мы к господину директору,— пояснила женщина.— Он здесь?

— Здесь. Я сейчас узнаю, смогут ли они вас принять. Как прикажете доложить?

— Вдова купца второй гильдии Смирнова.

Через несколько минут он вернулся:

— Его превосходительство вас ждут.

Директор, судя по всему, был не очень доволен поздним визитом. Рабочий день кончен, и он собирался домой, в кабинете задержался случайно. Но при появлении дамы встал, учтиво поклонился и предложил ей кожаное кресло с высокой спинкой, стоявшее возле письменного стола. Юноша остался стоять у двери.

— Я слушаю вас, госпожа Смирнова,— произнес директор гимназии.

Посетительница достала из сумки папку, положила ее на письменный стол перед директором:

— Вот документы, господин директор. Мой сын Владимир с 1887 года учился в классической гимназии в Пскове, где мы жили раньше. Его отец, купец Мартын Евдокимович Смирнов, умер, и я решила вернуться на мою родину, в Финляндию. Мальчик должен продолжить образование в русской гимназии. В вашей гимназии.

— Понятно,— нерешительно протянул директор. Взглянул на стоявшего у двери белокурого юношу и раскрыл папку.

Он был озадачен. В гимназии учились дети дворян, генералов и офицеров, чиновников канцелярии генерал-губернатора. А этот молодой человек — сын русского купца и, судя по акценту, финки. Удобно ли его зачислить в гимназию?

— Но, госпожа Смирнова,— сказал он,— учебный год начался осенью. Вы опоздали.

— Господин директор, он сдаст все экзамены за первое полугодие, я уверена. Он не может терять целый год. Ему уже семнадцатый, он и так отстал от своих сверстников.

Директор решил уступить.

— Хорошо, пусть явится завтра утром. Я попрошу проэкзаменовать его.

Дама и юноша откланялись. Директор сунул папку в ящик стола и записал на календаре на завтрашний день: «Смирнов. Строгий экзамен».

На другой день преподаватели по заданию директора долго «гоняли» новичка по программе. Он говорил медленно, с небольшим акцентом, но материал знал неплохо.

Так в пятом классе Александровской гимназии появился новый ученик. Его встретили вначале настороженно. Но он свободно говорил по-шведски и понимал по-фински, аккуратно готовился к урокам и хорошо успевал, был ровен и спокоен, никогда не отказывал товарищам в помощи. И скоро ледок в отношениях между новичком и одноклассниками растаял.

Предпочтение в гимназии отдавалось изучению гуманитарных дисциплин — русского языка и литературы, истории и иностранных языков, в том числе финского, французского, немецкого, а также латыни и древнегреческого. Обязательным был и закон божий.

Володе больше всего нравились уроки русского языка и литературы. В школе существовал литературный кружок, на занятиях которого обсуждалось творчество крупнейших русских писателей. Гимназисты выступали с докладами, читали свои стихи. Кружком руководил преподаватель П. И. Леонтьев. Он вел в гимназии кроме русского языка латынь и шведский язык. Его хорошо знали в Гельсингфорсе, он закончил местный университет и имел много знакомых среди интеллигенции.

Смирнов потом часто вспоминал первое занятие литературного кружка.

...После звонка в класс вошел пожилой, грузный мужчина с мрачным лицом. Поздоровался, подошел к доске и вывел на ней каллиграфическим почерком: «Творчество А. С. Пушкина». Сделал это спокойно, без всяких эмоций,

казалось, без интереса. «Видно, ошиблись товарищи, которые так восторгались лекциями Леонтьева»,— подумал Смирнов, глядя на ничем не примечательного мужчину в форменной одежде учителя. Но вот Леонтьев заговорил — и произошло чудо. Лицо его сразу ожило, в глазах появился блеск. За кафедрой был совершенно другой человек, красноречивый и интересный. В классе стояла тишина, гимназисты жадно ловили каждое слово. Леонтьев подчеркивал гражданственность творчества великого поэта земли русской, наизусть читал большие отрывки из его произведений. Час пролетел незаметно.

После занятий, когда Смирнов стоял у окна в коридоре, его сосед по парте Александр фон Розен сказал новичку доверительно:

— А ты знаешь, ведь наш Павел Иванович не просто преподаватель литературы. Он — революционер. Старший брат рассказывал мне, что несколько лет тому назад в Гельсингфорсе был раскрыт антиправительственный заговор, в котором участвовали офицеры местного гарнизона и учителя Александровской гимназии. Среди них был и Леонтьев.

— Его судили? — поинтересовался Смирнов.

— Судили, но он отделался легко. Пощадили. Наверно, за него вступились родители его учеников, у нас ведь есть родители очень влиятельные.

Впоследствии, роясь в старых газетах, Смирнов нашел сообщение о том, что в 1882 году, через год после убийства царя Александра II, в Гельсингфорсе были арестованы члены тайной организации, которые занимались «антиправительственной деятельностью». Один из руководителей этой организации, поручик Рогачев, был повешен, учитель Александровской гимназии Сикорский — сослан на пять лет, его жена от горя сошла с ума. В числе лиц, состоявших под следствием, называлась и фамилия Леонтьева.

...20 апреля 1894 года в Гельсингфорсе на Сенатской площади состоялась торжественная церемония открытия памятника Александру II. На ступенях Николаевского собора разместилась местная знать, военные и чиновники в мундирах, увешанных орденами, представители духовенства в ризах, расшитых золотом. Площадь запрудил простой люд.

Смирнов стоял в толпе. Слушал напыщенные речи о «просвещенном и любимом монархе», в душе негодовал.

Кто-то тронул юношу за плечо. Он обернулся. Это был Леонтьев. В последнее время между Смирновым и его учителем установились доверительные отношения. Леонтьев, заметив у гимназиста искренний интерес к русской литературе, с полгода присматривался к нему, затем стал приглашать к себе домой, давал почитать статьи Герцена, Белинского, Чернышевского, которых не было в библиотеке гимназии.

— Нравится речь? — тихо спросил Леонтьев.— Может быть, пойдем?

Смирнов выбрался вслед за ним из толпы. Они шли по безлюдной Александровской. Леонтьев сказал:

— Вам уж восемнадцать, Смирнов? Это такой возраст, когда пора задуматься о жизни. Да, действительно, «просвещенный монарх» Александр II заботился о воспитании юношества, но только в верноподданническом духе. Руководствуясь его указаниями, министр народного просвещения граф Толстой разослал всем попечителям учебных округов циркуляр, в котором предлагал искоренять всяческое вольномыслие в гимназиях. По новому уставу основной задачей гимназий стало не усвоение необходимой суммы знаний, а «дисциплина ума», его взнуздывание. С тех пор в гимназиях ввели классных наставников и надзирателей, создали атмосферу доносов и всеобщего шпионства. Не дай бог гимназист прочтет не ту книжку и подумает не то, что ему предписано!

Лживая церемония на Сенатской площади возмутила Леонтьева. Он говорил горячо, убедительно. Смирнов слушал внимательно. Он понимал, что его любимый учитель, так откровенно разговаривая с ним, оказывает ему огромное доверие.

Подошли к дому, где жил Леонтьев. Войдя в квартиру, Смирнов направился к библиотеке. Хозяин вышел в другую комнату.

— Вот это вы, наверно, не читали! — сказал, входя, учитель. И подал Смирнову сборник «Полярная звезда» за 1855 год.— Это издавал Герцен за границей. Мне дали почитать под большим секретом. Здесь помещено очень интересное письмо Белинского к Гоголю. Российская цензура его не разрешает публиковать, ибо автор все называет своими именами.

Юноша жадно начал читать. Это было первое смелое обличение царизма, с которым ему довелось познакомиться. Запомнились слова великого критика о России, стране, где нет никаких гарантий для личности, чести, нет даже полицейского порядка, а есть лишь огромные корпорации служебных воров и грабителей.

Смирнов полюбил русскую литературу, все свободное время сидел над книгами. Перечитав все интересовавшее в библиотеке гимназии, стал ходить на Сенатскую площадь, в университетскую библиотеку, где можно было найти некоторые запрещенные в России книги, в том числе Толстого и Чернышевского. Нередко заходил к Леонтьеву, чтобы порыться в его библиотеке или почитать подпольную новинку.

Идеалом Смирнова стал народник — человек, жертвующий собой ради блага общества, идущий в гущу народа, чтобы поднять его на борьбу за свободу. В журнале «Живописное обозрение» за 1891 год он прочел однажды такое стихотворение:

...Вслед беспокойной Икаровой тени
Смело, о, братья, отважно вперед,
Выше, все выше: не бойтесь падений
С ясных небесных высот!
Слава победы лишь храбрым дается,
Срама не знает погибший в борьбе...
Юность, тебе наша песня поется!
Вечная слава тебе!

Стихотворение было написано поэтом-революционером П. Ф. Якубовичем. Строки эти Владимир Смирнов запомнил на всю жизнь.

В гимназии господствовала муштра. Директор, чтобы выслужиться перед начальством, часто приглашал в гимназию «высоких гостей» — приезжавших в Гельсингфорс членов царской семьи, генерал-губернатора, местную знать. При этом совершалась обязательная церемония — построение гимназистов с представлением «именитых» учеников, богослужение «во здравие» царствующего дома. Наконец — последняя торжественная церемония в актовом зале весной 1896 года, когда Владимиру Смирнову был вручен аттестат зрелости.

Прощай, гимназия! Но как быть дальше, куда пойти учиться? Этот вопрос Владимир решил заранее: он любит литературу, будет поступать на историко-филологический факультет Петербургского университета.

ЗДРАВСТВУЙ, ПЕТЕРБУРГ!

Июльское утро 1896 года. Владимир Смирнов стоит на палубе парохода, следующего рейсом в Петербург. Свежий ветер треплет волосы. Позади остался Гельсингфорс, в котором прошли годы юности. Долго был виден белый собор, возвышающийся над городом. Сюда не раз приходил он с матерью. Ему нравилось рассматривать скульптуры и картины, слушать органную музыку. С широких гранит-

ных ступеней, взбегающих к зданию собора, открывался прекрасный вид на площадь, обрамленную бело-желтыми зданиями сената и университета, на центральную часть Гельсингфорса.

Мимо проплывают скалистые острова Свеаборга, закрывающего вход в Гельсингфорсскую бухту. Видны крепостные укрепления, пушки, нацеленные в пролив.

Пароход медленно пробирается между островами. Только завтра к обеду он будет в Петербурге. Море не спокойно, и ночью юноша почти не смыкает глаз. Утром вышел на палубу. Голова болела. Где-то вдали за стеной дождя и мрака виднелись огни.

— Кронштадт! — указывая на них, сказал Владимиру проходивший мимо матрос.

Петербург принял пассажиров из Финляндии неприветливо. Город был закрыт туманом и пеленой мелкого дождя.

Университет располагался неподалеку от пристани, от Николаевской набережной Васильевского острова, куда пристал гельсингфорсский пароход. Смирнов решил, что до университета лучше всего добираться пешком. Дождь не прекращался. Смирнов посетовал, что не захватил с собой зонта, как советовала мать. В Гельсингфорсе при отъезде стояла ясная погода, и не хотелось тащить с собой лишнюю вещь. Тем более что зонты Смирнов часто забывал в гимназии, в библиотеке, у знакомых. Мать корила его за рассеянность, и Владимир предпочитал лучше не брать с собой зонта вообще. Но сегодня в Петербурге он понадобился бы. Вон как обложило небо, моросит и моросит.

Юноша купил свежий номер «Нового времени» и, накрыв газетой голову, смело шагнул под дождь.

В вестибюле университета было шумно. Тут и там стояли кучки оживленно разговаривавших молодых людей. Смирнов замешкался, он не знал, к кому обратиться, чтобы сдать документы для поступления в университет.

Его замешательство заметили. К нему подошел худощавый юноша с длинными волосами.

— Заблудился? Какой факультет нужно? Ба, да уж не сам ли это Владимир Смирнов пожаловал?

Молодой человек оказался Николаем Лоховым. Он был земляком Смирнова, псковичом, знал его с детства. Николай, учившийся в университете второй год, вызвался проводить Владимира. Долго шли по коридорам, пока не остановились перед дверью с табличкой «Декан историко-филологического факультета». Смирнов прошел в кабинет. Декан внимательно просмотрел его документы, расспросил о родителях, поинтересовался, есть ли у него квартира в Петербурге. Под конец беседы заявил, что вопрос о зачислении новичка на первый курс будет решен в ближайшее время.

Когда юноша вышел на улицу, дождь прошел, но над городом висели тучи. Пора было подумать о ночлеге. В Петербурге жила тетка Смирнова, сестра отца, пожилая одинокая женщина. Но она писала весной его матери, что, вероятно, уедет на лето в родной Псков, и юноша не рискнул ехать к ней. Мать дала ему адрес своего двоюродного брата Акселя Нюгрена. К нему и решил направиться будущий студент.

Дядя Аксель работал слесарем на Путиловском заводе. Он с интересом расспрашивал Владимира о том, что нового на родине, в Финляндии. После ужина, закурив трубку, сел рядом с ним на диван и спросил:

— А ты заметил, сколько полиции на улицах?

Смирнов ответил утвердительно.

— Власти беспокоятся. Здесь ведь недавно бастовало почти тридцать тысяч рабочих. Требовали сокращения рабочего дня и добились своего: правительство обещало до нового года издать такой закон. Ведь рабочий день у нас — тринадцать часов!

Впоследствии Смирнов узнал, что забастовкой руководила организация, которая называлась «Союз борьбы за

освобождение рабочего класса». Его членами были и студенты Петербургского университета М. А. Сильвин, Н. Ф. Богданов, С. А. Гофман, М. Н. Леман, Л. Г. Попов, В. К. Сережников и другие. В декабре 1895 года охранка арестовала 86 человек, членов этого союза, и среди них — группу руководителей во главе с молодым юристом, тоже выпускником Петербургского университета, В. И. Ульяновым.

Самоотверженная борьба петербургских рабочих оказывала могучее влияние на студенческую молодежь. Участились волнения студентов. В Петербургском университете распространялись революционные листовки, воззвания социал-демократических организаций с призывом объединяться с рабочими для борьбы против общего врага — царского самодержавия. Ходили по рукам нелегальные издания, жадно читались переведенные на русский язык и изданные женевской группой «Освобождение труда» произведения Маркса и Энгельса, в том числе «Манифест Коммунистической партии», «Наемный труд и капитал», «Людвиг Фейербах», «Капитал». Очень популярны среди революционно настроенных студентов были книги Г. В. Плеханова «Наши разногласия», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Прочитанное горячо обсуждалось в нелегальных кружках.

Собирались студенты и на квартире земляка Смирнова Николая Лохова. Читали вслух, спорили о прочитанном, порой до утра.

Бывал у Лохова и Владимир Смирнов.

Однажды ему дали почитать отпечатанную на гектографе тетрадь в желтой обложке — рукопись неизвестного автора «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Так Смирнов впервые познакомился с произведением В. И. Ленина. В этой книге, как известно, Владимир Ильич дал марксистскую критику теоретических воззрений, политической программы и тактики народничества 90-х годов. Он доказал, что либераль-

ные народники были выразителями интересов кулачества, разоблачил их как типичных реформаторов, которые, выступая против революционной борьбы с царским самодержавием, наносили вред революционному движению.

В руки студента Смирнова попал первый выпуск книги, в котором автор анализировал антимарксистские взгляды редактора журнала «Русское богатство» Н. К. Михайловского, беспощадно обнажив его теоретическую безграмотность и беспомощность.

Смирнов много слышал о Михайловском — публицисте и литературном критике, одном из идеологов народничества. Имя этого человека было овеяно романтическим ореолом: он выступал против царизма, подвергался репрессиям, был близок к героям «Народной воли». И вдруг — такая резкая критика, полное развенчание авторитета...

Ленин писал, что крестьянский социализм Михайловского и других либеральных народников к 90-м годам совершенно разложился и породил пошлый мещанский либерализм. Владимир Ильич показал, что «друзья народа» затушевывали противоречия общественно-экономических отношений в России, отрицали историческую роль русского рабочего класса как борца за освобождение всего трудящегося населения страны, преуменьшали бедственное положение крестьянства, классовую борьбу в деревне и эксплуатацию бедноты кулаками.

Либеральные народники проповедовали теорию «героев» и пассивной «толпы». Многие молодые люди отдали свои жизни в борьбе с царизмом, веря, что, кроме террора одиночек, другого пути нет. До последнего времени в это верил и Владимир Смирнов, считая, что только интеллигенция может спасти народ.

В. И. Ленин не оставил от этой теории народников камня на камне. Он доказал, что ход истории обусловливается объективными законами развития, что движущей силой общественного развития, творцом истории является народ.

По просьбе Смирнова Лохов разыскивал у знакомых другие выпуски книги, так заинтересовавшей молодого студента. Вскоре он вручил ему тетрадь, также отпечатанную на гектографе:

— Держи. Третий выпуск. Второго найти не мог. Только будь осторожен.

— Не волнуйся, не подведу,— заверил Смирнов, пряча тетрадку за пазуху. Дома, после ужина, бережно разложил ее на газете и углубился в чтение.

Третий выпуск ленинской книги посвящен критике экономических воззрений либерального народника Кривенко. Здесь Владимир Ильич изложил задачи российских социал-демократов, высказал идею о необходимости создания в России марксистской рабочей партии, теоретически обосновал историческую роль российского рабочего класса как руководящей, передовой силы общества, самого последовательного борца против царизма и капитализма. Книга заканчивалась словами:

«На класс рабочих и обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу,— тогда русский РАБОЧИЙ, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ (рядом с пролетариатом ВСЕХ СТРАН) *прямой дорогой открытой политической борьбы к* ПОБЕДОНОСНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ».

Много раздумий посеяла эта книга в голове молодого студента. По-новому стал он оценивать статьи и выступления либеральных народников, с интересом прислушивался к словам социал-демократов на студенческих митингах, подолгу сидел над «Капиталом».

ЗАПАДНЯ

Утром 1 марта 1897 года Владимир Смирнов, направляясь на лекцию, заметил на доске объявлений в вестибюле университета листовку. В ней говорилось, что 12 февраля в Трубецком бастионе Петропавловской крепости в знак протеста против издевательств тюремщиков покончила с собой слушательница Высших женских курсов Мария Ветрова. Она вылила на себя керосин из лампы, а затем подожгла. Авторы листовки обвиняли в смерти девушки царских палачей и призывали студентов прийти 4 марта на панихиду по Марии Ветровой в Казанский собор.

Владимир Смирнов знал Марию Ветрову. Он увидел ее осенью прошлого года у Лохова. Она принесла книгу, по всей вероятности нелегальную, которую передала хозяину квартиры. Лохов сообщил ему, что слушательница Высших женских курсов Мария Ветрова принимала участие в подпольной работе, была связной.

В ночь на 22 декабря 1896 года Мария Ветрова была арестована. Ее обвинили в хранении запрещенных изданий и в связях с арестованными ранее работниками Лахтинской народовольческой подпольной типографии.

Об аресте девушки стало известно и в университете, но сразу этому факту не придали особого значения, ибо аресты студентов были в Петербурге тогда делом далеко не редким.

А вот теперь он увидел эту листовку.

Рядом собралась группа студентов. Они оживленно обсуждали известие. Один из них, обратившись к Смирнову, сказал:

— Сколько хороших людей замучено в этой крепости? Десять лет тому назад в том же Трубецком бастионе томилась перед казнью группа революционеров во главе со студентом нашего университета Александром Ульяновым.

— Тс-с! — предупредил его другой студент.

В конце коридора показался педель — агент охранки. В университете их было более тридцати. Возглавлял эту группу штатных ищеек инспектор. Педели доносили ректору университета и начальнику Петербургского охранного отделения о настроениях студентов.

Юноши разошлись. Один из них сорвал листовку и сунул в карман. Педель, подойдя к доске объявлений, оглядел ее и, не увидев ничего подозрительного, ушел.

Университет бурлил. Передавали подробности смерти девушки. Жандармский полковник Шмаков и товарищ прокурора Кичин, допрашивавшие ее, не смогли добиться «откровенных показаний». Чтобы «развязать язык», ее бросили в мрачную камеру Петропавловской крепости. Жандармы рассчитывали, что, не выдержав одиночества, узница заговорит и предаст своих товарищей. 3 марта на доске объявлений снова появилась листовка. Она была в траурной, черной рамке. В ней говорилось:

«С горячим сочувствием касса взаимопомощи присоединяется к общему движению и приглашает всех честных студентов завтра на панихиду в Казанский собор в 12 часов дня по несчастной жертве крепости Марии Федосеевне Ветровой.

Касса взаимопомощи С.-Петербургского университета».

На студента-первокурсника Смирнова самоубийство девушки, которую он знал лично, произвело огромное впечатление. Он, как и его товарищи-студенты, был переполнен ненавистью к царским палачам.

4 марта выдался солнечный, теплый день. В 12 часов, когда Смирнов пришел к Казанскому собору, здесь собралось уже около пяти тысяч студентов и преподавателей высших учебных заведений столицы. Делегация студентов обратилась к настоятелю собора с просьбой отслужить панихиду «по рабе божьей Марии». Но священник, как видно получив надлежащие инструкции от властей, отклонил просьбу студентов «ввиду демонстративного характера панихиды».

Студенты были возмущены. Часть из них ворвалась в алтарь. Настоятель собора заявил:

— Не делайте собор местом для сходбищ, ведь вы собрались не для панихиды, а для демонстрации.

Он категорически отказался служить панихиду без разрешения начальства. Один из студентов, взойдя на паперть собора, рассказал об обстоятельствах смерти Ветровой, предложил спеть «Вечную память». Траурная процессия с венками и пением вышла на Невский проспект. Здесь ей путь преградила цепь конной и пешей полиции.

Смирнов видел, как к градоначальнику генералу Клейгельсу подошел профессор университета Бекетов и что-то сказал ему.

Генерал, не выслушав его, подал знак рукой. И первые ряды студенческой процессии были оттеснены полицией с проспекта на Казанскую улицу. Участники процессии шли с непокрытыми головами, пели «Вечную память». Траурную процессию спереди и сзади эскортировала конная полиция. По бокам улицы стояла цепь городовых, взявшихся за руки. Таким образом, все участники процессии были окружены полицией. У Фонарного переулка ехавшие впереди полицейские повернули лошадей и стали теснить студентов в открытые ворота казанской полицейской части. Демонстранты поняли, что попали в западню, и бросились врассыпную, прорвав цепь городовых сбоку. Смирнов был в голове колонны. Его притиснули к стене. Он видел, как полицейский, наезжая грудью разгоряченной лошади на группу курсисток, заставлял их отступать к воротам. Одна из девушек упала. Ее крика Смирнов не расслышал, ибо кричали все — и демонстранты, и рассвирепевшие «стражи порядка».

Полиции удалось загнать во двор участка часть демонстрантов. Некоторые из них были ранены, получили ушибы.

По данным охранного отделения, всего было задержано 903 человека, из них 244 студента университета.

Задержанных долго переписывали, сортировали. Часть вечером выпустили, остальных до поздней ночи развозили на извозчиках по тюрьмам.

Ночь была холодной, арестованных пронизывал до костей порывистый ветер. Ведь многие из них, увидев утром солнце, оделись на демонстрацию по-весеннему, не захватили пальто, и теперь у них зуб на зуб не попадал. Все были голодны. Жандармы, задержав сотни людей, даже не подумали их покормить.

Владимир Смирнов был распределен в знаменитую своим строгим режимом тюрьму для политических заключенных под названием «Кресты». Для скольких пылких юношей сырые одиночки этой тюрьмы стали могильным склепом!

Вместе с другими Смирнова ввели в большую комнату с решетками на окнах. У дверей стали двое часовых с винтовками. Сопровождавший молодых людей жандармский унтер-офицер куда-то ушел. Вскоре из большой «приемной» стали вызывать на допрос. Дошла очередь и до Смирнова.

— Выходи!

Долго вели по коридору. Наконец узкая комната с письменным столом. За ним молодой щеголеватый офицер в мундире, жандармский ротмистр.

— Фамилия, имя? — спросил он.

— Смирнов Владимир.

— Кто ваш отец?

— Отца нет в живых. Он был купцом.

— Сын порядочных родителей. А бунтуете. Нехорошо. Скажите, вы, наверно, знаете, кто был зачинщиком демонстрации? Кто выступал в соборе? Молчите? Все равно узнаем. Только свою репутацию пачкаете. А какую гимназию кончали?

— Александровскую, в Гельсингфорсе.

— Известная гимназия. Много из нее вышло верных слуг царю и отечеству. А вы, молодой человек, сразу по

приезде в столицу в политику лезете. Придется сообщить и в университет, и в гимназию. Так-с. Распишитесь. Советую вам, не ведите знакомства с бунтовщиками, господин Смирнов. Очень это дело опасное. Может плохо для вас кончиться.

После этого, снова под конвоем, его вели по бесконечным темным коридорам и гулким металлическим лестницам. Потом — звон ключей, лязг и скрип открываемой двери. Одиночную камеру слабо освещала лампа. При мерцающем свете юноша рассмотрел привинченную к стенке железную доску, заменявшую стул, такую же доску повыше и побольше — стол. Железная койка, также привинченная к стене. На полочке возле двери нашел миску, железную кружку и деревянную ложку. И ничего больше.

Три дня провел студент Смирнов в одиночке. Днем его выводили на прогулку во внутренний двор тюрьмы. Выстраивали заключенных вдоль стен. Они должны были ходить друг за другом по кругу. Несмотря на запрет и строгие окрики, студенты переговаривались между собой, пели песни.

Вечером на второй день Смирнов услышал настойчивый стук в стену. Он понял, что его вызывали на разговор. Пожалел, что не знает азбуки Морзе. Начал стучать в стену кружкой, но сразу же открылся глазок в двери и раздался окрик:

— Прекрати стучать! В карцер захотел?

Студенты не знали, что их родители заявили протест полицмейстеру города, самые влиятельные из них дошли до царского дворца. Симпатии арестованным студентам высказывали даже некоторые петербургские газеты.

На третий день вечером Смирнова неожиданно вновь пригласили к ротмистру.

— Ну как, понравилось здесь, господин Смирнов? — с издевкой спросил офицер.

Смирнов молчал.

— Вы свободны. Но учтите, если еще раз попадетесь, так дешево не отделаетесь,— предупредил он.

Смирнов шел по улицам Петербурга. Сердцу тесно было в груди от пережитого унижения и гнева...

В охранном отделении Петербурга было составлено донесение о демонстрации у Казанского собора. К числу «зачинщиков» жандармы отнесли студентов Петербургского университета Владимира Махновца, Леонида Прасолова, Николая Лохова и других.

К донесению был приложен список арестованных, в котором числился и студент первого курса университета Владимир Смирнов. Копию списка получил ректор университета. Ему было предписано «принять соответствующие меры» к студентам, попавшим в «реестр» охранки.

ЖЕНЕВСКИЕ ВСТРЕЧИ

Поезд мчался по Германии. За окном мелькали аккуратные крестьянские домики, яркие зеленые луга, будто расчерченные по линейке, ухоженные леса. Владимир Смирнов, сидя у окна, предавался воспоминаниям.

Мысль о заграничной поездке в июне 1898 года пришла в голову его матери, Виргинии Карловне. Заметив, что после возвращения из «Крестов» сын стал очень нервным, заикался сильнее обычного, она предложила ему во время летних каникул съездить за границу и немного развеяться.

Володя приобрел туристский справочник С. Н. Филиппова «Западная Европа». Глава о Швейцарии открывалась описанием исключительно благотворного влияния, которое оказывают природа и климат этой страны на здоровье людей, страдающих переутомлением. Показал это место из справочника матери. Та сразу согласилась: «Поезжай, сынок, в Швейцарию, отдохни, подлечись!»

Швейцария влекла Владимира не только своими красотами и возможностью подышать горным воздухом. Он

знал, что в Женеве в свое время издавался герценовский «Колокол», набат которого звучал во всей просвещенной Европе. Здесь печатался российскими эмигрантами, принадлежавшими к Русской секции I Интернационала, журнал «Народное дело». Осенью 1883 года в Женеве была основана первая русская марксистская группа «Освобождение труда» во главе с Г. В. Плехановым. Именно сюда, в центр российской политической эмиграции, стремился попасть молодой Смирнов. Он горел желанием увидеть знаменитых революционеров, прочесть в подлиннике книги, за которые в России полагалась каторга, посмотреть на российские события издалека, чтобы лучше осмыслить их.

Живший в Гельсингфорсе шведский социал-демократ Аксель Вейдель посоветовал Смирнову зайти в Стокгольме в Народный дом, в редакцию газеты «Сосиальдемократен» и дал рекомендательное письмо. С интересом расспрашивали в редакции юношу о студенческих волнениях в Петербурге. Редактор газеты Карл Яльмар Брантинг в студенческие годы бывал в Петербурге, с 70-х годов поддерживал связи с российскими революционерами, летом 1898 года помогал в перевозке в Россию изданий группы «Освобождение труда». Эмиссаром этой группы в Швеции был студент Михаил Вечеслов. Он учился в университете в Упсале и с пароходами, шедшими в Финляндию, переправлял партии социал-демократической литературы в Петербург.

...Остались позади Стокгольм, Копенгаген, Берлин. Поезд на всех парах несся на юг, к швейцарской границе. Еще ночь — и за окнами вагона засверкает гладь Женевского озера, которое автор путеводителя называл «прелестным».

Вот и Женева. На вокзале Смирнов нашел посредническое бюро. «Опробовал» свой немецкий язык — его поняли. Приезжий просил подобрать недорогой пансионат неподалеку от университета — ему пошли навстречу. На-

шелся такой пансионат в старом городе на улице Кальвина, где, как сообщил словоохотливый господин из посреднического бюро, жил и умер знаменитый церковник. Не зная города, Владимир решил взять извозчика. Путь лежал по мосту через Рону.

Женева сразу очаровала. Она живописно раскинулась между гор, по берегам озера. Роскошные дома и дворцы, широкие многолюдные набережные, зеленые сады и парки. Веселый и шумный город!

На другой день Смирнов появился в библиотеке университета. Несколько часов рылся в картотеке, выписывал названия книг, которые хотел бы прочесть. Библиотека была очень богатой. В шкафах вдоль стен читального зала стояли старинные фолианты. В фондах имелась литература и на русском языке.

Женевский университет был основан еще в XVI веке. Он занимал одно из почетных мест среди европейских учебных заведений. Среди его студентов в 1898 году почти половину составляли иностранцы. До двухсот человек приехали учиться в Женеву из России. В читальном зале Смирнов быстро познакомился с земляками. Они помогли найти нужные книги: «Коммунистический манифест», произведения народовольцев, издания плехановской группы «Освобождение труда».

По вечерам Владимир приходил вместе со своими новыми друзьями в кафе «Ландольт», расположенное неподалеку от университета, на улице Кандоль. Сюда по традиции собирались русские политэмигранты, чтобы за кружкой пива обменяться мнениями о событиях в России, прочесть свежую газету. Кого здесь только не было: и народовольцы, и анархисты, и социал-демократы. Спорили до хрипоты о путях свержения ненавистного всем царского самодержавия, о будущем России.

Студенты прислушивались к спорам. На Смирнова большое впечатление производили выступления членов группы «Освобождение труда». Здесь, в кафе «Ландольт»,

однажды перед русскими студентами выступил Г. В. Плеханов. Он говорил о революционной роли российского пролетариата, о необходимости воспитания вождей рабочего класса, которые могли бы возглавить революционное движение. Оратор цитировал Маркса, Энгельса, легко, по памяти читая большие куски из их произведений, приводил примеры из истории российского революционного движения. Студенты устроили Плеханову овацию.

Незаметно пролетели два месяца. Отдохнувшим и обогащенным новыми знаниями возвращался Смирнов домой. Между стенками чемодана он вез подпольную социал-демократическую литературу, в том числе изданную в Женеве работу В. И. Ленина «Задачи русских социал-демократов».

ПОБОИЩЕ У РУМЯНЦЕВСКОГО СКВЕРА

8 февраля — дата основания Петербургского университета — ежегодно отмечалось торжественной церемонией в актовом зале, после чего студенты по традиции выходили на улицу и веселились. В этот день в 1898 году большая группа студентов, человек около 700, прорвав полицейский кордон у Дворцового моста, шумно вывалилась на Невский проспект. Запрудив проезжую часть, они остановили движение и громко пели:

— Эх, дубинушка, ухнем,
Эх, зеленая, сама пойдет, сама пойдет,
Подернем, подернем, да ухнем!

Это была безобидная шалость. Но министр внутренних дел приказал градоначальнику, чтобы в феврале 1899 года, когда будет отмечаться 80-летие университета, подобных «беспорядков» допущено не было. Соответствующее

внушение сделали и ректору университета профессору В. И. Сергеевичу.

4 февраля 1899 года в университете было вывешено объявление ректора, в котором он предупреждал студентов, чтобы те не устраивали 8 февраля «безобразий». «Закон предписывает даже употребление силы для прекращения беспорядков,— говорилось в объявлении.— Последствия такого столкновения с полицией могут быть очень печальны. Виновные могут подвергнуться: аресту, лишению льгот, увольнению и исключению из университета и высылке из столицы». Это объявление стало достоянием общественности, так как было опубликовано в тот же день в петербургской газете «Новое время».

Студенты восприняли предупреждение ректора как угрозу. В университете начались сходки, на которых студенты выражали свое возмущение действиями ректора и требовали заявить ему протест. На доске объявлений появился листок с текстом песни о событиях в университете, сочиненной кем-то из студентов. В ней были такие слова:

Прельстившись ректорским доходом,
Мирскую почесть возлюбя,
Там Сергеевич мимоходом
Жестоко высек сам себя. [1]

В эти дни студент Смирнов был в самой гуще событий, принимал участие в сходках, переписывал и распространял листовки. Угрозы в адрес студентов возмутили его. Обиду у Смирнова вызвал и другой акт царских властей — изданный 3 февраля (ст. ст.) манифест Николая II, которым фактически отменялась конституция Финляндии.

Финляндия была второй родиной Владимира Смирнова. Он близко к сердцу принимал ее радости и беды. На одной из сходок в университете он попросил слова и сказал:

---

[1] Библиотека Хельсинкского университета. Славянское отделение. 17 а Ш. Студенческие песни и листовки 1899—1901 гг. Экземпляр принадлежал, вероятно, В. М. Смирнову, который длительное время работал в этом отделении библиотеки.

— Царские власти ведут наступление не только на права студентов и других слоев российского населения. Они грубо попирают национальные чувства народов, населяющих империю. Примером тому служит манифест Николая II об издании постановлений, касающихся Финляндии, без согласия финляндского сейма. Это — грубое нарушение финляндской конституции.

На сходке, состоявшейся 7 февраля, студенты решили протестовать против угроз ректора университета уходом с торжественной церемонии в тот момент, когда ректор поднимется на кафедру для произнесения традиционной речи. Агенты охранки — педели известили об этом решении власти. У градоначальника генерала Клейгельса состоялось совещание, на котором был разработан детальный план, как «проучить» студентов.

И вот наступило 8 февраля. В актовом зале университета собрались студенты и преподаватели. Много гостей, среди них — министры. Все в парадных мундирах, при орденах. Распорядок торжественной церемонии празднования 80-летия учебного заведения был утвержден заранее. Сначала заслушали отчет о деятельности университета за 1898 год. Затем с научным докладом выступил известный своими либеральными взглядами профессор Ольденбург. Его выслушали с большим вниманием.

Министр финансов Витте, присутствовавший на церемонии в числе почетных гостей, прошептал генералу Клейгельсу:

— Ну, вот видите, все спокойно. Ваши казаки не нужны.

Генерал недовольно отвернулся к окну и промолчал.

По традиции после научного доклада с сообщением должен был выступить ректор университета. Но только профессор Сергеевич поднялся на трибуну, в зале послышался свист и крики «Долой!». Ректор побледнел, поднял руку, но в зале стоял такой шум, что не было слышно ни одного его слова. Многие студенты сорвались с мест и

устремились к выходу. Сергеевич вынужден был покинуть трибуну. Тотчас шум в зале смолк, но студенты продолжали уходить из зала.

Когда Владимир Смирнов выбежал на улицу, там собралось уже несколько сот человек. Решили пойти на Невский. Дворцовый мост, через который лежал ближайший путь на проспект, был перегорожен конной полицией. Офицер выехал вперед, прокричал студентам:

— Пра-шу разойтись!

В него полетел снежок. Офицер побагровел и выругался. Толпа студентов повернула вдоль набережной, направляясь к другому мосту. Над головами летела песня:

Если есть на Руси хоть один,
Кто с корыстью житейской не знался,
Кто неправдой не жил, бедняка не давил,
Кто свободу, как мать дорогую, любил
И во имя ее подвизался —
Пусть тот смело идет, на утес тот взойдет
И к нему чутким ухом приляжет,
И утес-великан все, что думал Степан,
Все тому смельчаку перескажет.

У Румянцевского сквера на студентов неожиданно напала конная полиция. Офицер, командовавший нарядом на Дворцовом мосту, крикнул:

— Их надо проучить! Не повесят же нас за эту студенческую сволочь!

Полицейские начали избивать безоружных юношей нагайками. Один из них полоснул по лицу шедшего рядом со Смирновым долговязого однокурсника. Из рассеченной щеки на снег брызнула кровь. Смирнов бросился к нему, начал перевязывать щеку носовым платком. Ругань разъярившихся полицейских, удары, стоны, крики ярости, топот лошадей — все смешалось в эту страшную минуту в сплошной гул. Смирнов, подталкивая вперед раненого, побежал за ним в сторону от набережной, где долго еще раздавались удары и крики.

Три дня продолжались в университете бурные сходки. Студенты возмущались кровавой расправой. Ректор Сергеевич пытался было уговорить их, но при его появлении в актовом зале поднялся такой шум, что ему пришлось спасаться бегством. Педели доложили ему, что студенты сочинили о нем песню, которую распевают на сходках. В ней говорилось:

Есть в Петербурге дом огромный,
Орел и крест на доме том,
Там светлым днем и ночью темной
Лисица бегает кругом.
Идет наверх — читает право,
А вниз — полицию зовет...

Это явно о Сергеевиче — ведь он профессор русского права! А вот еще из той же песни:

В темнице там наука тужит,
Тюрьмою храм науки служит.
Там звуку полицейских шпор
Юристов вторит громкий хор.
Фойницкий [1] там от злости чахнет,
Там воздух сперт и скверно пахнет.
И я на этом месте был...
Я видел этот дом огромный
И в нем сидел. И речью темной
Нас Сергеевич изводил.

Ректор пытался воздействовать на молодежь через «благонамеренных» профессоров и студентов. Но и это не помогло. На сходке 10 февраля была единодушно принята резолюция. «Мы возмущены насилием, жертвами которого были 8 февраля, насилием, унижающим человеческое достоинство,— говорилось в ней.— Мы вообще для всех считаем такое насилие оскорблением и протестуем против него. Поэтому мы объявляем С.-Петербургский университет закрытым... Мы не откроем университета до тех пор,

---

[1] Профессор университета.

пока нам не будут даны гарантии личной неприкосновенности».

Для руководства забастовкой был избран организационный комитет из представителей землячеств, в том числе и Гельсингфорсского.

По рукам ходили прокламации. Одна из них попала и Смирнову. Организационный комитет писал о событиях 8 февраля:

«Мы рассматриваем данное событие как единичный факт господствующего в России строя, основанного на произволе, безгласности и полной необеспеченности или даже отсутствии самых необходимых, скажем более — священных прав развитой человеческой личности. Протест наш был, таким образом, протестом против царящего в России произвола...»

В прокламации говорилось далее: «...у нас в России даже нежелание быть избитым без всякого повода считается преступлением, раз это битье совершается по приказанию властей».

На доске объявлений появилась листовка, изданная кассой взаимопомощи. Ее авторы призывали «сорганизоваться всем действительно оппозиционным элементам и классам общества для предстоящей борьбы, которая окончится только тогда, когда главная ее цель — свержение самодержавия — будет достигнута».

С утра 11 февраля забастовка началась. Студенты заходили в аудитории и залы и просили уважать волю большинства, прекратить занятия.

Избиение полицией столичных студентов возмутило всю Россию. К забастовке присоединились учащиеся многих высших учебных заведений страны. В защиту студенчества выступили рабочие, представители передовой интеллигенции. О зверской расправе над петербургскими студентами писала европейская пресса.

В этой обстановке царизм был вынужден лавировать. 20 февраля в «Правительственном вестнике» Смирнов про-

чел сообщение о том, что Николай II «повелеть соизволил» генералу Ванновскому произвести «всестороннее расследование причин и обстоятельств беспорядков, начавшихся 8 февраля в императорском С.-Петербургском университете».

Ректор университета Сергеевич вновь попытался выступить перед студентами и убедить их, что создание комиссии Ванновского — это царская «милость», что теперь, мол, виновные в превышении власти полицейские будут наказаны, а посему студентам следует возобновить занятия. Однако студенты упорно боролись за свои права, требовали, чтобы все занятия в университете были прекращены. С ними были солидарны и многие профессора.

К 20 февраля забастовка стала всероссийской: к ней примкнули студенты и преподаватели большинства высших учебных заведений страны, около 25 тысяч человек.

Между тем комиссия генерала Ванновского не столько выясняла причины «беспорядков», сколько старалась узнать фамилии активных участников и руководителей студенческого движения. На допросы в комиссию вызывались десятки преподавателей и студентов. Члены комиссии, в частности, интересовались, как звать того студента университета, который на одной из сходок говорил о нарушении царизмом конституции Финляндии.

Одновременно царизм пытался задушить студенческое движение репрессиями. Руководители забастовки были исключены из университета и высланы из столицы, некоторые члены организационного комитета арестованы. Полицейские постоянно дежурили возле здания университета, готовые ежеминутно вмешаться и схватить «зачинщиков».

Утром 30 марта Владимир Смирнов был в числе тех, кто стоял у входа в университет и задерживал студентов-штрейкбрехеров, шедших для сдачи экзаменов. Постепенно у входа собралась большая толпа горячо спорящих молодых людей. Одни говорили о необходимости сдачи эк-

заменов и получения диплома, другие взывали к чувству солидарности и предлагали воздержаться от занятий, пока требования студентов не будут удовлетворены. Дело дошло чуть не до рукопашной.

Этим воспользовался полицмейстер барон Нолькен. Он приказал спешно перебросить к университету около 500 конных полицейских и лично сам решил возглавить «операцию по задержанию бунтовщиков».

Придерживая шашку, полицмейстер подъехал к толпе студентов и потребовал разойтись. В ответ послышались насмешливые возгласы. Барон возвратился к строю полицейских. По его приказу студенты были окружены, а затем их под конвоем отвели в манеж.

— Пусть поостынут! — ухмылялся Нолькен, когда охранник надевал огромный замок на ворота манежа. Здесь, в сыром, неотапливаемом здании, задержанные находились с 10 часов утра до 3 часов ночи, без воды и пищи. Полицмейстер был намерен продержать их и дольше, до утра, но родители и знакомые задержанных подняли тревогу, взывая к милосердию петербургского начальства. Под утро Нолькен «сжалился»: студентов стали отправлять партиями в тюрьмы и полицейские участки.

Владимир Смирнов попал в казарму городовых александро-невской части. Комнатка была маленькая, низенькая, а студентов привезли туда около полутора сот. Легли они на грязный пол вповалку. Несколько человек сразу же почувствовали себя плохо от недостатка воздуха. В этом аду студентам пришлось пробыть три дня. Их всех опросили, переписали. Допрос вел знакомый Смирнову жандармский ротмистр. Он тоже узнал его.

— Я говорил вам, господин Смирнов, чтобы вы не связывались с бунтовщиками, а вы упорствуете. И зря,— увещевал ротмистр студента.— Только карьеру себе испортите.

Через три дня было объявлено решение начальства: всех задержанных 30 марта студентов исключить из уни-

верситета и выслать из Петербурга на неопределенный срок. Причем предупредили, что тот, кто не выедет сам, будет отправлен из столицы по этапу.

Из полицейских участков задержанных студентов вели под конвоем на железнодорожные станции. Проводы высланных студентов вылились в демонстрацию горячей симпатии общественности страны к революционной молодежи. На вокзалах собирались тысячи людей: студенты, профессора, представители интеллигенции. Устраивались импровизированные митинги.

Студент Смирнов также был исключен в апреле 1899 года из университета и выслан в Псков.

Через много лет Владимир Мартынович вспоминал:

«Участие в демонстрации 4 марта 1897 года у Казанского собора и в забастовке 1899 года сыграло — вероятно, не только для меня одного — роль революционного крещения».

В РОДНОМ ПСКОВЕ

Смирнова и Лохова на псковском вокзале встретили родные. По городу ехали в пролетках. Владимир, давно не бывавший в Пскове, был поражен его видом. Тишина, безлюдье на улицах, одноэтажные деревянные дома — настоящее захолустье. Даже полицейских нигде не видно. После столичной сутолоки, массовых демонстраций и стычек с полицией удивляло, что есть еще в России такие тихие, спокойные городки, где жизнь идет размеренно, раз навсегда заведенным порядком.

Псковская губерния считалась в столице одной из самых «благополучных». Начальник местного жандармского управления полковник Вольский в донесении, направленном по инстанции начальству в марте 1900 года, так оценивал положение в губернии: «Имею честь донести, что общее настроение народонаселения Псковской губернии,

без различия сословий, в минувшем году отличалось, как и прежде, полною благонамеренностью и преданностью Правительству; случаев какого-либо волнения или ненормального отношения между всеми классами населения ни в одной из местностей не было, так равно и вредного направления или неправильных действий со стороны лиц, служащих в правительственных и других общественных и земских учреждениях, не замечалось».

В тихий Псков ссылали молодых людей, заслуживших репутацию политически неблагонадежных, рассчитывая, что здесь, в провинции, они не смогут заниматься революционной деятельностью и «остепенятся», станут «благонамеренными гражданами». В городе была довольно большая группа сосланных из столицы «за государственные преступления» народовольцев, социал-демократов, а также студентов, у которых не было еще пока твердых политических убеждений. К последним относился и Владимир Смирнов.

Тяга к чтению привела Смирнова в городскую общественную библиотеку. Она была открыта совсем недавно, два года назад, на пожертвования местных прогрессивных деятелей, в том числе знакомого Смирнову сотрудника статистического отдела при местном земстве народовольца Н. Ф. Лопатина, который получил крупное наследство от деда. Здесь в читальном зале юноша засиживался до позднего вечера. Однажды вечером он стал свидетелем собрания местных революционеров. Увлекшись книгой, не заметил, что читальный зал, в котором обычно занималось днем всего несколько человек, заполнился народом. За всеми столиками сидели люди. К его плечу притронулся высокий мужчина:

— Молодой человек, извините, у нас здесь сейчас начнется заседание ревизионной комиссии библиотеки.

Это было вежливое предложение Смирнову покинуть читальный зал. Но тут из угла донесся голос Николая Лохова:

— Александр Митрофанович, он в «Крестах» сидел, ему можно и послушать.

Смирнову разрешили остаться. Александр Митрофанович оказался, как потом узнал Смирнов, работником земства Стопани, впоследствии — видным деятелем РСДРП. Здесь же были Н. Ф. Лопатин, В. А. Оболенский, Г. Т. Милов и другие ссыльные революционеры. Разговор у них шел о событиях в Петербурге, о путях развития революции.

Один из выступавших, напомнив о подвигах героев «Народной воли», призывал продолжить террористические акты против членов царской семьи и правительственных чиновников «по всей России», чтобы ликвидировать, таким образом, наиболее ненавистных царских опричников и заставить царя пойти на уступки, отречься от трона и провозгласить Россию демократической республикой.

И хотя оратор говорил горячо, убежденно, даже Смирнов чувствовал, что надежды его нереальны, беспочвенны. «Сколько бы ни убивали царских чиновников, на их место немедленно становились другие, еще более наглые и жестокие,— думал юноша.— А царь — разве он отречется от трона добровольно? Как бы не так! Да он моря крови своих подданных прольет, а от власти не откажется».

Запомнилось Смирнову выступление Николая Лохова. Он заявил, что странно слушать сегодня, когда на дворе стоит 1899 год, выступление народовольца.

— Надежды на террор и на героев-одиночек — это вчерашний день нашей революционной истории,— сказал он.— Марксизм неопровержимо доказал, что будущее революции — только за пролетариатом, только за этим классом современного общества, который один в состоянии привести Россию к революции. Главное — это теперь поднять рабочих, разбудить в них классовое сознание,— говорил Лохов.— А что всего ближе человеку? Его собственное благополучие. Надо призывать, чтобы рабочие организовывали забастовки за увеличение жалованья и за отмену

штрафов, за сокращение рабочего дня. А политическая борьба против царизма, за социализм — все это дело будущего. К политической борьбе пролетариат перейдет потом, когда добьется удовлетворения своих экономических требований.

Один из присутствовавших пытался протестовать:

— Но разве без политической борьбы за свержение самодержавия можно добиться свободы для трудящихся и угнетенных наций?

— В развитии классовой борьбы неизбежна первая стадия — экономическая,— ответил Лохов.— Для рабочего сейчас лишняя копейка на рубль зарплаты дороже социализма. Ну а потом, когда экономические требования будут удовлетворены, рабочий класс перейдет ко второй стадии, к борьбе политической. И тут уж ничего не поделаешь, таков объективный закон.

Смирнов не вмешивался в дискуссию, но в глубине души не верил до конца в правоту слов Лохова. Он никак не мог понять, почему политические лозунги нельзя выдвигать сегодня. Разве требования повысить зарплату рабочим могут поднять на борьбу студентов, крестьян? А как быть финляндцам, права которых все более попирает царское правительство? Ждать? В условиях, когда правительство продолжает политику репрессий, в том числе и против студентов. Из газет и от товарищей, бывавших в Петербурге, он знал, что более тысячи человек исключено из высших учебных заведений и выслано из столицы, члены студенческого организационного комитета арестованы и брошены в тюрьму.

Дни шли. 31 июля (ст. ст.) 1899 года были опубликованы утвержденные Николаем II так называемые «Временные правила», согласно которым «воспитанники высших учебных заведений за учинение скопом беспорядков в учебных заведениях или вне оных, за возбуждение к таким беспорядкам, за упорное, по уговору, уклонение от

учебных занятий и за подстрекательство к такому уклонению» подлежали отдаче в солдаты.

«Временные правила» вызвали новую волну недовольства у студентов и прогрессивной общественности страны.

Владимир бывал в Финляндии. Она буквально бурлила от недовольства. Виргиния Карловна уверяла сына:

— Император ничего не знает о положении вещей. Его ввели в заблуждение. Надо информировать царя, что конституция Великого княжества Финляндского нарушается, и он отменит свой манифест, я уверена.

По всей Финляндии шел сбор подписей под «всеподданнейшим адресом» Николаю II. Его подписал каждый пятый финляндец. Этот документ повезла в Петербург делегация из 500 человек, которую возглавляли самые известные политические и общественные деятели страны. Но царь не пожелал принять делегацию. Недовольство в Финляндии политикой царизма еще более усилилось.

Не затихала борьба и в Петербурге. Студенты университета требовали возвращения в стены альма-матер всех исключенных и высланных из столицы своих товарищей. В январе 1900 года собрание студентов университета приняло резолюцию, которая должна была лечь в основу решений предполагавшегося тогда съезда представителей студенческих организаций страны. В ней говорилось: «В случае неудовлетворения ходатайства о принятии бывших студентов стараться поступать на фабрики и заводы и заручаться симпатиями рабочих, давно уже озлобленных против распоряжений правительства».

8 февраля 1900 года студенты университета снова сорвали торжественную церемонию в актовом зале и организовали шествие по набережной Невы с пением «Дубинушки» и «Нагаечки». На рапорте начальника охранного отделения об этом Николай II «собственноручно написать изволил»: «Из этого видно, насколько необходимо действительно усилить, а главное, улучшить инспекцию в университете». И штаты шпионов охранки были снова увеличены.

Смирнов в это время жил то в Пскове, то в Гельсингфорсе. Его симпатии были на стороне тех, кто выступал против царской политики насилия. Он горел желанием вернуться в Петербург, чтобы снова принять участие в революционной борьбе за попранные права студентов, за втоптанные царизмом в грязь революционные идеалы молодежи. Присутствуя на собраниях ссыльных, он все больше убеждался в правоте марксистского положения о ведущей роли пролетариата в революции и готовил себя к нелегальной работе на заводах и фабриках Петербурга.

ГЕРАНЬ НА ОКНЕ

В Пскове Владимир Смирнов познакомился со студентом Будриным, также высланным из Петербурга за участие в «беспорядках». Будрин был старше, опытнее. И вот теперь в Петербурге он вел кружок, в котором занимались рабочие одного из столичных заводов. Слушатели кружка собирались на квартире учительницы, которая симпатизировала социал-демократам. Будрин читал статьи из «Рабочей мысли», нелегальные брошюры. Рабочие внимательно слушали, обсуждали прочитанное, рассказывали об обстановке на своем заводе, а также на других предприятиях города. Будрин пригласил как-то на занятие и Смирнова. Юноше было интересно слушать не очень грамотные и связные, но меткие замечания рабочих о политике царизма и хозяевах их завода.

По поручению пропагандиста Смирнов хранил у себя, а потом и на квартирах своих знакомых нелегальные социал-демократические издания, в том числе отдельные номера «Рабочей мысли».

Будрин учил слушателей конспирации. Он предупредил их, что на занятия можно приходить только тогда, когда на окне в квартире учительницы будет стоять горшок с геранью. Получив сигнал об опасности, хозяйка дол-

жна убрать его. Нет цветка на окне — в квартиру заходить нельзя, там может быть засада.

Квартира, где проходили занятия кружка, располагалась на втором этаже старого кирпичного дома. Герань в окне была хорошо видна с противоположной стороны улицы. Смирнов, перед тем как идти на кружок, обычно прогуливался по тротуару вдоль витрины булочной, рассматривал за стеклом булки и калачи и ясно видел на окне в доме напротив горшок с цветущей геранью. Затем он переходил улицу и поднимался в квартиру.

Предосторожности были не лишними: каждый раз он шел на занятия нагруженный «наглядными и учебными пособиями» — нелегальной литературой. В прихожей Будрин его встречал неизменной шуткой:

— Что-то ты, Володя, располнел! Это вредно, пора тебе садиться на диету! — и помогал Смирнову «худеть», извлекая из-под его студенческой куртки брошюры и газеты.

Однажды в октябре 1899 года Смирнов, приехав в столицу, направился вечером на занятие кружка. Сойдя с конки, он шел, как всегда, по противоположному тротуару улицы, направляясь к булочной. Здесь все как обычно: румяные булочки, калачи, крендели. Смирнов начал уже переходить улицу, но, взглянув вверх, вдруг заметил, что цветка в окне нет. В чем дело? Может быть, хозяйка просто сняла цветок, чтобы полить или помыть его? Но почему перед занятием? Пока эти мысли проносились в голове, ноги понесли юношу к знакомому подъезду. Из двери вышел мужчина в шляпе и внимательно посмотрел на Смирнова. Тот вздрогнул, повернул налево и с безразличным видом пошел к соседнему подъезду, чувствуя на себе изучающий взгляд незнакомца. Ждал трели полицейского свистка. Но его не задержали. Он вошел в незнакомый подъезд, поднялся на верхний этаж, выждал на лестничной клетке, пока совсем не стемнело, а потом отправился домой.

Почти всю ночь не спал. Беспокоили тревожные мысли.

Как произошел провал? Что с Будриным, с учительницей и с рабочими — участниками кружка? Надо ли и ему ждать ареста? Посоветоваться было не с кем. На всякий случай в ожидании ночного визита жандармов «очистился», просмотрел книги и тетради, выбросил в печку все бумажки, которые могли вызвать подозрение. Нелегальные издания положил в большую банку из-под конфет и вынес в коридор, пристроил на полку над входной дверью. Порадовался, что наиболее «опасные» материалы оставил в тайнике. До утра ожидал стука в дверь. Но его не арестовали ни в ту ночь, ни после.

Через несколько дней у знакомого студента Львова узнал, что Будрина выдал провокатор, пробравшийся в его кружок. Арестованы были Будрин, хозяйка квартиры и некоторые рабочие. Но агент охранки, как видно, не знал фамилии и адреса Смирнова, поэтому он и остался на этот раз вне поля зрения полиции.

Львов помог Владимиру связаться с комитетом петербургского «Союза борьбы», и Смирнов стал выполнять отдельные задания, связанные с хранением и перевозкой литературы в черте города. Задания эти получал через Львова. Через несколько месяцев, зимой, Львов был арестован, и связь с комитетом оборвалась.

К этому времени относится начало журналистской деятельности Смирнова. Он пишет заметки о положении питерских рабочих, о политике царизма в Финляндии и передает их для опубликования Николаю Лохову, который был одним из редакторов «Рабочей мысли». Переводит с шведского и финского рассказы финляндских писателей и пытается опубликовать их в петербургских изданиях.

В феврале 1900 года Лохов дал почитать Смирнову номер 4—5 выходившего за границей журнала «Рабочее дело». На столе лежала еще какая-то брошюра.

— А это что? — спросил Смирнов.

— Да так, приложение к журналу,— неохотно ответил Лохов, пряча брошюру в стол.

С большим трудом Смирнову удалось уговорить товарища дать почитать заинтересовавшую его брошюру. Это оказался «Протест российских социал-демократов». Против чего же протестуют эти 17 социал-демократов, подписавших протест? И, отложив журнал в сторону, Смирнов углубился в изучение брошюры. В ней содержалась критика «кредо» «молодых» русских социал-демократов, которые призывали рабочих ограничиться борьбой за экономические требования, оставив в стороне требования политические. «Осуществление подобной программы было бы равносильно политическому самоубийству русской социал-демократии, равносильно громадной задержке и принижению русского рабочего движения и русского революционного движения (два последние понятия для нас совпадают)»,— писали авторы «Протеста».

Подвергалась критике и газета петербургских рабочих «Рабочая мысль», в которой Смирнов сотрудничал. Это заставило его глубоко задуматься. Он не раз слышал из уст Лохова и его друзей, будто рабочие «не доросли» до политической борьбы. Считал это неверным, но молчал. Думал, что еще чего-то не понимает. А вот эта группа социал-демократов во весь голос заявляет: нужно объявить решительную борьбу «экономизму» в русском рабочем движении. Есть над чем задуматься!

Смирнов не знал, что автором «Протеста» был В. И. Ленин, написавший его в ссылке, в Шушенском.

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ВСТРЕЧА

Как-то весной Смирнов встретил в Петербурге Лохова. Тот был необыкновенно важен и таинствен. Сказал только:

— Тут, брат, такие дела начинаются... Потом узнаешь.

Из его недомолвок Смирнов понял, что Лохов встречается в Пскове в эти дни с каким-то необыкновенным человеком. Николай не сказал своему товарищу, что в его родном городе живет только что возвратившийся из сибир-

ской ссылки В. И. Ульянов, автор ряда известных среди российских социал-демократов произведений, в том числе книги «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», которая произвела в свое время на Смирнова такое большое впечатление. Владимир Ильич приехал в тихий Псков, чтобы продолжить подготовку к изданию за границей газеты «Искра» и журнала «Заря». Он вел переговоры с С. И. Радченко, А. М. Стопани и Н. Н. Лоховым о создании в Пскове группы содействия будущей «Искре», встречался с другими представителями местной интеллигенции, часто посещал городскую библиотеку. В ходе дискуссий подвергал резкой критике Лохова, увлекавшегося идеями Бернштейна, считал его увлечение «экономизмом» вредным для рабочего движения.

Вокруг Ленина быстро сплотился круг единомышленников. Часть из них стали потом агентами «Искры». С приездом Владимира Ильича провинциальный Псков превратился в центр притяжения для российских социал-демократов. Сюда для встречи с ним приезжали А. Н. Потресов, А. М. Калмыкова, П. П. Маслов и другие. В конце марта — начале апреля 1900 года в Пскове состоялось совещание, в котором участвовали четыре социал-демократа — В. И. Ленин, Ю. О. Мартов, А. Н. Потресов, С. И. Радченко, а также два «легальных марксиста» — П. Б. Струве и М. И. Туган-Барановский. На совещании был принят подготовленный В. И. Лениным «Проект заявления редакции «Искры» и «Зари».

Активная деятельность В. И. Ленина не могла укрыться от глаз охранки. Начальник Петербургского охранного отделения полковник Пирамидов информировал в апреле 1900 года департамент полиции, что в Пскове В. И. Ульяновым и другими социал-демократами устраиваются собрания, на которых читаются рефераты о марксизме и Бернштейне. В собраниях участвуют как местные, так и приезжие из Петербурга социал-демократы. Пирамидов предлагал послать в Псков филеров и учредить там системати-

ческое наблюдение за В. И. Ульяновым и всеми, кто с ним встречается.

Владимира Смирнова в это время не было в Пскове. В конце февраля 1900 года правительство было вынуждено уступить настойчивым требованиям студенчества и разрешило продолжить учебу значительной части студентов, исключенных из университета весной 1899 года. Среди «амнистированных» был и Владимир Смирнов. Он вернулся в университет, не зная, что в Пскове, совсем недалеко от его дома, живет человек, который впоследствии не только сыграет решающую роль в его личной судьбе, окажет влияние на его становление как большевика, но и возглавит победоносную социалистическую революцию, будет первым председателем рабоче-крестьянского правительства России.

Николай Лохов находился в Пскове под гласным надзором полиции. По распоряжению министерства внутренних дел он подлежал высылке в Астраханскую губернию сроком на четыре года. Ведя переговоры с В. И. Лениным о создании «Искры», Лохов, как оказалось, и не думал оказывать ему помощь в этом важном деле. Его занимали другие мысли. Будучи убежденным «экономистом», он заботился прежде всего о том, чтобы, получив от псковского полицмейстера проходное свидетельство для следования в Астрахань, скрыться за границу, рассчитывая там принять участие в работе редакции газеты «экономистов» «Рабочая мысль».

Перед отъездом Лохов дал Смирнову пароль, с помощью которого можно было связаться с петербургским «Союзом борьбы». Приехав в столицу, студент направился по указанному адресу. Дверь открыла молодая женщина. Смирнов назвал пароль, представился. По просьбе хозяйки рассказал о себе все — об участии в студенческом движении, о «Крестах» и псковской ссылке.

Женщину звали Елизавета Николаевна Федорова. Она была членом петербургского «Союза борьбы». От нее Смир-

нов вышел с пачкой нелегальной литературы, спрятанной за пазуху.

С этого вечера он начал выполнять конспиративные поручения «Союза»: бывал на нелегальных собраниях, принимал на вокзале от приезжих товарищей чемоданы с подпольной литературой, устраивал склады на «чистых» квартирах знакомых и родственников, отвозил подпольные издания на заводы.

Держать нелегальные издания у себя Смирнов считал опасным, боясь подвести товарищей. Ведь он состоял под надзором полиции. После долгих размышлений юноша нашел два места, которые, по его мнению, были надежными и не могли вызвать подозрений: барачная больница Боткина, где сестрой работала знакомая по Гельсингфорсу финляндка, а также дом Фредерикса для вдов и девиц, который располагался на Фонтанке, 137. Здесь жила его родственница Зинаида Ивановна Смирнова. В складном диване, на котором она спала, Владимир и прятал нелегальную литературу.

Именно с этого времени, с весны 1900 года, и исчисляется партийный стаж В. М. Смирнова.

ДВОЕ В ШХЕРАХ

Летом 1900 года на островах возле финляндского города Або (Турку) появились двое приезжих. Один из них, Август Мякеля, был местным уроженцем, и многие его знали еще мальчишкой. Теперь он вырос, стал известным деятелем рабочего движения страны, редактором ежедневной социал-демократической газеты «Тюёмиес» («Рабочий»). Приехал в родные места отдохнуть и порыбачить. С собой привез своего приятеля, Паульсона.

Старший Мякеля по случаю приезда сына по традиции устроил застолье. Пригласил родственников и знакомых — пусть посмотрят, какой у него вырос умный сын. Собрав-

шиеся — в основном рыбаки и крестьяне — вели неторопливый разговор об урожае, о ценах на рыбу в Гельсингфорсе и Стокгольме, о царском манифесте, который ущемлял права финляндцев. Паульсон молча слушал. Мякеля время от времени задавал вопросы.

— А в Стокгольм вам часто приходится плавать? — спросил Мякеля своего дядю, рослого старика, занимавшегося рыбацким промыслом.

— Да, ведь, если рыбачим неподалеку от Готланда, рыбу везем на продажу в Нючёпинг или в Стокгольм. Оттуда ближе, чем домой, в Финляндию. Но, бывает, рыбы привезут в Стокгольм много, и приходится отдавать ее за бесценок.

Мякеля и Паульсон переглянулись. Никто этого не заметил. Застолье продолжалось.

На другой день приезжие напросились в гости на хутор к дяде Мякеля. Подъехали на телеге к деревянному дому, окрашенному красной охрой. Он стоял на высоком берегу. Внизу плескались о камни волны. У причала терлись борт о борт рыбацкие лодки. Вдоль берега на кольях сушились сети.

Вечером, сидя у костра, хлебали свежую уху. Мякеля спросил старика:

— Дядя Матиас, скажите, вас российская пограничная стража у финских берегов останавливает?

— А что? Ты уж давай прямо говори, племянник, вижу, что ходишь вокруг да около. Привезти что-то надо из Швеции? Приходилось мне возить кое-что, скрывать не буду. Ни разу не попался. Стража встречается не всегда. Если и остановят, наши баркасы смотрят кое-как. Таможенники главное внимание обращают на пассажирские пароходы.

В разговор вступил Паульсон:

— А если бы вам каждый раз по приезде в Стокгольм передавали небольшой пакет, смогли бы вы его передать в Турку человеку, которого мы назовем?

— Почему нет? Но ведь, сами понимаете, законы насчет контрабанды строгие...

— Не контрабанда это,— перебил Мякеля.— В пакетах будет русская литература.

— Русская? — удивился рыбак.— А почему вы об этом хлопочете?

— Попросили нас товарищи из Петербурга. И платить они будут за это. А литература это запрещенная, против царизма направление имеет.

— Ну что же, можно подумать, если против царизма,— сказал рыбак.— Только ведь я редко бываю в Стокгольме.

— А нельзя еще с кем-то поговорить, с надежными людьми, чтобы и они прихватывали при случае по пакету?

— Почему нельзя, поговорить можно...

В этот вечер договорились обо всем. Рыбаки будут заходить в Стокгольме в Народный дом, в редакцию социал-демократической газеты. Здесь они разыщут человека по имени Свенссон. Пароль: «Привет от Паульсона». Он передаст им пакеты с русской нелегальной литературой. В Або пакеты нужно сдать в почтовый вагон поезда, следующего в Петербург. Почтальоном там служит, как заявил Август Мякеля, верный человек. На пакетах рыбаки должны написать адреса людей, живущих на станциях возле финляндско-российской границы. Эти адреса Август Мякеля обещал выслать дяде в ближайшие дни. Рыбаки информируют по телефону Мякеля условленной фразой — об отъезде дяди Матиаса в Райволу или Териоки, в зависимости от того, на какую станцию будет отправлен пакет.

На другой день друзья распрощались с родными Мякеля и отправились пароходом в Або. Сидя в шезлонгах на палубе и любуясь зелеными островами с нарядными домиками на скалах, они тихо беседовали.

— Как только тебе сообщат об отправке «товара», немедленно извести меня телеграммой приблизительно такого же содержания, как и сообщения рыбаков: об отъезде дяди Матиаса на одну из пограничных станций. Адреса

получателей ты мне также сообщишь. Ну а перевозку литературы оттуда в Петербург — это мы организуем.

— А куда посылать телеграммы, на твой петербургский адрес?

— Нет, я думаю, лучше на Петербургский почтамт до востребования. Я буду заходить туда регулярно и спрашивать. Так будет надежнее.

— Хорошо, Вольдемар,— ответил Мякеля.

Вольдемар, Паульсон — это был Владимир Смирнов.

Из Або Смирнов первым же поездом отбыл в Гельсингфорс. На другой день в Петербурге он сообщил члену «Союза борьбы» Е. Н. Федоровой о проведенных переговорах. Первые партии литературы скоро должны были поступить в столицу.

Осенью Владимир Смирнов несколько раз получал телеграммы от Мякеля о «дяде», и Федорова посылала кого-нибудь из студентов на станцию для получения пакета. Литературу раскладывали по карманам, за пазуху, чтобы не привлечь внимания таможенной охраны в Белоострове. Таким образом, удалось получать из Стокгольма социал-демократические брошюры и газеты, издававшиеся за границей. Но их было очень мало, Петербург требовал гораздо больше. Интерес рабочих к марксистской литературе возрос, и удовлетворить голод в ней с помощью нерегулярных и редких поездок рыбаков было невозможно. Кроме того, с началом морозов эти перевозки вообще прекратились. Море между Стокгольмом и Або замерзло, ходили только рейсовые пассажирские пароходы, дорогу которым пробивали ледоколы. Рыбацкие же баркасы были вытащены на берег до весны.

Шведские социал-демократы посылали зимой русскую социал-демократическую литературу в Финляндию на пассажирских пароходах, надеясь, что она не будет замечена в порту жандармами и благополучно достигнет Петербурга. 23 января (ст. ст.) 1901 года начальник Финляндского жандармского управления полковник Фрейберг донес ге-

нерал-губернатору Бобрикову, что его помощник в портовом городе Ганге ротмистр Лявданский был свидетелем выгрузки большого количества литературы, прибывшей из Стокгольма на пароходе «Велламо». «Был ящик также и с лейпцигскими изданиями, но без обозначения адреса получателя,— говорилось в донесении.— Надо полагать, что этот ящик заключал в себе русскую подпольную литературу и предназначался для водворения в Россию контрабандным путем».

ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ

Мюнхенский почтальон зашел в пивную «Цум гольденен Онкель». В этот будний мартовский день у стойки находился сам хозяин пивной Георг Ритмейер, полный мужчина средних лет. Почтальон знал, что Ритмейеру принадлежит не только пивная, но и весь четырехэтажный дом номер 53 по Кайзерштрассе, в цокольном этаже которого расположилось питейное заведение. Дом был превращен в дешевую гостиницу, и Ритмейер считался в мюнхенском квартале Швабинг зажиточным человеком, хотя он — это тоже было известно почтальону — и придерживался социал-демократических взглядов. Почтальон у двери вежливо поклонился и произнес:

— Вы самый популярный человек у нас в Мюнхене, герр Ритмейер! Вам пишут письма даже из России!

Хозяин пивной обернулся к двери.

— Заходите, герр Мюллер,— приветливо сказал он.— Только что свежее пиво получили.— И придвинул к краю стойки кружку, наполненную пенящимся баварским пивом.

Почтальон одним духом выпил кружку, вытер, блаженно улыбаясь, усы и выложил на стойку из сумки несколько конвертов.

— Это для вас, герр Ритмейер! Сегодня еще больше, чем прошлый раз.

— Большое спасибо! — Ритмейер убрал конверты под стойку. — Еще кружку?

Через полчаса Ритмейер постучался в двери одной из комнат своего дома. Из-за двери раздалось:

— Войдите!

Ритмейер открыл дверь. За столом, заваленным бумагами, сидел молодой человек с усами и небольшой бородкой. Увидев входящего Ритмейера с конвертами в руках, он быстро встал и пошел, улыбаясь, навстречу.

— Здравствуйте, господин Ритмейер, здравствуйте, мой дорогой почтмейстер.

Ритмейер подал ему пакет:

— Опять вам, герр Мейер, письма из России. Только что принесли.

— Спасибо! — Мейер взял почту, предложил хозяину гостиницы единственный находившийся в комнате стул, сам сел на кровать:

— Извините, не терпится взглянуть, что тут.

Пока Мейер знакомился с письмами, хозяин осмотрелся. Все говорило о том, что человека, живущего в этой комнате, мало интересуют удобства. Обстановка была скромной. Ничего лишнего. Кровать, стол, стул. Но много книг. И на столе, и на подоконнике. Есть книги и на русском языке.

Хозяин гостиницы «Цум гольденен Онкель» Георг Ритмейер был в числе тех немногих германских социал-демократов, которые знали, что с сентября 1900 года в Мюнхене под фамилией Мейер живет известный российский социал-демократ Владимир Ульянов. Ему было известно также, что Ульянов руководит в Мюнхене изданием социал-демократической газеты «Искра», которая печатается здесь, а затем неведомыми для Ритмейера путями переправляется в далекую Россию.

Георг Ритмейер знал, что за Ульяновым охотятся агенты германской полиции и царской охранки, но он считал своим долгом помогать революционерам, борющимся про-

тив царизма, и поэтому предоставил без прописки одну из комнат в своей гостинице Владимиру Ульянову, а также разрешил использовать свой адрес для пересылки для него корреспонденции из России.

— Я вам очень благодарен, господин Ритмейер,— прервал размышления хозяина постоялец.— Вы принесли мне очень важные известия. Не хотите ли выпить чаю?

Хозяин гостиницы, сославшись на неотложные дела, отказался от чая и сразу же ушел. А Мейер-Ульянов присел к столу, вынул из конверта одно из писем, зажег керосиновую лампу и начал нагревать листок у стекла. Между строк проступали слова конспиративного сообщения. Редакцию «Искры» извещали из России о провале большого транспорта с газетой, который пытался переправить через прусскую границу латышский студент Эрнст Ролау. Сам Ролау ареста избежал, но его помощники схвачены, около тысячи экземпляров первого номера «Искры» попало в руки жандармов. Это — большая потеря. Тем более что «Искру» так ждут в России! Об этом пишут в редакцию многие агенты газеты. Придется налаживать другие транспортные пути.

Владимир Ильич взял из стопки листок почтовой бумаги и начал писать письмо в Берлин, одному из членов группы содействия «Искре» — Ф. И. Дану. «Что и как с финляндскими путями? — спрашивал он.— Мы ничего не знаем и об этом ни одного письма не получили от Вас».

В этот же день, 9 (22) марта 1901 года, из Мюнхена ушло еще одно письмо. Оно было адресовано петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса». Бывшая до приезда Н. К. Крупской секретарем редакции «Искры» И. Г. Леман извещала петербургских товарищей, что искровская литература отправлена по указанному адресу в Стокгольм. «Но «Заря» туда не попала. Теперь готова и она. Можно ли теперь направить ее туда же?» — спрашивала она.

...После зверского избиения 4 марта 1901 года у Казанского собора участников демонстрации, протестовавших против отдачи студентов в солдаты, улицы Петербурга патрулировались нарядами полиции. Двое городовых шли по скверу, оглядывая сидевших на скамейках людей. Весеннее солнце пригревало, и почки на деревьях вот-вот готовы были раскрыться. На одной из скамеек сидели студент и молодая дама. Она ворковала, положив голову на плечо спутника:

— Ах, как здесь чудесно! Совсем весной пахнет!

Как только городовые скрылись, дама подняла голову и сказала:

— Не могу видеть этих убийц!

— Я тоже, Елизавета Николаевна,— ответил юноша.— Много моих товарищей было избито у Казанского собора и арестовано. Я чудом снова не попал в «Кресты».

— Итак, к делу, Владимир,— деловым тоном сказала дама.— Повторяю. Очень важное задание, с которым можете справиться только вы. Надо наладить регулярную перевозку литературы из Стокгольма. Там, в правлении шведской социал-демократической партии, ее скопилось уже много. Товарищи из-за границы регулярно посылают туда пачки газет и брошюр. Поезжайте в Гельсингфорс, попытайтесь через ваших знакомых наладить дело. Пусть кто-то из финнов ездит в Стокгольм за литературой. А из Гельсингфорса ее нужно переправлять в Питер.

— Наверно, потребуются деньги, Елизавета Николаевна,— нерешительно проговорил юноша.

— Да, конечно. Я дам вам немного на первое время. Билеты в Стокгольм и обратно будем оплачивать мы. Но экономьте. Мы очень ограничены в средствах, сами понимаете. По копейке собираем у рабочих.

— Я мог бы предложить способ добыть немного денег.

— Какой?

— В Финляндии зреет большое недовольство политикой царизма. Один из художников нарисовал картину, в

которой в аллегорической форме говорится о насилии царского самодержавия над Финляндией. На картине нарисована девушка, символизирующая собой Финляндию. В ее руках книга — конституция. Огромная черная птица (самодержавие) пытается вырвать книгу из рук девушки, лишить Финляндию конституции. Финны продают копии этой картины и собирают немалые средства на подпольные цели. Почему бы и нам не заняться продажей таких копий? Я могу попросить у моих финляндских друзей несколько десятков. По-моему, питерская интеллигенция стала бы покупать. Как вы думаете?

— Можно попробовать,— ответила женщина.— Но у меня для вас еще одно важное поручение: отпечатать листовки к первомайской демонстрации. Несколько сот экземпляров. Мы их распространим Первого мая среди демонстрантов. Отпечатаете, как всегда, в Гельсингфорсе и перешлете сюда. Распространением займутся другие.

— Когда выезжать в Гельсингфорс?

— Завтра же.

Смирнов замялся:

— Но завтра у меня экзамен...

— Очень сожалею. Революционный долг обязывает вас завтра выехать, иначе вы не успеете напечатать листовки. Это важнее вашего экзамена.

Смирнов не стал спорить. Он и сам понимал, что ему доверено очень важное дело, и экзаменом придется пожертвовать. Получив от Федоровой текст листовки и деньги, отправился в университет. Ему удалось, сославшись на внезапную болезнь матери в Гельсингфорсе, уговорить декана перенести экзамен.

На другой день Смирнов выехал в Финляндию.

...Над Гельсингфорсом опустились сумерки. Рейпо Дроккила зажег лампу, придвинул к себе пахнущие свежей типографской краской полосы газеты «Арбетарен»

(«Рабочий») и начал читать, проводя вдоль строк остро отточенным карандашом. Вдруг раздался резкий телефонный звонок. Рейно не любил, когда его отрывали от вычитки полос, поэтому он не встал со стула, надеясь, что телефон замолчит. Но аппарат, висевший на стене, буквально надрывался, настойчиво требуя, чтобы кто-нибудь взял трубку. Рейно выругался про себя и подошел к аппарату.

— Это редакция еженедельника «Арбетарен»? — послышался в трубке мужской голос, говоривший по-шведски.

— Да,— ответил Дроккила.

— Рейно? Здравствуй, это Паульсон. У меня есть интересная книга. Ты не мог бы зайти завтра к шести вечера?

— Можно,— согласился немногословный Дроккила. Повесив трубку, он продолжил чтение газеты. Вверху каждой полосы надписывал: «В печать». И расписывался. Ночью «Арбетарен» будет отпечатан, и завтра утром подписчики — финляндские рабочие, говорящие на шведском языке, получат свежий номер социал-демократической газеты.

Вечером на другой день Рейно Дроккила пришел в русское отделение университетской библиотеки. При виде входящего в читальный зал редактора «Арбетарен» из-за стола поднялся молодой человек в студенческой куртке. Это был Владимир Смирнов — Паульсон.

— Привет, Рейно,— вполголоса проговорил юноша. Он взял редактора за плечо и увлек в коридор, к дальнему окну.

— Петербургский комитет РСДРП поручил мне важное дело,— начал Смирнов.— Надо наладить перевозку социал-демократической литературы из Стокгольма в Россию. И я очень рассчитываю на твою помощь.

— А чем я могу помочь?

— У тебя много знакомых среди финляндских рабо-

чих. Может быть, удастся подобрать верных людей и посылать их в Стокгольм за литературой? А доставку в Стокгольм мы наладим и с шведскими социал-демократами договоримся.

— Надо подумать,— ответил осторожный Дроккила.

В Гельсингфорсе, в типографии закрытой генерал-губернатором Бобриковым либеральной газеты «Нюа прессен» («Новая пресса») было немного русского шрифта. В подвальном помещении сохранился ручной печатный станок, которым пользовался еще норвежский студент Винцентс Гордер, помогавший российским революционерам в конце XIX века и арестованный за это в Петербурге. На этом станке Смирнов с помощью финских друзей печатал по заданию Петербургского комитета листовки и прокламации, предварительно завесив выходившее во внутренний двор окно. Финляндская полиция не проявляла особого интереса к судьбе типографии закрытой газеты, и пока все обходилось благополучно.

В эту ночь Смирнову пришлось много поработать. Сначала набрали текст по рукописи, привезенной из Петербурга. Потом по очереди с Мякеля крутили ручку печатной машины, печатали листовки. К утру напечатали их толстую пачку.

Утром Смирнов пошел на вокзал. Долго бродил по путям, пока не нашел знакомого машиниста. После обычных вопросов о здоровье семьи спросил:

— Возьмешь, как обычно?

— Много?

— Два пакета. Передашь их Парикке.

В то время финляндские железнодорожники не подвергались таможенному досмотру на российской границе в Белоострове. По просьбе Смирнова они провозили в Петербург запрещенную царскими властями революционную литературу. На Финляндском вокзале в Петербурге передавали пакеты и конверты с литературой доверенному человеку — рабочему железнодорожных мастерских социал-

демократу Парикке. Тот выносил ее в город в ящике с инструментами.

Одну листовку Владимир Смирнов передал знакомому финляндскому журналисту Арвиду Неовиусу, который редактировал подпольную газету финляндской партии «пассивного сопротивления» «Фриа урд» («Свободное слово»), выходившую в Стокгольме. Эта листовка была переведена на шведский язык и 7 мая полностью опубликована в газете «Фриа урд».

По возвращении в Петербург Смирнов вечером пришел на квартиру к Парикке, забрал листовки. Потом сразу поехал на явку к Федоровой. И чуть не попал в засаду. Явка была провалена. Пришлось брать извозчика, чтобы уйти от возможного преследования.

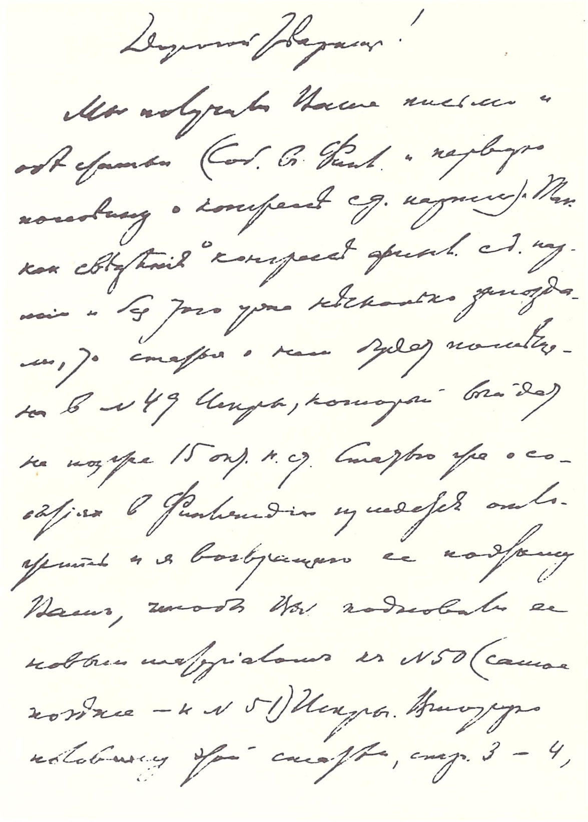
Потом узнал, что, пока он ездил в Гельсингфорс, Федорова и другие товарищи из «Союза борьбы» были арестованы. А листовки сыграли свою роль. 1 Мая объявили забастовку рабочие многих предприятий города. 7 мая состоялась демонстрация нескольких тысяч рабочих военного Обуховского завода. Конная полиция пыталась разогнать ее, но получила отпор. Вооруженные камнями, рабочие в течение нескольких часов мужественно отбивали атаки полицейских, жандармов и заводских стражников. Это первое в России организованное сопротивление рабочих царским войскам получило в истории название «Обуховской обороны».

В. И. Ленин, комментируя в 5-м номере «Искры» сообщения об этом выступлении рабочих Обуховского завода, писал:

«Правительство победило. Но каждая такая победа будет неуклонно приближать его окончательное поражение. Каждая битва с народом будет увеличивать число возмущенных и готовых к бою рабочих, будет выдвигать более опытных, лучше вооруженных, смелее действующих вожаков».

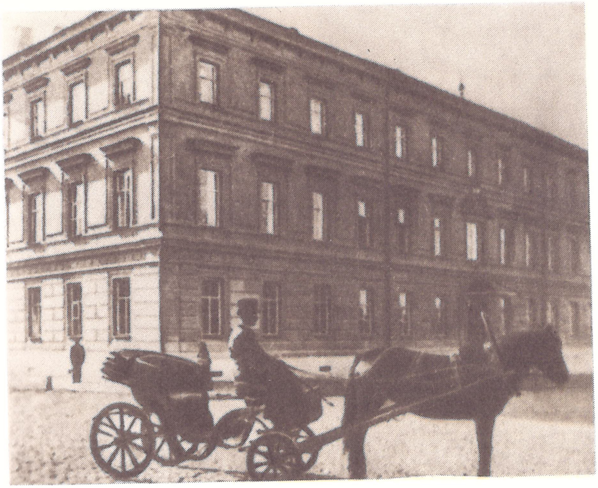
В. М. Смирнов. Фото начала века.

Письмо
В. И. Ленина,
написанное
1 октября
1903 года финляндскому корреспонденту «Искры»
Паульсону —
В. М. Смирнову.



Дорогой товарищ!

Мы получили Ваше письмо и
обе статьи (Соц. дем. Финл. и переводную
половину о конгрессе с.д. партии). Так
как событіе (конгресс финл. с.д. пар-
тіи) и без того уже несколько запозда-
ло, то статья о нем будет помеще-
на в № 49 Искры, который выйдет
на днях (15 окт. н. ст.). Статью же о со-
бытіях в Финляндіи придется отсро-
чить и я возвращаю ее обратно
Вам, чтобы Вы подновили ее
новым матеріалом к № 50 (самое
позднее — к № 51) Искры. Вторую
половину этой статьи, стр. 3 – 4,

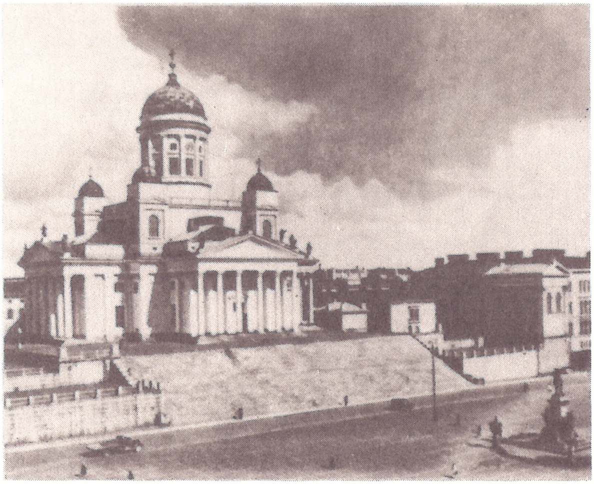


Дореволюционный Псков. Здание мужской гимназии, где учился В. М. Смирнов.

И. И. Радченко.

Е. Д. Стасова.

Сенатская площадь в Хельсинки. Снимок начала века.



Университетский диплом В. М. Смирнова.

ДИПЛОМЪ.

Предъявитель сего, Владиміръ Мартыновичъ Смирновъ, купеческій сынъ, вѣроисповѣданія православнаго, родившійся 5 Сентября 1876 года, по удовлетворительномъ выдержаніи въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-Петербургскомъ университетѣ полукурсоваго испытанія и по зачетѣ опредѣленнаго уставомъ числа полугодій на историко-филологическомъ факультетѣ С.-Петербургскаго университета, подвергался испытанію въ историко-филологической испытательной коммиссіи при С.-Петербургскомъ университетѣ въ Апрѣлѣ и Маѣ мѣсяцахъ 1901 года.

По представленіи сочиненія, признаннаго **весьма удовлетворительнымъ**, оказалъ слѣдующіе успѣхи: на письменныхъ испытаніяхъ: по Русской исторіи и Всеобщей исторіи — **весьма удовлетворительные**, на устныхъ испытаніяхъ: по Русской исторіи, Средней исторіи, Новой исторіи, Исторіи церкви и Исторіи славянъ — **весьма удовлетворительные**, по Греческому языку, Латинскому языку, Древней исторіи и Исторіи новой философіи — **удовлетворительные**.

Посему, на основаніи ст. 81 общаго устава ИМПЕРАТОРСКИХЪ Россійскихъ университетовъ 23 Августа 1884 года, Владиміръ Смирновъ, въ засѣданіи историко-филологической испытательной коммиссіи 29 Мая 1901 года, удостоенъ диплома **второй** степени со всѣми правами и преимуществами, поименованными въ ст. 92 устава и въ V п. ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго въ 23 день Августа 1884 года мнѣнія Государственнаго Совѣта. Въ удостовѣреніе сего и данъ этотъ дипломъ Владиміру Смирнову за надлежащею подписью и съ приложеніемъ печати Управленія С.-Петербургскаго учебнаго округа. С.-Петербургъ, *Сентября 14* дня 1901 года.

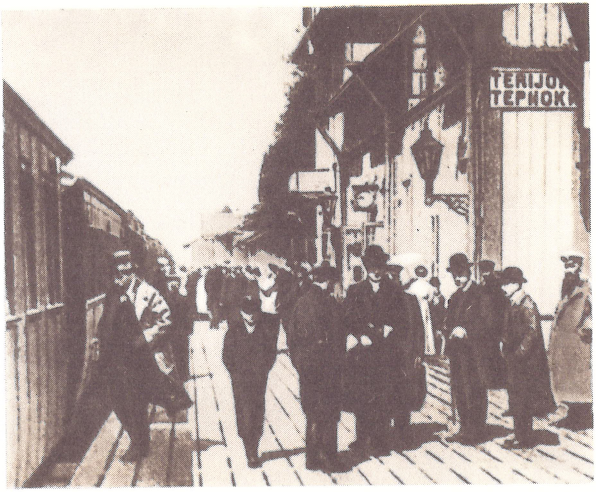
Попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа

Председатель историко-филологической испытательной коммиссіи

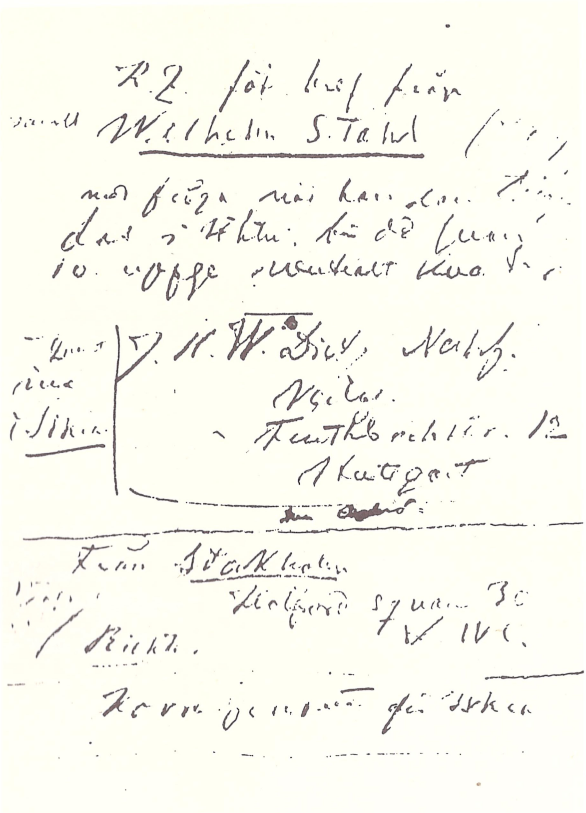
Правитель канцеляріи

А. Неовиус.

Н. Е. Буренин.



Станция Териоки, на которую прибывали из Турку ящики с искровскими изданиями. Фотография начала века.



Одна из страниц записной книжки А. Неовиуса. На ней пароль для встречи с представителем «Искры» в Стокгольме, адрес издательства «Дитц» в Штутгарте, на который направлялась корреспонденция для «Искры». Внизу — лондонский адрес Рихтера (В. И. Ленина).

Жандармское донесение от 13 мая 1903 года о задержании на станции Райвола ящика с номерами газеты «Искра».

304

М. В. Д.

ПОЛУЧЕНО

ИСПОЛНЕНО

Совершенно секретно

В. Нужное.

НАЧАЛЬНИКЪ ВЫБОРГСКАГО ...РАННАГО ОТДѢЛЕНІЯ

13 дня 190 3 г.

№ 41

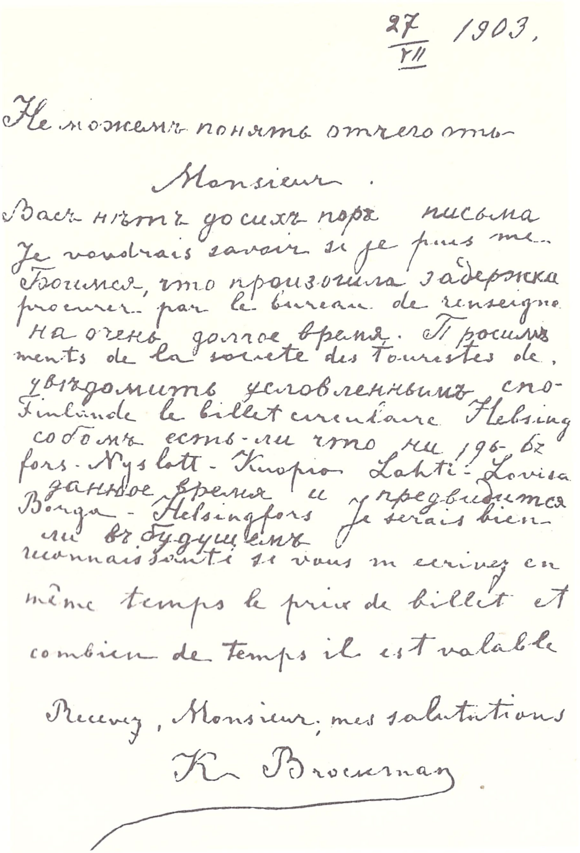
г. Выборгъ.

2-го сего Мая на ст. Райвола Финляндской жел.дор. былъ вскрытъ невостребованный отправителемъ деревянный ящикъ вѣсомъ въ 42 килограмма, заключавшій въ себѣ 2102 экземпляра революціонной газеты " И С К Р А ". Судя по багажнымъ клеймамъ, ящикъ этотъ отправленъ со станціи Кемере той же дороги подъ багажнымъ номеромъ 1179-мъ.

На станціи Райвола, а также и на станціи Кемере о времени полученія ящика ни какихъ опредѣленныхъ свѣдѣній дать не могли, потому что получаемому багажу на станціяхъ ни какой регистраціи не ведется, а отправленіе багажа хотя и заносится въ книги, но таковыя къ 1-му числу каждаго мѣсяца (новаго стиля) отправляются для ревизіи въ контроль желѣзныхъ дорогъ въ г. Гельсингфорсъ.

Въ виду вышеизложеннаго имѣю честь просить Ваше Высоко-

ГОСПОДИНУ ПОМОЩНИКУ НАЧАЛЬНИКА ФИНЛЯНДСКАГО ЖАНДАРМСКАГО УПРАВЛЕНІЯ ВЪ ГОРОДѢ ГЕЛЬСИНГФОРСЪ.


27/VII 1903.

Не можемъ понять отчего отъ

Monsieur.

Васъ нѣтъ до сихъ поръ письма

Je voudrais savoir si je puis me

Боимся, что произошла задержка

procurer par le bureau de renseigne

на очень долгое время. Просимъ

ments de la société des Touristes de

увѣдомить условленнымъ спо-

Finlande le billet circulaire Helsing

собомъ есть-ли что на 196-62

fors-Nyslott-Kuopio-Lahti-Lovisa

данное время и предвидится

Borga-Helsingfors Je serais bien

ли въ будущемъ

reconnaissant si vous m'écrivez en

même temps le prix de billet et

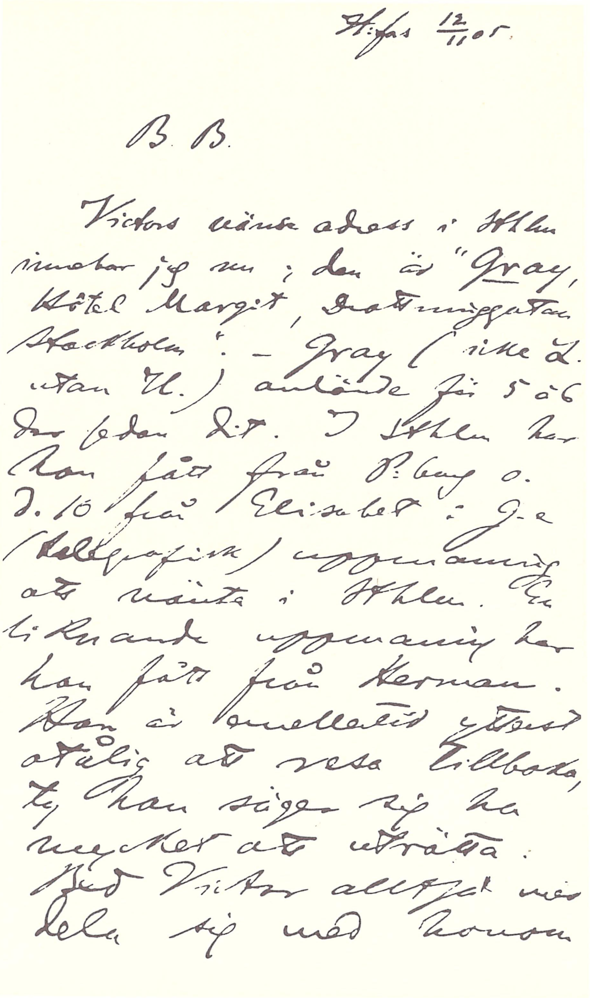
combien de temps il est valable

Recevez, Monsieur, mes salutations

K. Brockman

Одно из «химических» писем, полученных А. Неовиусом от российских подпольщиков. Между строк письма — слова нелегального послания.

Копия первой страницы письма А. Неовиуса из Гельсингфорса в Петербург А. Тернгрену от 12 ноября 1905 года, сообщающего адрес друга Виктора (Н. Е. Буренина) — Грая (В. И. Ленина) в Стокгольме: гостиница «Маркит», улица Дроттнинггатан.


H:fors 12/11 05.

B. B.

Victors nämnda adress i Sthlm inhemtar jag nu; den är "Gray, Hôtel Margit, Drottninggatan Stockholm". — Gray (icke L. utan U.) anlände för 5 à 6 dar sedan dit. I Sthlm har han fått från P:burg o. d. 10 från Elisabet i G-e (telegrafiskt) uppmaning att vänta i Sthlm. En liknande uppmaning har han fått från Herman. Han är emellertid ytterst otålig att resa tillbaka, ty han säger sig ha mycket att uträtta.

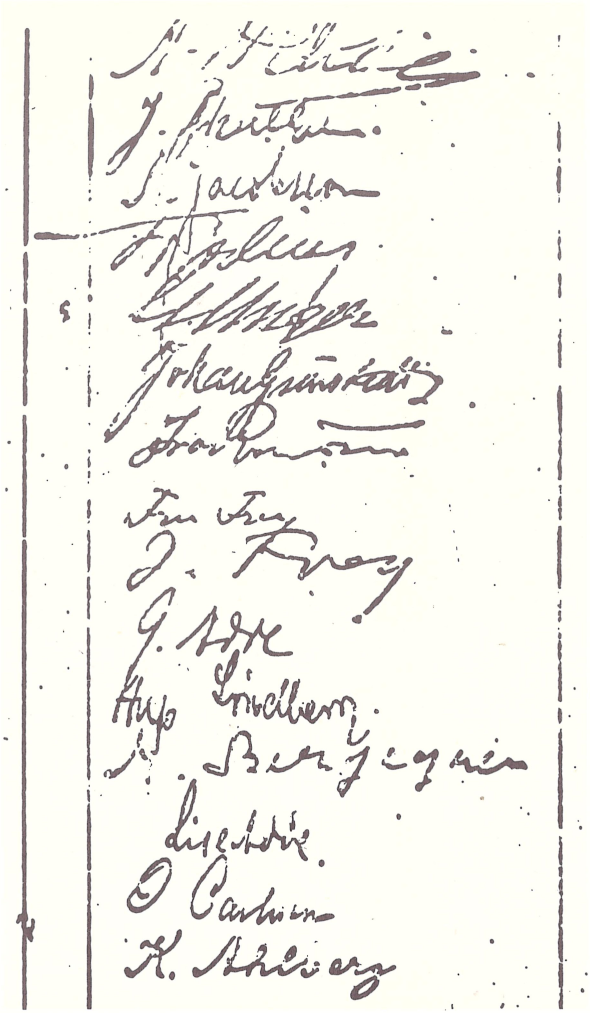
Bed Victor alltjämt med-dela sig med honom

Пограничная станция Белоостров. Фотография начала века.

Шведская станция Хапаранда, куда прибывали из Стокгольма транспорты с «Искрой» для переправки через границу, в Финляндию.

Королевская
библиотека
в Стокгольме.

Так выглядел
читальный зал
Королевской
библиотеки
в Стокгольме,
когда его
посещал
В. И. Ленин.



Одна из страниц книги посетителей Королевской библиотеки в Стокгольме за декабрь 1907 года. Видны подписи «Фру Фрей» и «Й. Фрей», которые оставили в книге Н. К. Крупская и В. И. Ленин, посетившие читальный зал библиотеки.

Пристань
Шеппсбрунн
в Стокгольме,
откуда уходили
пароходы
в Финляндию.
Снимок начала
века.

Дом на улице
Виронкату
в Хельсинки,
в котором
в ноябре
1905 года
по приезде из
эмиграции на
квартире
Г. Кастрена
останавливался
В. И. Ленин.

Дом на улице
Елизаветинской
(Лийсанкату) в
Гельсингфорсе,
в котором находилась квартира
В. М. Смирнова —
центр партийных
связей
в Финляндии.
Здесь в 1905—
1907 годах
неоднократно
останавливался
В. И. Ленин.

Гостиная
в гельсингфорской квартире
В. М. Смирнова,
в которой
бывал
В. И. Ленин.

...Рейно Дроккила расхаживал по палубе парохода «Боре», возвращавшегося из Стокгольма в Або. Вот и порт. Пароход медленно подошел к набережной. Пока матросы устанавливали трап, Рейно внимательно всматривался в толпу встречающих. Вроде ничего подозрительного. Жандармы, наверно, дежурят у таможни.

Рейно сошел на берег, передал тяжелый чемодан носильщику. Тот побежал вперед, положил чемодан на стол перед таможенным чиновником. Сердце Рейно Дроккилы забилось. Все! Сейчас чемодан откроют и обнаружат нелегальную русскую литературу. И тут он взглянул таможенному чиновнику в лицо.

— Тойво? — неуверенно спросил он.

— Рейно, ты ли? — откликнулся чиновник. Это был школьный товарищ Дроккилы, они выросли в одном поселке.

— Как дела? — тискал в объятиях Дроккилу бывший одноклассник.— Давно дома не бывал? Какие там у нас новости, слышал?

Толстый, пожилой жандармский унтер прислушивался к разговору.

— Ты слышал, Свенсона арестовали? — понизив голос, спросил Дроккилу приятель.

— Да что ты?! За что? Вроде старик никогда буйным нравом не отличался.

— Возил, говорят, на своей лодке какую-то запрещенную литературу и попался,— доверительно прошептал таможенный чиновник на ухо Дроккиле.

— Ну и что теперь?

— Да замнут, наверно. Финляндский суд не даст его в обиду. Но все же большая неприятность.

За Дроккилой накапливалась очередь пассажиров.

— Ну, будь здоров,— сказал Рейно и, взяв свой чемодан со стола, пошел к выходу.

Через пятнадцать минут он сел в вагон поезда, шедшего в Гельсингфорс. В пути обдумывал результаты своей

поездки в Стокгольм. В целом она завершилась удачно. Но мог быть провал, если бы в таможне открыли чемодан. Нужно срочно раздобыть чемодан с двойным дном.

В тот же вечер в Петербург на адрес Смирнова пришла телеграмма из Гельсингфорса: «Петер выздоровел, шлет тебе привет». Вскоре груз социал-демократической литературы прибыл в столицу.

По просьбе Дроккилы в Стокгольм дважды ездили его знакомые, финляндские рабочие, привозили в приобретенном им чемодане с двойными стенками русские газеты и брошюры. В Петербурге получали социал-демократические издания, получали ленинскую газету «Искра».

Пока не произошел провал.

...Это случилось 6 (19) мая 1901 года в Гельсингфорсе. Дежуривший в порту жандармский офицер обратил внимание на пассажира, который только что сошел со стокгольмского парохода «Ойхонна». Пассажир с видимым усилием тащил тяжелый кожаный чемодан. Причем сам был одет более чем скромно.

«Откуда этот финн взял такой роскошный чемодан? — подумал офицер.— Не иначе, украл. Надо дать знать финскому полицейскому, пусть проверит». Офицер пошел к финскому полицейскому, дежурившему у таможни, рассказал ему о своих подозрениях.

Вот пассажир с кожаным чемоданом вошел в таможню. Жандарм и полицейский, как тени, последовали за ним. Таможенный служащий по требованию жандарма попросил пассажира открыть чемодан. Он был почти пустым. В нем лежали чистая рубашка, пара белья, бритва и еще какая-то мелочь.

— Вы позволите? — жандарм подошел к столу. Таможенник с видимой неохотой уступил ему место.

Пассажир снял фуражку и вытирал платком со лба обильный пот. Было видно, что он волновался.

Жандармский офицер выложил содержимое чемодана на стол и приподнял чемодан. Он был довольно тяжелым. Положив его на место, офицер вынул из кармана перочинный нож и, постучав по стенкам, вспорол изнутри одну из них. Из прорези выглянул уголок какой-то бумаги. Офицер потянул за него и вытащил журнал. На его обложке стояло: «Рабочее дело».

— Тэк-с,— сказал офицер.— Придется тебя, голубчик, задержать.— И, обращаясь к полицейскому:

— Пошлите к таможне извозчика и соблаговолите сопроводить задержанного в полицейский участок!

Через несколько минут пассажир сидел в пролетке рядом с полицейским. Вещественное доказательство — кожаный чемодан был привязан сзади. Жандармский офицер ехал на извозчике следом.

Вот и полицейский участок. Полицейский, взяв чемодан, ввел задержанного. За ними вошел жандармский офицер. Он подошел к столу дежурного офицера и представился:

— Ротмистр отдельного корпуса жандармов Тунцельман фон Адлерфлюг. Этот финн ввез в пределы империи литературу революционного содержания. Хотел бы присутствовать при допросе.

Задержанный не стал запираться. Он назвал свое имя: Пааво Леппянен, рабочий-каменщик. Проживает в Гельсингфорсе. Литературу получил в Стокгольме от шведского социал-демократа Карла Бёрьессона, торгующего книгами. С Бёрьессоном Леппянен знаком был раньше, когда тот жил в Гельсингфорсе и работал в одном из книжных магазинов.

Жандармы обнаружили в чемодане русские социал-демократические издания, вышедшие в 1900—1901 годах в Женеве, в том числе «Доклад Российского социал-демократического движения международному социалистическому конгрессу в Париже 1900 г.», «Рабочее дело» (номера с 1-го по 8-й), листовку «Первое мая 1901 года». От-

дельным оттиском из журнала «Рабочее дело» (№ 4—5) был опубликован «Протест российских социал-демократов», написанный В. И. Лениным.

Бёрьессон описал Леппянену приметы человека, который должен был встретить его в Гельсингфорсе и забрать чемодан с литературой. Леппянен сказал на допросе, будто бы он видел его в толпе встречающих, но тот сразу же скрылся, как только увидел, что Леппянена задержали.

Кто был этот человек? Дроккила или Смирнов? Получив телеграмму «Петер заболел», Смирнов прибыл в Гельсингфорс.

Леппянен был на свободе, но под наблюдением полиции. Чтобы запутать следствие, социал-демократы решили срочно отправить его из Гельсингфорса куда-нибудь в провинцию. Пусть отсидится там, пока не утихнет шум. И филеры от него отвяжутся. Но где взять денег на поездку Леппянена?

Смирнов пошел к ювелиру. Отцовские золотые часы оценили в 100 марок. С этими деньгами Леппянен и покинул Гельсингфорс.

Как ни старались жандармы, они не могли выйти на человека, по заданию которого была организована перевозка русской нелегальной литературы из Стокгольма. В жандармских протоколах фамилий «Смирнов» и «Паульсон» не значится.

Финляндская полиция, чтобы проверить показания Леппянена о Бёрьессоне, запросила Стокгольм. Из шведской столицы пришла телеграмма за подписью городского фискала (прокурора) Стендаля, в которой говорилось, что Бёрьессон отрицает знакомство с Леппяненом. Книги он действительно посылал с этим пароходом, но для известной гельсингфорсской книготорговой фирмы «Линдстедт», в которой работал в конце 90-х годов.

Из телеграммы можно понять, что шведская полиция допрашивала социал-демократа Бёрьессона, и он узнал о провале Леппянена. От него, по всей вероятности, об этом

стало известно лидеру шведской социал-демократической партии Брантингу. Н. К. Крупская извещала руководителя Берлинской группы содействия «Искре» М. Г. Вечеслова 3 июня (21 мая) 1901 года, что, как писал Брантинг, «недавно влетел у них человек с транспортом».

После провала Леппянена жандармский контроль в финляндских портах был усилен, и от чемоданного способа перевозки литературы временно пришлось отказаться.

Весной 1901 года В. М. Смирнов сдал государственные экзамены и в сентябре получил университетский диплом. Решил остаться в Петербурге, чтобы быть поближе к революционным событиям. На жизнь начал зарабатывать литературным трудом: переводил для журналов и других изданий статьи и рассказы с финского и шведского, писал заметки в петербургские газеты о событиях в Финляндии.

«ПИТЕР ДЛЯ НАС ОЧЕНЬ ВАЖЕН...»

Вечером 23 (10) августа 1901 года в окнах мюнхенской квартиры доктора Иорданова долго горел свет. Самого доктора дома не было. Живший по паспорту болгарского подданного Иорданова В. И. Ленин уехал в типографию, где готовился очередной номер «Искры». За столом сидела Н. К. Крупская. Она писала письмо Берлинской группе содействия «Искре», которая занималась переправкой искровских изданий в Россию. В. И. Ленин и Н. К. Крупская постоянно следили за ее работой, наставляли, учили, как лучше организовать дело.

В этот вечер секретарь «Искры» сообщила товарищам в Берлине о том, что северный путь еще не начал действовать, «но уверяют, что дело стоит надежно». Далее в письме говорилось: «Питер требует как можно больше литературы, пока посылаем 3 пуда (первый раз прошел)».

Крупская известила также, что в Петербург собирается приехать из Москвы агент газеты Яблочков. Под этим псевдонимом действовал В. П. Ногин, рабочий-петербуржец. В 1898 году он был арестован и выслан из столицы царскими властями. Затем бежал из ссылки за границу, а в июле 1901 года нелегально вернулся в Россию, был агентом «Искры» в Москве. Теперь он собирался в Питер, где у Ногина было много знакомых среди рабочих.

Закончив письмо, Надежда Константиновна подошла к окну, отдернула занавеску. Улица Зигфридштрассе была пустынна. «Что-то Володя опять задерживается»,— подумала Крупская. Постояв у окна, снова села за стол. Начала шифровать другое письмо. Оно было адресовано в Москву, В. П. Ногину. Надежда Константиновна извещала, что редакция «Искры» ничего не имеет против его переезда в Питер. «Питер для нас очень важен»,— подчеркивала она. В письме сообщался адрес в Петербурге, по которому он должен был получить чемоданы с искровской литературой.

В. П. Ногину удалось за короткий срок создать в Петербурге отдел «Искры» и провести от имени газеты переговоры с крупнейшей революционной организацией столицы — с «Союзом борьбы». Уже 16 (29) сентября он докладывал редакции «Искры», что в результате переговоров заключено выгодное для «Искры» соглашение. 1 (14) октября Ногин переслал в редакцию текст этого соглашения. Один из пунктов его гласил, что Петербургский комитет приобретает издания «Искры».

На другой день петербургский агент «Искры» писал в редакцию, чтобы она распорядилась о немедленной высылке литературы в Петербург. «Здесь громадный спрос на наши издания»,— сообщил он.

...Стоял сентябрь 1901 года. На гельсингфорсском бульваре Эспланада пожелтели листья, но было еще тепло. Возле ресторана «Капелла» выставлены столики. Один из них заняли три молодых человека. Они пили пиво, разглядывали прохожих и тихо разговаривали по-шведски.

— Российским социал-демократам сейчас нужна помощь шведов и финнов,— говорил юноша с белокурыми волосами и высоким лбом.— Меня послал сюда Петербургский комитет, чтобы просить вас об этом, Аксель. Рейно также помогал нам и даже пострадал, не правда ли?

Его сосед Рейно Дроккила в знак согласия кивнул головой.

— А сейчас вся надежда на вас, Аксель, на ваших помощников.

— Но что я могу сделать, Вольдемар? — спросил третий, поглаживая рыжую бороду.

— Нужно организовать регулярную перевозку нашей литературы из Стокгольма в Петербург. Там в ней нужда огромная.

— Это будет нелегко,— после некоторого раздумья проговорил рыжебородый Аксель.— Ты ведь знаешь, Вольдемар, что часть наших товарищей была арестована в Петербурге, в том числе норвежец Гордер, который помогал нам. Как еще меня не арестовали, до сих пор не пойму.

Смирнов — это его назвали Вольдемар — порылся в кармане, вынул свернутый в несколько раз номер газеты, отпечатанной на тонкой бумаге:

— Это русская социал-демократическая газета «Искра». Номер первый. Вышел в декабре прошлого года. Вот что пишет газета о политике царизма в Финляндии.— Он начал переводить на шведский:

«После того как царь открыто и всенародно нарушил клятву, данную его предшественниками и им самим, хранить конституцию Финляндии, преследование всех свобод этого мирного и просвещенного народа принимает все более и более характер дикой травли».

— Справедливо сказано, Вольдемар! — воскликнул Дроккила.

— Послушайте дальше, — сказал Смирнов и продолжил чтение:

«Правительство решило сравнять всех русских подданных перед лицом самодержца. Ну что же! Оно достигнет наверняка только одного: оно объединит всех русских подданных на борьбу против самодержавия... Оно хочет показать, что не потерпит свободы, где бы то ни было — оно заставит все более широкие слои русского народа присоединиться к кличу: «Да здравствует свободная Финляндия!», «Да здравствует свободная Россия!»

— Да, царизм пытается ввести российские порядки и в Финляндии, — сказал Аксель Вейдель. — Я на своем опыте испытал это. В Або мы создали рабочую газету «Арбетет». Сколько понадобилось труда, чтобы нам разрешили ее выпуск! И когда первый номер был готов, генерал-губернатор снял в подзаголовке лозунг «Свобода, равенство и братство». Показался слишком вольнодумным. Ну а что касается газеты «Искра» и другой русской социал-демократической литературы, то я готов помочь в ее перевозке. Только мне нужно посоветоваться с товарищами по партии в Стокгольме и заодно договориться, как пакеты будут отправляться из Швеции.

На другой день Смирнов возвратился в Петербург. Он доложил члену Петербургского комитета Елене Стасовой, что ему удалось получить согласие шведского социал-демократа Акселя Вейделя на перевозку из Стокгольма российских социал-демократических изданий, издаваемых за границей.

— А кто такой Аксель Вейдель? — поинтересовалась Стасова.

— Это рабочий-металлист, посланный правлением своей партии в Финляндию для ведения социал-демократической пропаганды среди финляндских рабочих, говорящих на шведском языке, — ответил Смирнов. — Он живет в Фин-

ляндии уже несколько лет. Создал транспортную сеть, по которой из Стокгольма переправляются социал-демократические издания на шведском языке. Помогал плехановской группе «Освобождение труда» переправлять литературу в Россию. В конце 1899 года из-за арестов в Петербурге его транспортная линия несколько расстроилась. Он обещал восстановить ее.

Через несколько дней Вейдель вызвал условной телеграммой Смирнова в Або (Турку). Он сообщил, что друзья в Стокгольме одобрили его участие в транспортировке русской литературы и обещали ему помощь в этом деле. Надо было детально обговорить, как переправлять литературу к российской границе. Условились, что в Або с пароходов пакеты будут выносить после того, как сойдут все пассажиры, уйдут таможенные чиновники и жандармы. Вейдель обещал подобрать в Або надежного товарища — социал-демократа, который будет договариваться с финляндскими железнодорожниками, чтобы они перевозили пакеты в Петербург и передавали их там верному человеку, финляндцу. От него литературу будет получать сам Смирнов или назначенные им люди.

Если литературы будет поступать много, доверенный человек Вейделя в Турку станет упаковывать пакеты в ящики и направлять их по железной дороге под видом домашних грузов — яблок и т. д. на одну из станций возле российской границы «до востребования». При этом каждый раз Вейдель будет извещать Смирнова шифрованной открыткой об отправке ящика, а затем высылать на его петербургский адрес квитанцию для получения груза. Договорились, что в конспиративной переписке транспорт литературы будет называться «сестра».

В течение ноября — декабря транспортный путь Вейделя все еще налаживался, и искровской литературы из Стокгольма в Петербург поступало мало.

На смену арестованному В. П. Ногину в столицу приехал И. И. Радченко.

15 (2) января Н. К. Крупская писала ему:

«До сих пор мы не могли снабжать Питер аккуратно, так как произошел ряд проволочек и недоразумений с тем путем, который был предназначен для обслуживания Питера».

И. И. Радченко вел большую работу, чтобы обеспечить переход петербургского «Союза борьбы» на позиции «Искры». В руководстве этой организации засели «экономисты». Они были против использования транспортных путей «Союза» для перевозки в Россию «Искры». Радченко искал непосредственные контакты с транспортерами, чтобы лично договориться с ними. В феврале (ст. ст.) он встретился с одним из деятелей левого крыла «Союза», который предложил ему более энергично использовать для перевозки «Искры» финляндский путь.

29 марта (11 апреля) 1902 года И. И. Радченко сообщил редакции «Искры», что он собирается в ближайшее время «переговорить с Колей (с «Союзом борьбы».— *Ю. Д.*) относительно счета (транспорта через Финляндию, которым Коля предлагал пользоваться)... Не знаю, насколько удачно придется устроить это, так как лицо, которое мне предлагало, я видел месяц тому назад. А что с ним теперь, не знаю».

Смирнов знал доктора философии журналиста Неовиуса как уравновешенного, спокойного, рассудительного человека, а сегодня не мог узнать его. В нем кипело, клокотало возмущение. Приехав в Петербург, он завез пакет, полученный из Стокгольма на имя Смирнова по транспортной линии финляндской партии «пассивного сопротивления». Пока Смирнов распечатывал его, Неовиус рассказывал о происшедшем на днях событии в Гельсингфорсе — разгоне 5 (18) апреля 1902 года демонстрации.

— Народ мирно протестовал против манифеста о воинской повинности, изданного царем,— говорил по-швед-

ски Неовиус.— Вы же знаете, царь решил теперь призывать финляндцев в свои войска, а наши национальные части ликвидировать, чтобы лишить нас возможности защищаться. Многие офицеры в знак протеста подали в отставку. Так вот. Демонстрация на Сенатской площади была мирная, спокойная. Не было никаких эксцессов. Вдруг по приказу губернатора Кайгородова на толпу налетели казаки и начали хлестать нагайками всех без разбору — гражданских, военных, женщин, детей... Ужасное было зрелище! Надо протестовать, разоблачать царизм всеми мерами! Такие преступления нельзя оставлять безнаказанными! — горячился Неовиус.

— Это возмутительно! — согласился Смирнов.— Я постараюсь сообщить об этом безобразном факте в русские газеты.

— Знаете, Вольдемар, у нас еще неприятность. Типографию «Нюа прессен» жандармы выследили,— печально сообщил Неовиус.— В марте полиция нагрянула туда и забрала весь русский шрифт. К счастью, никаких текстов они не захватили. Наши люди твердо соблюдали правило: все убирать после отпечатки очередной листовки. Так что, думаю, жандармам придется немало поломать голову над тем, как размотать этот клубочек.

Известие огорчило Смирнова. В этой типографии он отпечатал немало листовок Петербургского комитета. И вот — провал... Смирнов поставил на стол кофе, гостеприимно пододвинул гостю чашку, сахар и сливки, сам снова принялся за пакет. Вынул из него пачку газет, развернул одну из них.

— Смотрите, доктор, что вы мне привезли! — воскликнул он.— Это известная вам «Искра», номер одиннадцатый. Здесь есть очень интересная статья о Финляндии. Называется «Протест финляндского народа». Не хотите посмотреть?

Неовиус отставил чашку, взял из рук Смирнова номер «Искры»:

— Да, знакомая газета. «Фриа урд» сообщала в начале 1901 года о выходе первого номера «Искры». Зиллиакус переслал мне его, получив из Берлина от Вечеслова.

Смирнов знал о русском студенте Вечеслове, который в конце 90-х годов учился в университетах Упсалы и Гельсингфорса и был знаком со многими шведскими и финляндскими социал-демократами. Смирнову было известно и то, что Вечеслов при помощи шведов и норвежца Гордера занимался в свое время перевозкой литературы плехановской группы «Освобождение труда» из Стокгольма в Россию. Но встречаться с Вечесловым ему не приходилось. Не знал он и того, что М. Г. Вечеслов создал и возглавил в 1900 году в Берлине группу содействия «Искре».

Неовиус внимательно читал статью в «Искре». Это была статья В. И. Ленина.

— О, они приводят полный текст нашего адреса царю! — воскликнул он.— А дальше, слушай:

«Нам остается немного добавить к этому адресу, который выражает собою настоящий народный суд над шайкой нарушающих основные законы русских чиновников». А вот какие смелые слова: «И манифест 3 февраля 1899 года, и закон 29 июня 1901 года *незаконны*, это — насилие клятвопреступника с шайкой башибузуков, которая называется царским правительством. Двум с половиной миллионам финляндцев нечего, конечно, и думать о восстании, но нам всем, русским гражданам, надо думать о том позоре, какой на нас падает».

Замечательный, очень умный человек писал! — комментировал прочитанное Неовиус.— И большой патриот России в лучшем смысле этого слова. Кстати, что такое «башибузук»?

— «Башибузук»? — переспросил Смирнов.— Это, наверно, татарское слово. Должно соответствовать слову «бандит».

— Хорошая статья,— заключил Неовиус.— Можно, я эту газету возьму?

— Возьмите, у меня еще два экземпляра есть.

— Вот и отлично. Я в Финляндии покажу ее кое-кому. А нельзя мне эту газету получать? Мы бы ее стали использовать при подготовке нашего еженедельника «Фриа урд».

— Пока не обещаю, но при первой возможности постараюсь, чтобы вам высылали один экземпляр «Искры».

С Арвидом Неовиусом Смирнов познакомился летом 1900 года, когда был в Гельсингфорсе, после изгнания из университета. Арвид работал в либеральной газете «Нюа прессен» и замещал редактора, который был в отпуске. К Неовиусу сходились в Гельсингфорсе все нити подпольных связей. Переправкой газет и других изданий партии «пассивного сопротивления», издававшихся в Стокгольме, руководил журналист Конрад (Конни) Зиллиакус. Смирнову Неовиус посылал с верными людьми каждый номер еженедельника «Фриа урд». Владимир отправлял в Гельсингфорс, в адрес Неовиуса, корреспонденции для «Фриа урд» о революционных событиях в Петербурге и в других городах России. Они публиковались за подписью «Обсерватер» («Обозреватель»). Материалы для этих корреспонденций иногда помогала собирать Е. Д. Стасова.

Доставку пакетов на адрес, данный Смирновым в Гельсингфорсе (Ольга Курениус, Андрегатан, 30), производили доверенные лица Неовиуса — отставной подполковник Брандер и его жена Амалия. Отсюда пакеты забирали железнодорожники, которые доставляли их в Петербург Отто Мальму, служащему Финляндского вокзала. Смирнов литературу получал от него. Эта цепочка действовала с начала 1902 года параллельно с транспортной линией Вейделя.

Неовиус переслал Смирнову из Гельсингфорса брошюру. Она была вложена в пакет с очередной почтой. Владимир прочел заглавие: «Что делать? Наболевшие вопросы

нашего движения». «Интересно!» — подумал он. И просидел над книгой всю ночь.

Ее автор, Н. Ленин, дал глубокий анализ положения в современной социал-демократии, он развенчивал, подвергал уничтожающей критике оппортунистическое направление в партии за извращение основных положений марксистской теории. Под лозунгом «свободы критики» русские бернштейнианцы — «экономисты» проповедовали вредные для рабочего движения идеи. Они принижали роль революционной теории, стремились превратить рабочее движение в придаток буржуазного либерализма, ограничивали задачи рабочего движения борьбой за улучшение условий труда в рамках буржуазного общества, чурались политической борьбы.

Со многими «экономистами» Смирнов был знаком, в «Союзе борьбы» руководители придерживались именно таких взглядов. Сам он прилежно читал журнал «Рабочее дело», в газете «Рабочая мысль» даже сотрудничал, посылал туда заметки о студенческом движении в Петербурге. И вот Ленин назвал «Рабочую мысль» «самым прямым и самым честным сторонником «экономизма». Смирнов и раньше подсознательно чувствовал, что «экономисты» не правы, отодвигая на задний план политические задачи и требования, но у него не было достаточно веских аргументов, чтобы опровергнуть их взгляды. И вот нашелся в России человек, который сумел показать истинное лицо «экономистов» и определить насущные задачи российского рабочего движения, задачи социал-демократической партии!

Смирнов несколько раз перечитал слова из «Что делать?», показавшиеся ему пророческими:

«История поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является *наиболее революционной* из всех *ближайших* задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции сделало

бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата».

8 (21) мая 1902 года петербургский агент «Искры» И. И. Радченко писал в редакцию: «Нам крайне нужно последние номера и «Что делать?». Эту брошюру старались давать только нуждающимся, действующим лицам, а в широкую сторону для чтения не хватило, и нужда в ней велика.

Замечательную громадную эволюцию производит эта брошюра. Мне лично приходилось наблюдать, как во многих утихло землетрясение в умах, исчезла институтская обидчивость и провозглашалось пол(нейшее) признание своих заблуждений и брожения впотьмах».

Из письма Радченко в редакцию «Искры» от 30 апреля (13 мая) видно, что он встречался в апреле — начале мая с В. М. Смирновым и договорился с ним о более эффективном использовании финляндского пути для перевозки «Искры». От своего собеседника Радченко получил необходимые сведения и адреса. Он сообщил редакции «Искры»:

«Через Финляндию наладил путь: немедленно посылайте товар. Первый раз 5 пудов, груз и квитанцию отправляйте по адресу: Стокгольм, (Андерссон), Нубергсгатан, 8, герр Емил (ь) Hjorthen. Счет может быть увеличен до 25 пудов через некоторое время».

В. М. Смирнов предложил И. И. Радченко подготовить для «Искры» материал о политике царизма в Финляндии. Радченко писал в редакцию:

«Накопилось много материалу по (Финляндии). Ответьте, пожалуйста, в следующем письме, что для Вас будет лучше: или прислать Вам материал о Финляндии, или же сам тот, кто это предлагает, пусть составит статью. Сам он согласен на то или другое».

6 (19) мая Радченко отправил корреспонденцию Смирнова в «Искру». Она была опубликована в 22-м номере газеты.

В ней рассказывалось о разгоне в Гельсингфорсе демонстрации 5 (18) апреля. Смирнов отмечал, что казаки «работали» своими нагайками во славу самодержавия так же усердно, как постоянно действуют у нас в России...». Он писал, что этот день оставит печальную память в летописи Финляндии. Корреспонденция заканчивалась следующими словами: «Последние финляндские события призывают всех русских граждан к быстрому свержению позорного ига деспотизма, старающегося задушить проявление всякой свободной мысли и всякого свободного слова».

6 июня (24 мая) Н. К. Крупская сообщила в Петербург, что по указанному Радченко адресу в Стокгольм выслано 5 пудов литературы, в том числе 80 экземпляров книги В. И. Ленина «Что делать?», по полторы тысячи 19-го и 20-го номеров «Искры», а также брошюры.

Благодаря могучему воздействию работы Ленина «Что делать?» и настойчивой работе петербургских искровцев во главе с И. И. Радченко руководство Петербургского комитета заявило в июне о своей солидарности с позицией «Искры». Узнав об этом, В. И. Ленин писал Радченко 16 (3) июля:

«Дорогой друг! Прежде всего от всей души поздравлю Вас (и Ваших друзей) с громадным успехом: приступом к реорганизации местного комитета. Это дело может стать поворотным пунктом во *всем* нашем движении...» Он отмечал, что «Питер — такая «местность», которая имеет и *непосредственно* общерусское значение...».

В письмах в редакцию «Искры» Радченко не раз подчеркивал, что искровская литература в Петербурге необходима как воздух. В то же время транспорт, отправленный через Стокгольм еще в мае, застрял в шведской сто-

лице. Радченко просил редакцию послать кого-нибудь в Стокгольм и узнать, в чем дело. Но за границей подходящего человека найти не удалось. Крупская предлагала попросить поехать в Стокгольм для переговоров агента «Искры» Дяденьку — Л. М. Книпович, которая летом на короткое время приезжала в Петербург. Она с детства жила в Финляндии, знала шведский язык и могла бы переговорить с шведскими социал-демократами. Но этот план также пришлось отложить.

И. И. Радченко разыскивал В. М. Смирнова, но его в это время не было в Петербурге: он уехал в финляндский городок Ловису к родственникам Виргинии Карловны.

В разговоре с Е. Д. Стасовой Радченко посетовал, что не может найти «транспортера». Стасова знала, где найти его, и Радченко предложил поехать к нему, попросить, чтобы он принял все меры к переправке из Стокгольма транспорта «Искры».

Городок Ловиса славился тишиной и морским курортом. Сюда приезжали петербуржцы, чтобы отдохнуть от столичной суеты, подышать целебным морским воздухом.

Никто в городе не обратил особого внимания на элегантно одетую молодую даму, сошедшую в один из июльских дней с гельсингфорсского парохода на пристань. Даму встретил В. М. Смирнов. Он поцеловал ей руку, взял извозчика и повез на свою квартиру, познакомил с матерью. Это была Е. Д. Стасова.

Виргиния Карловна, урожденная Нюгрен, очень любила свой родной город. Сюда часто приезжал и Смирнов, чтобы поработать в тиши над статьей или переводом. После обеда Смирнов и Стасова по настоянию матери отправились познакомиться с достопримечательностями Ловисы. Осмотрели городскую ратушу, побывали у старинной шведской крепости, сидели в тенистом парке, знаменитом своими вековыми кленами.

Вечером Е. Д. Стасова уехала. Смирнов получил задание лично проследить, чтобы транспорт «Искры» был побыстрее переправлен из Стокгольма в Петербург и чтобы транспортная линия Вейделя работала более ритмично.

На другой день мать и сын Смирновы тоже засобирались в Петербург.

ЗАБЫТЫЙ ЗОНТИК

Лето — лучшее время отдыха на Аландских островах. Здесь бывает много туристов. Они бродят по одноэтажным улочкам Мариехамна, рассматривают развалины крепости Бомарсунд, лежат на чистых песчаных пляжах. Тишина и морской воздух благотворно влияют на нервную систему. К услугам приезжающих — водолечебница.

В летние месяцы население маленького Мариехамна удваивается. Ежедневно в порту останавливаются пароходы из Швеции и Финляндии, подвозя новые и новые партии отдыхающих. В часы прибытия пароходов в порту бывает шумно и многолюдно. Вот и сегодня к западной пристани высыпал весь город. Дамы закрываются от лучей яркого июльского солнца зонтиками. У причала медленно разворачивается пароход «Боре», прибывший из Або. Пассажиры с верхней палубы кричат и машут руками знакомым на берегу. Вот трап установлен. Пассажиры устремились на берег. Последним сошел молодой человек с черным зонтом, саквояжем и плащом, перекинутым через руку. Ему навстречу шагнул высокий бородатый мужчина. Это был Аксель Вейдель.

— Здравствуй, Вольдемар,— сказал он, беря из рук молодого человека саквояж.— Что это ты с зонтом, у нас здесь более недели дождя не было.

— Мать навязала,— проворчал Владимир Смирнов.

— Номер на имя Паульсона я заказал в гостинице «Бадхотеллет», здесь, неподалеку,— сообщил Вейдель.—

Это у нас одна из лучших гостиниц. Сейчас занесем туда саквояж, отдохнешь с дороги и пожалуйста к нам, в мастерскую.

— Я не устал, зайдем сразу,— ответил Смирнов.

Зеленая улица Норра Эспланадгатан встретила путников тишиной и тенью. Над окнами одного из одноэтажных деревянных домиков виднелась вывеска «Слесарная мастерская».

Рабочий, чинивший примус, при входе Вейделя и Смирнова встал.

— Знакомься, Вольдемар, это мой помощник, социал-демократ Свен Йохансcон. И слесарь, и подпольщик,— сказал Вейдель.— А это — Паульсон, приехал из Гельсингфорса, родственник нашей сестры.

— Очень рад,— сказал Йохансcон.— А сестра как раз вчера вечером привет прислала со стокгольмским пароходом.

Смирнов и Вейдель зашли за стойку. Под ней лежал большой бумажный пакет. Виднелся адрес: «Мариехамн, слесарная мастерская, Акселю Вейделю».

— Вот мы его сегодня перепакуем, напишем новый адрес и отправим нашему человеку в Або с местным пароходом. Он идет медленнее стокгольмского почти вдвое, зато в Або его пассажиры и груз таможенной проверке не подвергаются. А стокгольмские пароходы осматривают тщательно.

— А что в пакете? — поинтересовался Смирнов.

— Русская литература, что там еще может быть? — ответил Вейдель.— Мы не понимаем по-русски, даже не смотрим свертки в пакете, не разворачиваем их.

— Ну как, слежки за вами здесь нет?

— Здесь поспокойнее, чем в Гельсингфорсе. Жандарм есть один, но он все возле западной гавани толчется, куда прибывают стокгольмские пароходы. Открытие слесарной мастерской прошло гладко. Бургомистр даже поблагодарил меня, что я помогаю развитию промышленности горо-

да. Знал бы он, какие «грузы» приходят к нам в мастерскую из Стокгольма! А для того, чтобы не вызвать подозрений, что наша мастерская — лишь «крыша» для перевалочной базы подпольной литературы, мы с Йохансcоном берем, как видишь, кое-что в ремонт от населения. Оба мы с ним рабочие, слесарить и паять нам не впервой.

— А кто в Стокгольме грузы принимает и переадресовывает?

— Они приходят в адрес редакции газеты «Сосиальдемократен». Там, в подвале Народного дома, мои друзья социал-демократы перепаковывают их и отправляют сюда. Посылка пакетов на адрес мастерской пока не вызывает подозрений ни в Стокгольме, ни здесь. В Мариехамне знают, что я швед, и снабжение мастерской запасными частями из Швеции — вполне оправданно.

— Я хотел предупредить вас,— обратился Смирнов к Вейделю и Йохансcону.— В Стокгольм прибыл очень важный груз из Германии. Этот пятипудовый транспорт нужно как можно быстрее переправить в Петербург. Там его очень и очень ждут. Речь идет об «Искре». Помнишь, я показывал тебе ее первый номер? Это — социал-демократическая газета. Она защищает интересы рабочего класса России и финляндских трудящихся. Переправить ее в Россию очень важно. В этом же транспорте идет книга известного социал-демократа Ульянова «Что делать?».

Вейдель и Йохансcон заверили, что они переправят в Або ценный груз сразу же, как только получат его.

На другой день Смирнов прибыл местным пароходом в Або. Сойдя на берег, он сел на скамью и стал наблюдать, как трое грузчиков перетаскивали груз с парохода в пакгауз. Они катили по мосткам бочки, тащили тяжелые ящики, бумажные свертки. Как ни старался, знакомого пакета среди массы груза он так и не заметил. «Который же из них?» — думал Смирнов. Судя по приметам, доверенным лицом Вейделя должен быть вот тот молодой загорелый парень с большими усами.

Грузчики закончили работу, присели в тени покурить. Смирнов подошел к ним и вежливо осведомился:

— Могу я поговорить с господином Херманссоном?

— Это я,— ответил усатый грузчик.— Чем могу служить?

— Аксель просил меня передать вам привет от сестры.

— А, Аксель! — воскликнул грузчик.— Как его здоровье?

— Пока неплохо,— ответил Смирнов.

Они отошли в сторону.

— Как у вас дела? — спросил Смирнов.

— Все нормально. Сегодня получил очередной пакет. Перед отходом петербургского поезда передам проводнику почтового вагона, а завтра он будет уже в Петербурге.

— Вы не могли бы меня познакомить с этим проводником?

— Ну, если вам Аксель дал пароль, значит, вы человек надежный. А как вас представить?

— Паульсон. Меня зовут Паульсон.

— Хорошо, господин Паульсон. Значит, увидимся на вокзале.

Когда Смирнов пришел на станцию, петербургский поезд уже стоял у перрона. Вдоль вагонов прогуливался жандармский унтер-офицер.

Смирнов осмотрелся. Херманссона не было видно ни на перроне, ни в зале ожидания. Юноша остановился у выхода и стал ждать. Вдруг кто-то сзади легонько тронул его за плечо. Он оглянулся. Это был Херманссон. Но его трудно было узнать. Если в порту он был в рабочей одежде, в переднике, то теперь перед Смирновым стоял хорошо одетый господин в серой шляпе. Загорелая шея красиво оттенялась безукоризненно чистым стоячим воротничком рубашки с галстуком-бабочкой.

— Пошли? — спросил Херманссон.

Они пошли по перрону, два прилично одетых господина с саквояжами, и унтер-офицер почтительно проводил их

глазами. Зашли в один из первых вагонов, а затем, обойдя состав с другой стороны, постучали в двери почтового. Им открыл проводник. Увидев Херманссона, он улыбнулся:

— Опять сестра привет передавала?

— Да, а вот это господин Паульсон, ее близкий родственник.

Вошли в вагон. По полкам были разложены письма, посылки и бандероли.

— Вас на границе в Белоострове не досматривают? — поинтересовался Смирнов.

— Редко,— ответил проводник.— Бывает, заходят в вагон, просматривают адреса на конвертах. Но, как правило, все обходится. Да вы не беспокойтесь, я гостинцы сестры вот в этой сумке держу. Здесь служебная корреспонденция. Сюда таможенные чиновники и жандармы никогда носа не сунут. Это будет огромный скандал, если попробуют.

— А в Петербурге вы кому пакеты передаете? Парикке? — спросил Смирнов.

— Ну и дела! — воскликнул проводник.— Откуда господин Паульсон это знает?

— Сестра сказала,— пошутил Смирнов.— Вы же слышали, я ее близкий родственник.

На следующий день рано утром поезд Або — Петербург остановился на российской границе в Белоострове. В вагон, в котором ехал Смирнов, вошли таможенный чиновник и жандармский офицер. Зайдя в купе, жандарм бросил взгляд на верхнюю полку, заглянул под нижнюю, затем взял паспорт Смирнова, внимательно осмотрел его, сверил подлинность фотографии. Тем временем таможенный чиновник заглянул в раскрытый Смирновым саквояж и тут же знаком попросил закрыть его.

Смирнов был спокоен. В саквояже, кроме белья и бритвенного прибора, ничего не было. Небольшой пакет лежал в кармане плаща, висевшего в углу, но жандарм и чиновник не обратили на него внимания.

А как дела в почтовом вагоне? Смирнов вышел на перрон, остановился возле подножки. По перрону взад и вперед сновали пассажиры и носильщики. У почтового вагона все было спокойно. Проводник стоял рядом и, дымя папиросой, разговаривал о чем-то с жандармским унтер-офицером. Потом он по-приятельски хлопнул его по плечу и пошел в вагон.

Раздался звон станционного колокола. Смирнов поднялся в вагон. В десять утра он сошел на Финляндском вокзале в Петербурге и поехал домой.

Виргиния Карловна обрадовалась, увидев сына, сразу захлопотала на кухне, чтобы покормить его завтраком.

— Устал? — заботливо спросила она Владимира.

— Да нет, мама. Наоборот, отдохнул.

— А где зонтик?

— Зонтик? — растерянно переспросил Смирнов.— Снова где-то забыл. Говорил я тебе, не надо было его брать в такую жару. Не понадобился он мне. Вот и забыл где-то.

— Ну, не расстраивайся,— успокоила сына Виргиния Карловна.— Невелика потеря.

— Да, мама, чтобы не забыть. Убери, пожалуйста, вот эту бумагу подальше.

Виргиния Карловна взяла листок, смяла его, а затем обкрутила бумажный комок нитками. Скоро среди клубков на столике рядом с вязальными спицами и очками Виргинии Карловны появился новый клубок, ничем не отличавшийся от других.

На листке были записаны имена и пароли по всей финляндской транспортной линии — от Стокгольма до Петербурга. На случай обыска и собственного провала Смирнов решил сохранить эти сведения, чтобы ими смог воспользоваться его возможный преемник.

Виргиния Карловна помогала сыну в его подпольной деятельности. Она писала под диктовку Смирнова тексты на открытках, адресованных Вейделю, Зиллиакусу и Неовиусу. Между строк, написанных матерью, сын вписывал

симпатическими чернилами конспиративные сообщения о транспортировке искровской литературы. Пузырек с чернилами хранился на тумбочке среди лекарств Виргинии Карловны.

Вечером, когда Смирнов, написав очередную корреспонденцию в «Искру», ложился спать, мать бережно свертывала рукопись и прятала ее в свой халат, надеясь, что в случае внезапного ночного обыска жандармы пожилую женщину не заподозрят и обыскивать не будут.

13(26) июня 1902 года И. И. Радченко сообщил редакции «Искры»:

«О счетах (*Стокгольм называется пиво*). По счету пива еще не получали, хотя имею самые благоприятные сведения от непосредственного своего человека, что дело обставлено очень хорошо, но пиво его не извещает скорее всего по той причине, что еще не спелись как следует».

29 июля (11 августа) он срочно известил редакцию «Искры»: «Наконец по счету пива получили».

На другой день отправил письмо, в котором говорилось:

«Майские 5 пудов получены, высылайте аккуратно каждые две недели такую же порцию, но обязательно о дне отправки извещайте меня».

Далеко не все транспорты благополучно доходили до Петербурга. Были и провалы. Об одном из них рассказывается в донесении от 1 (14) ноября 1901 года, посланном управляющим Сестрорецкой таможней начальнику выборгской крепостной жандармской команды ротмистру Крамаренко. 30 октября (12 ноября) таможенные чиновники обнаружили в одном из вагонов поезда Гельсингфорс — Петербург два пакета и сверток с запрещенной литературой. Это были брошюры, изданные в 1892—1900 годах в Женеве. Среди них — К. Маркс «Революция и контрреволюция в Германии» (79 экземпляров) и Г. Пле-

ханов «Русский рабочий в революционном движении» (10 экземпляров), а также другие запрещенные царской цензурой издания.

В донесении не указывались имена лиц, у которых были найдены пакеты с «недозволенной литературой».

Несмотря на провалы, транспортная сеть Вейделя работала довольно исправно. 24 февраля (9 марта) 1902 года начальник Финляндского жандармского управления генерал Фрейберг доносил генерал-губернатору, что «в настоящее время из-за границы через Финляндию, через Ганге, водворяется в Санкт-Петербург масса русской подпольной прессы и нелегальной литературы».

ЗА ПЕРЕВОЗКУ БЕРЕТСЯ НАХОДКА

— Вы, Владимир, должны следить за тем, чтобы наши товарищи не рисковали зря,— отчитывала Смирнова член Петербургского комитета Стасова.— Что же это получается? Мы посылаем людей на пограничные станции, они с большим трудом и риском перевозят через границу пакеты и ящики с литературой, а потом оказывается, что все усилия были затрачены напрасно: в пакетах и ящиках обнаруживают издания, не имеющие к РСДРП никакого отношения. На днях, например, студенты привезли из Териок партию бундовской литературы. Зачем она нам? Что это ваш Вейдель, совсем не разбирается в политике?

— Он не знает русского языка,— оправдывался Смирнов.— В адрес стокгольмского Народного дома посылают литературу и другие российские партии. Шведские социал-демократы механически переправляют, видимо, всю ее в адрес Вейделя. Так и происходит путаница.

— Путаница очень опасная, ибо наши товарищи рискуют попасть в лапы охранки из-за литературы, распространять которую мы совсем не хотели бы.

Смирнов молчал.

— Надо как-то с этим кончать,— резюмировала Стасова.— Нам нужны в первую очередь «Искра» и «Заря». А их мы получаем пока очень мало. Да и надежности в линии Вейделя нет. Вы посчитайте, сколько времени пролежала в Стокгольме первая партия «Искры» — почти три месяца! Так дело не пойдет. Нужно добиться, чтобы транспортировка «Искры» была налажена регулярно и в более массовых масштабах. Пусть Вейдель скажет своим коллегам в Стокгольме, что путать нашу литературу с изданиями других партий совершенно недопустимо. Иначе мы вынуждены будем отказаться от их услуг. Мы надеемся на вас, Владимир. Поймите, получение искровских изданий очень важно сейчас для борьбы с «экономизмом», для утверждения искровских взглядов в Петербурге.

Смирнов виновато молчал. Потом сказал:

— Вейдель казался таким аккуратным человеком. Что-то с ним случилось...

Он поднял глаза на Стасову:

— Похоже, что с Вейделем что-то неладно. У меня есть предложение, как нужно действовать. Хотите послушать?

— Конечно, и даже обязательно, ведь мы не можем оставаться без транспорта! — воскликнула Елена Дмитриевна.

— У меня есть в Финляндии знакомые журналисты Арвид Неовиус и Конни Зиллиакус. По поручению партии «пассивного сопротивления» они наладили доставку из Стокгольма в Финляндию большого количества нелегальных изданий. Оба уже оказывают мне кое-какие услуги, в том числе пересылают почту и небольшие пакеты с литературой в Петербург. Почему бы нам не попытаться использовать их транспортную линию? Они, я думаю, не отказались бы помочь нам.

— А что это за люди? — спросила Стасова.— Можно доверять им?

— Безусловно. Неовиус — сын генерала, но очень демократичный, добрый, отзывчивый человек. Зиллиакус — сын сенатора, способный писатель, ненавидит царизм.

— Ну что же, попытайтесь,— согласилась Стасова.— Главное — чтобы перевозка искровских изданий была организована систематически, большими партиями. Ну и надежная почтовая связь Петербурга с редакцией «Искры» тоже, конечно, очень желательна.

Этот разговор происходил в Петербурге в июле 1902 года.

За три месяца, в течение которых Смирнов не встречался с Акселем Вейделем, шведский социал-демократ внешне очень изменился. Он явился в ресторан гельсингфорсской гостиницы «Кемп» в подавленном состоянии, бледный. Вытирая пот со лба, сел за столик напротив Смирнова, сказал:

— Бежал почти всю дорогу. У вокзала привязался какой-то тип, едва от него отделался.

— А что, следят постоянно? — придвинулся к собеседнику Смирнов.

— Да, Вольдемар, почти каждый день замечаю за собой «хвост». Меняю трамваи, пытаюсь уходить задними дворами, но агенты охранки знают Гельсингфорс лучше меня. Только вынырну из ворот, смотрю, впереди уже маячит мой преследователь. Боюсь, и сам в тюрьму сяду, и товарищей подведу. Надо мне уезжать.

— А как же наш договор о транспортировке литературы?

— Знаешь, Вольдемар, признаться, в последнее время мне было не до литературы. Со дня на день ожидаю ареста. И это ожидание висит над моей головой как дамоклов меч. Ничего не могу делать. Я убежден, что мне надо покинуть Финляндию как можно скорее, уехать подальше, чтобы длинные руки жандармского генерала Фрейберга

там меня не достали. Например, в Австралию или Новую Зеландию. Там тоже нужно вести социалистическую пропаганду. Английский язык я знаю, надеюсь, не подведу. Кое-какой навык по этой части я приобрел здесь, в Финляндии. Товарищи в Стокгольме мой план одобрили.

Официант поставил на стол два кофейных прибора, кофейник, бутерброды, сливки. Когда он отошел, Смирнов спросил:

— Так, значит, Аксель, ты решил покинуть нас?

— Да, Вольдемар.

— Ну что ж, счастливого пути! Пиши, как устроишься на новом месте.

— Обязательно,— кивнул головой Вейдель.

Выпив кофе, он заторопился и ушел. Смирнов посмотрел из-за занавески на улицу. Вслед за Вейделем зашагал мужчина в соломенной шляпе, рассматривавший витрину магазина. Значит, Вейдель действительно прочно попал в шпионские сети генерала Фрейберга.

Мысли Смирнова были заняты тем, как восстановить транспорт после провала Вейделя.

Город спал. Улица Аннегатан казалась вымершей. Только в доме номер 14, в окнах квартиры доктора философии Арвида Неовиуса горел свет. В гостиной за столом сидели трое: хозяин, Конни Зиллиакус, прибывший только что из Стокгольма, и Владимир Смирнов.

— Так ты говоришь, Вольдемар, для вашей партии нужно наладить перевозку литературы из Стокгольма? — говорил Неовиус.— Как ты думаешь, Конни, сможем мы им помочь?

— Думаю, сможем,— ответил Зиллиакус.— Мы же доставляем тиражи наших газет и брошюр из Швеции в Финляндию. Почта, как ты сам знаешь, ходит у нас почти каждый день. Русским революционерам мы должны помогать. Ведь мы с ними боремся против общего врага —

царского самодержавия. Из Стокгольма я найду возможность переправить в Финляндию и литературу, и почту, ну а здесь, в Финляндии, ты, Арвид, сам позаботишься о доставке «товара» к российской границе. Думаю, нам помогут железнодорожники. Среди них много верных людей.

Договорились в переписке подлинных фамилий не называть. Смирнов будет именоваться Паульсоном, Зиллиакус — Морисом, а Неовиус — доктором. Пусть в охранке, перехватив письмо, поломают голову, о ком идет речь.

На другой день Смирнов сообщил Стасовой:

— За Вейделем следят агенты охранки. Он решил уехать из Финляндии, так как боится, что его арестуют. Но я договорился по поводу транспортировки с Неовиусом и Зиллиакусом. Неовиус живет в Гельсингфорсе, связь с ним буду поддерживать я.

Елена Дмитриевна одобрила действия «держателя границы».

— Ну что ж, посмотрим, станет ли Неовиус для нас находкой, — осторожно сказала она.

Так с легкой руки Стасовой за Неовиусом закрепился подпольный псевдоним Находка.

24 (11) августа 1902 года агент «Искры» в Петербурге И. И. Радченко сообщил редакции «Искры»:

«О пиве. Ежемесячно будет доставлять 10 пудов, распределять так: Ване — 4 пуда, Старухе — 2 пуда, Терентию — 1 пуд, Семену Семеновичу — 1 пуд, Соне — 1 пуд, Урал — 1 пуд[1]. Усовершенствовав переправу через русскую границу, можно будет получать вдвое — 20 пудов... Постараемся выделать кожу. Тогда север обеспечен...»[2]

22 (9) августа 1902 года Н. К. Крупская отправила из Лондона зашифрованное письмо агенту «Искры» в Петербург И. И. Радченко. В нем говорилось: «25-го посы-

---

[1] Ваня — Петербургский комитет РСДРП, Старуха — Московский комитет, Терентий — Тверской комитет, Семен Семенович — «Северный рабочий союз», Соня — Самара.

[2] Кожа — транспортный путь через прусскую границу.

лаем счет в пивоварню (отсюда большой скоростью), мех, наковальню и пр.».

Надежда Константиновна иносказательно сообщала, что в Стокгольм высылаются «Искра», «Заря» и другие издания. Видимо, стокгольмский адрес для литературы в редакции «Искры» к этому времени уже был.

10 сентября (28 августа) в Стокгольм ушел новый пятипудовый транспорт искровской литературы. Затем транспорты направлялись через каждые две недели.

Промозглый октябрьский вечер опустился над Стокгольмом. Финляндец Обершнейдер, следивший по заданию российского консула Березникова за Зиллиакусом, стоял на углу улиц Стургатан и Гревгатан и, покуривая в кулак, смотрел вниз, в сторону залива. Мимо него процокали копыта извозчичьей пролетки. Экипаж остановился на Гревгатан, возле дома номер 36. «Так,— подумал Обершнейдер.— Не Зиллиакус ли опять куда-то собирается? Интересно, куда бы это?» Он подошел поближе, но в темноте видел плохо. До него доносилось тяжелое дыхание людей, которые что-то несли на руках, затем мужской голос:

— Привязывай!

Вскоре снова послышался стук копыт. Когда пролетка проезжала мимо фонаря, филер успел заметить сидевшего в ней пассажира в шляпе и плаще, а также привязанный сзади багаж.

Обершнейдер побежал на площадь Естермальм, чтобы взять извозчика, но стоянка была пуста. Проследить, кто и куда поехал от дома, в котором располагалась контора Зиллиакуса, он так и не смог.

Часа через два от одного из островов, расположенных в стокгольмских шхерах, отошла яхта. За рулем сидел Зиллиакус. Всматриваясь в проплывающие мимо островки, он направлял судно в море, к берегам Финляндии.

Под утро, когда на востоке засветилась бледная поло-

са, он сгрузил на островке возле Турку несколько ящиков. Поджидавшие его финны быстро перетаскали ящики в лодку и поплыли в сторону города, а Зиллиакус развернул свою быстроходную яхту на обратный курс.

Владимир Смирнов, получив от Неовиуса открытку с видом Гельсингфорса, понял, что «товар» отправлен. Но куда? Ага, вот здесь написано: «Тетя Анна шлет тебе большой привет. Она живет сейчас в Выборге». Значит, надо посылать за литературой в Выборг. Он сообщил об этом своему другу Николаю Евгеньевичу Буренину, который, как и Смирнов, был из купеческой семьи и, так же как он, стал революционером. Его мать владела имением Кириасалы, которое располагалось у самой российско-финляндской границы. Он часто бывал там, и все на границе — стражники и таможенные чиновники — знали сына богатой помещицы, нередко выезжавшего из столицы с шумной компанией молодых людей.

Через день в Выборге появился Буренин. Сойдя с поезда, он не спеша стал прогуливаться по Железнодорожной улице. Убедился, что за ним «хвоста» нет. Зашел в подъезд дома номер 3. Здесь жила Анна Окесон, участница финляндского «пассивного сопротивления». Она принимала «товары» из Гельсингфорса и поддерживала переписку с Неовиусом. От нее Буренин вышел с большим чемоданом.

Два ящика пришли на станцию Райвола. Буренин, приехав туда через пару дней, остановил лошадь у пакгауза. Знакомый работник багажного отделения, финн, как всегда, охотно помог щедрому барину вынести тяжелые ящики и погрузить их. Один привязали сзади, другой пришлось положить в тарантас, прикрыв сверху сеном.

Вот и российская граница. Дорогу перегородил полосатый шлагбаум, за ним, возле будки,— часовой с винтовкой. Солдат дернул за веревку колокола и проговорил:

— Сегодня Бурят что-то разгорячился. По дому соскучился.

На звон колокола вышел таможенный чиновник. Узнав Буренина, поздоровался, крикнул солдату:

— Ну, чего не открываешь, не видишь — здешний барин едет!

Через несколько дней по приглашению сына помещицы Builder Бурениной в Кириасалы приехала большая группа петербургской студенческой молодежи. Вечером в доме состоялся концерт. Николай Евгеньевич был прекрасным пианистом, среди студентов нашлись неплохие певцы. Поздно вечером гостей отправили на станцию. За время пребывания в гостеприимных Кириасалах юноши и девушки заметно пополнели: они «нагрузились» искровской литературой. Ручную кладь на границе в Белоострове таможенные чиновники и жандармы тщательно простукивали и просматривали, поэтому подпольщики, чтобы не рисковать, предпочитали возить литературу на себе — в карманах, за пазухой, в специальных жилетах и лифах. Личного досмотра на границе, как правило, не было, если, конечно, пассажир не вызывал подозрений.

9 (22) октября П. А. Красиков известил редакцию «Искры» из Петербурга: «Мех получен, и отныне есть уверенность в регулярности».

Через неделю, 16 (29) октября, Е. Д. Стасова в свою очередь сообщила: «По счету пиво все получено теперь...» Таким образом, пятипудовый транспорт, застрявший в конце сентября 1902 года в Стокгольме, благополучно прибыл в Петербург. Елена Дмитриевна прислала редакции в этом письме новый стокгольмский адрес для отправки «Искры»: «Конни Зиллиакус, Гревгатан, 36». Она просила посылать ящиками по 50 килограммов или почтовыми посылками по 5 килограммов. Адрес этот она могла получить только от Смирнова.

6 ноября (24 октября) в Петербург на адрес Зиллиакуса были отправлены новые издания и номера «Искры». Общий вес транспорта — 5 пудов. В этот же день Н. К. Крупская сообщила В. В. Кожевниковой и Г. И. Оку-

ловой, в Москву, что в Питере уже получено 10 пудов литературы.

Зиллиакус известил Неовиуса об адресе в Стокгольме, по которому Паульсон мог прямо писать ему: фрекен Хильдур Андерссон, Тегнерсгатан, 11, на внутреннем конверте помечать: «Для Мориса». Неовиус передал адрес Смирнову, а тот сообщил его Стасовой. Через 12 дней, 6 (19) ноября, она написала в редакцию «Искры», что на адрес Андерссон в Стокгольме нужно пересылать письма и деньги за транспорт из расчета по полторы финляндских марки за килограмм. Транспорты с «Искрой» она просила отправлять по тому же адресу, что и раньше, то есть на Гревгатан, где Зиллиакус организовал перевалочный склад.

В ноябре Зиллиакус отмечал в письме Неовиусу, что русской литературы через Стокгольм идет много. Так, он известил о прибытии из Германии искровских изданий общим весом около 60 килограммов. «От Паульсона я вчера получил письмо, два ящика весом 90 килограммов, ушли сегодня. О времени транспортировки я ничего не могу сказать, так как обстановка меняется. Письмо к нему идет с транспортом, адресованное фрекен Курениус».

Всего в Стокгольм к этому времени, как это видно из письма Н. К. Крупской в Петербург, было выслано 20 пудов искровской литературы.

«Пассивисты» оказывали тогда нашей партии и другие услуги. Об этом свидетельствует письмо Зиллиакуса Неовиусу от 8 ноября (26 октября). В нем говорилось:

«Если встретишь Паульсона, то скажи, что, если нужно, пусть все шлет ко мне, все переправим. Это касается и людей,— посоветуем, переправим дальше, я сделаю для них все, что смогу».

В одном из писем Зиллиакус просил Неовиуса договориться с Паульсоном по поводу перевозки писем. «Не мог бы человек в Териоках целиком сосредоточиться на этом? Я думаю, установление регулярной и надежной почтовой

связи для их корреспонденции было бы самой большой услугой, которую мы могли им оказать». Зиллиакус сообщил, что Паульсон получил от него по почте новые адреса для пакетов и для корреспонденции.

«Человеком в Териоках» был, судя по сохранившейся переписке А. Неовиуса, М. М. Инкенен. Будучи членом партии «пассивного сопротивления», он получал в Териоках «товар» из Гельсингфорса, хранил пакеты и ящики в надежном месте, пока их не забирали для дальнейшей транспортировки в Петербург.

Корреспонденция, а также отдельные номера искровских изданий для Петербургского комитета и для издававшейся Неовиусом газеты «Фриа урд» посылались редакцией «Искры» на адрес сотрудницы Зиллиакуса в Стокгольм Луизы Норлинг, которая жила на улице Бруннсгатан, 10. Ее адрес был получен в редакции также через Смирнова, который передал его Радченко или Стасовой.

Пакеты приходили в Гельсингфорс с нарочным на имя Неовиуса (либо прямо на квартиру, либо в контору банка «Нурдиска фёренингсбанкен», директором которого был один из «пассивистов»).

Неовиус отправлял пакеты в Петербург с «пассивистом» — экспедитором почтового вагона, отправлявшегося со скорым поездом в столицу каждый день. В Петербурге экспедитор сдавал пакеты либо Парикке, либо Мальму.

За пакетами обычно ездил сам Владимир Смирнов. Бывал на квартире Мальма и Буренин. Предлогом для посещений стали уроки финского языка, которые он брал у Мальма. Иногда, желая помочь сыну, бралась за это опасное поручение Виргиния Карловна.

Полная пожилая дама с хозяйственной сумкой позвонила у двери квартиры рабочего железнодорожных мас-

терских Парикки. На звонок вышел сам хозяин. Увидев гостью, обрадовался, сказал по-фински:

— Терветулоа! (Добро пожаловать!)

Жена Парикки усадила гостью пить кофе. Разговор шел по-фински. Делились впечатлениями о погоде, вспоминали общих гельсингфорсских знакомых.

— А как ваш сын Вольдемар себя чувствует? — спросила супруга Парикки.

— Приболел немного, просквозило в вагоне,— ответила гостья, аккуратно ставя маленькую чашечку на стол.

Пока дамы разговаривали, хозяин взял сумку гостьи и вышел. Тут же вернулся, поставил снова ее у порога, сел за стол.

Поблагодарив за кофе, гостья ушла домой. Парикка видел в окно, как она, сгибаясь под тяжестью сумки, переходила улицу, направляясь к конке. Но что это? Ее остановил полицейский. Дама что-то стала доказывать ему, но полицейский взял сумку и, пропустив даму вперед, повел ее куда-то.

Парикка готов был броситься из окна на мостовую. Провал! Мать Вольдемара Смирнова арестовали с русской нелегальной литературой. Он видел это сам. Чего ждать? Надо немедленно подготовиться к аресту. Сначала «очистить» все в квартире. Он сжег в печке все бумаги, которые могли его скомпрометировать. До утра не спали с женой, ждали стука в дверь и прихода полиции. Но все обошлось благополучно.

Потом Парикка узнал, что мать Смирнова попала в полицейскую облаву. Всех задерживали, требовали предъявить документы и обыскивали. Виргинию Карловну выручила ее находчивость. Она обратилась к задержавшему ее полицейскому, сказала:

— Помогите мне, голубчик, дойти до конки. Сумка невозможно тяжела.

Полицейский, видимо, принял ее за служанку важных господ, спешившую с покупками домой. Он взял сумку

с искровскими изданиями и проводил Виргинию Карловну до конки. Сквозь кордон в сопровождении полицейского ее пропустили беспрепятственно!

Петербургская сторона. К дому номер 8 на Гулярной улице подошла высокая, элегантно одетая молодая женщина. Оглянулась и зашла в подъезд. Виргиния Карловна, открыв дверь гостье, захлопотала с чаем. В гостиную вышел Владимир Смирнов. Он был нездоров.

— Извините, Елена Дмитриевна, снова пришлось вам самой сюда тащиться,— сказал он почти шепотом.

Пока Виргиния Карловна была на кухне, Стасова переложила пакеты из хозяйственной сумки в свой портфель. Когда мать вошла с самоваром в комнату, гостья и ее сын беседовали на темы, которых она не понимала.

— Вышибало совсем распоясался,— говорила Стасова.— Не хочет признавать соглашения с «Искрой», заключенного в июне. Оно, видите, было подписано в его отсутствие и поэтому недействительно. Теперь требует исключить из комитета всех интеллигентов, а это значит — оставить рабочих без руководства, ликвидировать комитет как таковой.

Смирнов знал, что кличку Вышибало за призыв «вышибить из комитета интеллигентов» получил социал-демократ А. С. Токарев, возглавлявший Рабочую организацию петербургского «Союза борьбы». Он был противником «Искры».

— Он самый настоящий «экономист»,— проговорил Смирнов.— Автор «Что делать?» будто с него писал идейный портрет «экономиста».

Виргиния Карловна молча присела к столу.

Стасова спросила ее сына:

— А как вы поддерживаете отношения с Морисом?

Смирнов встал, подошел к тумбочке, на которой стояли бутылочки с лекарствами, взял одну из них:

— Вот, специальные чернила. Пишу между строк открытки, которую заполняет мама.

— Спасибо вам за помощь, Виргиния Карловна,— сказала Стасова.

— Какая из меня помощница,— ответила та.— Целыми днями душа болит за вас. Вот-вот попадетесь. Эх, зря вы за это дело взялись, плетью обуха не перешибете...

— Ну, опять ты, мама...— проговорил Смирнов.

Виргиния Карловна, приложив платок к глазам, вышла на кухню.

— Да, Елена Дмитриевна, чтобы не забыть. Дворник сказал матери, что вами интересовался околоточный. Расспрашивал, к кому ходит высокая барыня в очках и с портфелем. Следят за вами, будьте, пожалуйста, поосторожней.

— Я и так уж, кажется, конспирирую как только можно,— ответила Стасова.— Но «хвосты» за мной ходят. Нужно изменить внешность. И сюда я буду приходить только в случае крайней нужды. Ну, я пойду. Выздоравливайте. Привет пивовару. Пусть не задерживает наши «товары».

В этот день в Петербурге появился свежий номер газеты «Искра».

Этим же путем, через Парикку и Мальма, Смирнов посылал корреспонденцию в Финляндию, откуда пакеты переправляли в Стокгольм. 16 (29) августа в письме Неовиусу он высказывал опасение по поводу того, что в Финляндии, как и в России, начали вскрывать все письма, шедшие за границу. «Будьте любезны, немедленно сообщите мне, можно ли, по Вашему мнению, впредь пользоваться тем путем, о котором была речь,— говорилось в письме.— Можно ли отправить моему знакомому в Або письмо из России или опускать прямо в почтовый вагон в Петербурге, чтобы он потом опустил их на пароходе?»

По скоростной транспортной линии направлялись в редакцию «Искры» документы, которые посылали искровцы

из Петербурга, их письма, а также корреспонденции Смирнова. 15 (2) октября в номере 26-м «Искры» была опубликована передовая статья, написанная Лениным. Она называлась «Политическая борьба и политиканство». Характеризуя внутреннюю политику царского правительства, Владимир Ильич писал:

«Возьмите законы последнего месяца, — и вам прежде всего бросятся в глаза новые указы, добивающие последние остатки финляндских свобод...» В статье говорилось, что такая политика царизма «совершенно подрывает самостоятельность финляндских судов и сената, давая возможность генерал-губернатору все знать, все ведать, т. е. фактически превращая Финляндию в одну из многих бесправных и униженных русских провинций».

Факты, подтверждающие ленинскую оценку политики царизма в Финляндии, приводились в большой статье Смирнова, озаглавленной «События в Финляндии». В ней автор отмечал, что финляндцы дважды обращались к Николаю II с протестом, каждый раз под петицией стояла подпись полумиллиона финляндцев, но оба раза царь отказался даже принять эти документы. Смирнов писал, что «все сознательные финляндцы относятся с истинным сочувствием и искренней, горячей симпатией к борьбе русских революционеров... В русских самоотверженных борцах за политическую свободу финский народ видит уже своих братьев, стремящихся к той же цели, которую преследует и он».

Следующая корреспонденция Смирнова о событиях в Финляндии была опубликована в «Искре» 1 декабря (18 ноября) 1902 года, в номере 29-м. В ней рассказывалось о новых мерах царского правительства, направленных на полную ликвидацию конституции Финляндии. Осенью министр внутренних дел Плеве издал секретный циркуляр о вскрытии почтовыми чиновниками Финляндии «подозрительных» писем, но финляндцы, писал Смирнов, саботируют это распоряжение. «Начав свой преступный поход

на Финляндию, российское самодержавие само ускоряет свою неминуемую погибель»,— резюмировал автор.

Многие финляндцы охотно помогали Смирнову и его товарищам — русским революционерам. Они предоставляли им «чистые» квартиры, принимали участие в перевозке революционной литературы, жертвовали деньги на борьбу с царизмом. Впоследствии Смирнов называл десятки фамилий финляндцев, помогавших ему в организации транспортного пути и в выполнении других важных поручений партии.

7 (20) декабря Смирнов просил Неовиуса в письме переслать прилагаемый пакет через Стокгольм в Германию, «как в прошлый раз». В случае отсутствия оказии в Стокгольм он предлагал переслать пакет почтой на стокгольмский адрес Хильдур Андерссон (Тегнерсгатан, 11) и попросить Мориса (Зиллиакуса) отправить его в Штутгарт.

Здесь же он просил сообщить Морису, чтобы тот пока не высылал ящики с литературой, так как, несмотря на то что «товар» лежал на одной из станций, петербургские искровцы не могли его взять. Поэтому-то Смирнов и просил Зиллиакуса подождать пока «варить пиво».

Но что же случилось на границе? Об этом рассказывается в письме Смирнова Неовиусу, отправленном из Петербурга 11 (24) декабря. В ноябре в Белоострове охранка задержала группу эсеров с транспортом литературы. После этого в Петербурге были проведены массовые аресты революционеров. «Аресты находятся, несомненно, в связи с провалом в Белоострове,— писал Смирнов.— Говорят, у кого-то из них нашли несколько адресов, но не знаю, правда ли это. Вообще, на поезде эта молодежь вела себя очень неосторожно, пренебрегая всеми элементарными правилами конспирации, но все же лишь донос служащих погубил ее...»

Е. Д. Стасова сообщила редакции «Искры» 18 ноября (1 декабря): «Мы получили весь ваш груз, но на нашей границе был провал — не наш».

Эсеровская бравада на границе дорого обошлась социал-демократам. Царские власти ужесточили контроль на границе. Буренин получил предупреждение, что его багаж тоже будет подвергаться досмотру. Однако и в эти трудные дни Николаю Евгеньевичу удалось несколько раз пересечь границу с искровскими изданиями. Они помещались в ящике для проекционного фонаря. Этот фонарь Буренин использовал для показа «волшебных картин» на литературно-музыкальных вечерах. На вечера в школе, расположенной на финляндской стороне границы, приглашались чиновники пропускного пункта с семьями, досмотрщики и солдаты. Николаю Евгеньевичу удалось запастись официальным документом для перевоза фонаря через границу. В нем говорилось, что ящик нельзя открывать во избежание порчи фонаря и картин. В этот ящик входило до двадцати пяти килограммов газет и брошюр.

30 декабря 1902 года (12 января 1903 года) Е. Д. Стасова писала в редакцию «Искры»: «Вчера получила $6^1/_2$ пудов, так что на некоторое время согрелись».

Охранка нанесла тяжелый удар по российским искровцам, арестовав в ноябре 1902 года И. И. Радченко, П. Н. Лепешинского, В. Ф. Кожевникову, В. П. Краснуху и ряд других агентов газеты. За Стасовой велась слежка.

В декабре часть финляндских железнодорожников, испугавшись репрессий, отказалась помогать в перевозке и хранении литературы. Спасаясь от преследований охранки, из Петербурга вынужден был уехать в Финляндию активный помощник Смирнова и Буренина Парикка. Владимир в письме Неовиусу 5 января (н. ст.) 1903 года просил помочь ему устроиться в железнодорожных мастерских в Гельсингфорсе или в другом городе, характеризуя его как надежного и способного человека.

Решил переехать в Финляндию и Смирнов.

«ТОВАРЫ» ДЛЯ ПАУЛЬСОНА

Декабрь 1902 года. Ночь накрыла черным крылом пограничный поселок Торнео. Мороз яростно щиплет щеки. Ветер бросает в глаза сухую снежную крошку. Сотрудник таможни Ланг старается шагать след в след за идущим впереди вахтмейстером Ниеми. Сугробы глубокие, в них совершенно утопают сапоги. Вдруг сквозь свист ветра он услышал впереди крик. Подбежав к Ниеми, увидел, что тот показывает рукой в сторону реки Торнео. Ланг приложил руку ко лбу и стал вглядываться. Да, по льду двигались какие-то тени.

— Стой! — закричал Ниеми и, выхватив из кобуры револьвер, бросился вперед. Но тени стали быстро удаляться к шведскому берегу. Дважды стражник выстрелил из револьвера, и Ланг, бежавший за ним, увидел, как мгновенные вспышки выхватили из темноты какой-то ящик, лежавший в снегу.

Потные, злые притащили Ланг и Ниеми тяжелые санки с ящиком на пропускной пункт. В нем оказались русские социал-демократические газеты и брошюры.

В одной из аудиторий Гельсингфорсского университета идут занятия по русскому языку. На кафедре — Владимир Смирнов. Он приехал в Гельсингфорс в январе 1903 года и работает в университете лектором (преподавателем) русского языка и литературы.

— Русский народ имеет великие революционные традиции,— говорил он студентам,— и изучение русского языка позволит каждому лично прикоснуться к сокровищнице русской культуры, читать в подлиннике произведения Пушкина, Лермонтова, Толстого, Герцена, Чернышевского.

Смирнов тщательно готовился к каждой лекции. Студенты задавали много вопросов не по программе, интере-

совались положением в России, революционными событиями в Петербурге, свидетелем и участником которых совсем недавно он был. И Смирнов старался удовлетворить их любознательность. При этом в ответах был осторожным, чтобы не давать повода охранке обвинить его в «противоправительственной деятельности».

По вечерам часто встречался с Арвидом Неовиусом. Вот и сегодня он зашел к нему на Аннегатан. Доктор, как всегда, радушно встретил его у порога, пригласил в кабинет. Сестра Неовиуса Дагмар вышла в кухню готовить кофе.

Неовиус достал из сейфа несколько писем:

— Морис пишет, что отправил для Паульсона три ящика северным путем, но один ящик в Торнео попал в руки пограничной охраны. Его люди на границе перепугались, увидев стражу, и убежали, бросили санки с ящиком. Морис считает, что на какое-то время этим путем посылки «товара» придется прекратить.

— Жаль,— ответил Смирнов.— В Петербурге так сейчас нуждаются в литературе.

— Ничего не поделаешь. Люди Мориса пока боятся снова идти к границе. Но почтовая линия действует исправно. Вот, пожалуйста, квитанции на получение «товара» в Выборге. Груз туда уже отправлен.— И Неовиус положил на стол бумажку с печатью.

— А это, пожалуйста, отправьте Морису,— сказал Смирнов, вынимая из портфеля запечатанный конверт.— Пусть перешлет, как всегда.

В конверте, переданном Неовиусу, была очередная корреспонденция Смирнова для «Искры». Ее опубликовали в номере 33-м 1 февраля 1903 года. Смирнов писал о новых мерах царского правительства, ущемляющих права финляндцев. В частности — об увольнении директора финляндских почт Лагерборга за то, что тот отказался выполнять секретный циркуляр царского правительства о вскрытии «подозрительных» писем. Смирнов отмечал, что охранка

в погоне за «подозрительной» корреспонденцией стала досматривать и почтовый вагон, следующий из Финляндии в Петербург. «Жандармский режим, сопровождавшийся неслыханным разгромом периодической печати, вызвал в Финляндии быстрое развитие всевозможной нелегальной прессы». Финляндцы, писал он, с большим сочувствием следят за развитием революционной борьбы в России, «понимая, что будущность их страны тесно связана с грядущей революцией в нашем отечестве». В дополнение к корреспонденции была опубликована программа Финской рабочей партии, принятая на конгрессе в Або в 1899 году. Она была прислана в редакцию «одним товарищем» — также, вероятно, В. М. Смирновым.

После переселения в Гельсингфорс Владимир получил возможность больше писать в «Искру» о событиях в Финляндии. Его корреспонденции печатались после 33-го почти в каждом номере газеты, включая 50-й.

Почтовая линия исправно служила и для переписки петербургских искровцев с редакцией «Искры», для пересылки корреспонденций, заявлений, листовок и других документов, многие из которых появились на страницах газеты.

— Дорогой гость, добро пожаловать,— сказала Виргиния Карловна, открывая дверь Буренину.

— А где Владимир?

— Еще не приходил из университета. Скоро должен быть. Подождите, пообедаете с нами.

— Спасибо, я подожду.— Буренин взял лежавшую на тумбочке в коридоре газету «Хювюдстадсбладет» («Столичную газету») и начал просматривать ее.

Вскоре раздался звонок. Это пришел хозяин.

После обеда Смирнов и Буренин прошли в кабинет.

— Что нового? — спросил Владимир.

— После арестов дела опять стали налаживаться. Комитет снова ожил.

— А Елена Дмитриевна?

— Работает, как всегда. Я приехал по ее поручению. Как с «пивом»?

— Варится,— ответил Смирнов и, открыв потайной ящик у стола, подал Буренину квитанцию.

— Так,— промолвил тот.— Значит, Выборг.

В Выборге был книжный магазин, куда «товары» прибывали из Финляндии в ящиках, не вызывая особых подозрений у местных чинов жандармерии. За литературой приезжали петербургские искровцы. Они называли пароль и получали газеты и брошюры.

9 (22) января Е. Д. Стасова писала в редакцию «Искры»:

«Получили свое, скоро получим еще, и думаю, что до весны во всяком случае будем получать аккуратно, так как удалось наладить дело с хорошим народом, финляндцами, служащими на железной дороге». Через неделю, 16 (29) января, она снова извещала редакцию, что «пиво будет вариться и дальше», просила посылать литературу на адрес Зиллиакуса. 31 января (13 февраля) Елена Дмитриевна сетовала в письме Н. К. Крупской, что мать Н. Е. Буренина решила продать свое имение, «потому так легко и спокойно возить нельзя будет». Но просила продолжать посылать на адрес Зиллиакуса по два пуда в неделю: «Пожалуйста, пришлите «Зарю» все №№, страшно нужно. Посылайте всего понемногу, а не одну «Искру», а то сядем на мель».

Искровские издания шли через Стокгольм непрерывно. В письмах Зиллиакуса Неовиусу постоянно упоминается о «товарах для Паульсона».

Но путь Зиллиакуса страдал тем же дефектом, что и линия Вейделя: в пути финляндцы при переупаковках смешивали литературу разных российских партий. Стасова опять сделала внушение на этот счет Смирнову, и он

просил Зиллиакуса следить за тем, чтобы литературу не путали. 7 марта (22 февраля) 1903 года Зиллиакус писал Неовиусу: «Вещи Паульсона давно ушли, но я боюсь снова неприятности, так как из письма, полученного мною, видно, что ящики вскрывают по пути, а иногда и заменяют».

Редакция «Искры» переслала в «пивоварню» 22 (9) февраля еще 5 пудов искровской литературы, 28 февраля (13 марта) Е. Д. Стасова просила направлять раз в неделю посылки объемом в 300 экземпляров «Искры» на адрес: Стокгольм, улица Страндвеген, К. А. Андерссон (кафе).

О бесперебойной работе транспортной линии в 1903 году свидетельствуют письма Зиллиакуса Неовиусу. 12 марта (27 февраля): «Вещи Паульсона прибывают со следующей субботней посылкой. Кому посылать 300 экз. «Искры»? У меня нет точного адреса». 17 (4) марта: «Печать Паульсона здесь же следует». 28 (15) марта: «Прилагаемый конверт прибыл только что с «Искрой», просят переправить по адресу». 2 апреля (20 марта): «Если Паульсон в Гельсингфорсе, скажи ему, что вместе с «Искрой», которая сегодня переслана с почтой, пришла пачка небольших брошюр без каких-либо инструкций. Попроси его написать отправителям, чтобы они каждый раз давали мне знать о посылке, не считая пакетов, имеющих прямой адрес». 6 апреля (24 марта): «Товары Паульсона транспортированы срочно на север в помеченном ящике». 7 апреля (25 марта): «С сегодняшней почтой (пароходом) идет посылка вещей Паульсона. Еще прибыли пакет газет и печатные издания. Они отправлены в Гельсингфорс на адрес фрекен Ольги Курениус, Андрегатан, 30. Большинство упаковано в чемодан. Посыльный тебе позвонит».

К сожалению, линия связи давала иногда досадные осечки. Весной 1903 года Н. Е. Буренин выслал в Гельсингфорс с финляндскими железнодорожниками банковский документ на тысячу марок, чтобы В. М. Смирнов уп-

латил Зиллиакусу за транспортировку литературы. Но шли дни, а банковского документа все не было. Смирнов пытался выяснить через А. Неовиуса, куда пропали деньги, но тому тоже ничего не удалось узнать. Никакой расписки Буренин, естественно, при сдаче письма не взял.

Что делать? Смирнов обратился за помощью к матери. У нее лежала в банке небольшая сумма, оставшаяся от мужа. Она сняла со счета тысячу марок. Смирнов переслал их в Стокгольм, Зиллиакусу.

Весной 1903 года в шведскую столицу заявился один из руководителей боевой группы партии эсеров Е. Азеф. Он заявил Зиллиакусу, что хочет ознакомиться с транспортной линией, по которой можно было бы переправлять эсеровскую литературу в Россию. Зиллиакус к тому времени все больше восхищался эсерами. Вслед за ними он утверждал, что индивидуальный террор — единственное средство, которое может ослабить самодержавие и заставить его отказаться от «похода на Финляндию». У Зиллиакуса зрел замысел создания партии «активного сопротивления», главной целью которой станет организация покушений на царских чиновников в Финляндии. Зиллиакус не знал, что Азеф был тайным агентом охранки. Он охотно познакомил его с работой транспортной конторы в Стокгольме. Азеф сумел раздобыть данные об отправлявшихся в то время из Стокгольма транспортах. Вскоре все они провалились на границе. Попал в руки охранки и один ящик с «Искрой». 5 (18) мая 1903 года замещавший Фрейберга жандармский ротмистр Тунцельман донес об этом генерал-губернатору Бобрикову.

Друзья Смирнова, служившие в канцелярии генерал-губернатора, сообщили ему о провале транспорта с «Искрой» в Райволе. Об этом стало известно и в редакции газеты. 1 июля (18 июня) в «Искре» была опубликована заметка об этом Смирнова. В ней говорилось, что охранка надеется схватить человека, который явится получать захваченный полицией ящик с литературой. «В настоящее

время,— писал Смирнов,— ящик находится на станции Териоки под непосредственным наблюдением приставленных к нему полицейских властей. Пожелаем, чтобы случайное знакомство с «Искрой» пошло им на пользу».

После провала этого транспорта Смирнов некоторое время жил в тревожном ожидании ареста. Вдруг охранке стали известны имена участников транспортировки? Но жандармам не удалось раскрыть и на этот раз глубоко законспирированную сеть транспортеров ленинской «Искры». «Товары для Паульсона» продолжали регулярно поступать из Стокгольма к российской границе. 25 (12) августа Зиллиакус сообщил Неовиусу, что закажет специальный чемодан для Паульсона и загрузит «товаром». «В настоящей партии не нашлось места для его пакетов, так как о них не сообщили заранее, но мы отправим их, по возможности, сразу же»,— говорилось в письме. 23 (12) сентября Зиллиакус известил Неовиуса, что «товары Паульсона» в пути. Несколько срочных пакетов он отправил пароходом в Гельсингфорс через Северный объединенный банк на адрес Неовиуса, с тем чтобы тот передал их Паульсону.

Зиллиакус писал в этом же письме, что сообщит сразу же Паульсону, как только встретится с лидером Социал-демократической партии Швеции Брантингом. Встреча эта намечалась, по всей видимости, по просьбе Смирнова и была связана с организацией транспортировки искровской литературы.

Стокгольмский пароход «Боре» в Або встречала многочисленная толпа. Финляндцы восторженно приветствовали приехавшую на этом пароходе певицу Айно Актэ, которая возвращалась из гастрольной поездки по Франции. Парижская печать высоко оценила искусство финляндской артистки, и это было с удовлетворением воспринято общественностью Финляндии. Чемодан певицы из каюты вынес помощник полицмейстера Гельсингфорса капитан Бруно

Яландер. Таможенный чиновник даже не подумал о досмотре чемодана. Но если бы он и заикнулся об этом, ему бы вряд ли поздоровилось, так как в толпе встречающих было много влиятельных финляндских чиновников. Певицу у трапа забросали цветами.

Вечером на гельсингфорсскую квартиру Айно Актэ нанес визит Арвид Неовиус. Он извинился, что не смог приехать в Або, и от души поздравил певицу с успехом.

— Спасибо за поздравления, доктор,— сказала Айно.— Но я знаю, что вы нанесли мне визит не только из-за этого. У меня для вас гостинец от Зиллиакуса. Бруно,— обратилась она к сидевшему за столом в гостиной Яландеру,— принеси, пожалуйста, мой чемодан в прихожую.

Чемодан имел двойные стенки. Они были забиты свежими номерами «Искры». В тот же вечер Неовиус передал «товар» Смирнову, а на другой день свежие номера ленинской «Искры» уже читали в Петербурге. 31 августа (13 сентября) Е. Д. Стасова сообщила в редакцию «Искры», что небольшими партиями в Петербурге получены номера газеты — 40-й и 41-й. 5 (18) октября она известила, что в столице получили номер 41-й в большом количестве. Елена Дмитриевна просила выслать последние номера «Искры» и побольше популярных брошюр. «Известите, в каком транспорте будет выслано, и мы предупредим транспортера, чтобы нам передали»,— писала она.

Несмотря на все трудности, искровская литература в Петербург поступала через Финляндию вплоть до октября 1903 года. Начальник Финляндского жандармского управления генерал Фрейберг вынужден был признать в одном из донесений генерал-губернатору: «В настоящее время фактически установлено, что большинство русской нелегальной литературы, издаваемой за границей, поступает в империю через Финляндию и что последняя не только служит удобным путем для водворения ее в столицу, но вместе с тем служит местом целых складов, откуда при удобных случаях она провозится в империю».

Охранке из донесений тайных агентов в Стокгольме стало известно, что с финляндцами сотрудничает в переправке подпольной литературы некто Паульсон, но настоящего имени этого человека жандармам тогда узнать не удалось.

ПИСЬМО ФИНЛЯНДСКОМУ КОРРЕСПОНДЕНТУ

В конце сентября 1903 года в Женеву, в редакцию «Искры», пришла очередная почта из России. Разбирая ее, Н. К. Крупская сказала Владимиру Ильичу:

— Из Финляндии пришли сразу две корреспонденции.

— Молодец этот Паульсон! — ответил В. И. Ленин.— Аккуратно снабжает газету материалами о положении в Финляндии, присылает к каждому номеру. Дай мне его корреспонденции, я посмотрю их!

Владимир Ильич внимательно прочитал материалы, присланные В. М. Смирновым. Это были рассказ о последних событиях в Финляндии и отчет о конгрессе финляндской социал-демократической партии, который состоялся 17—20 августа 1903 года в городке Форсс. Ленин решил ответить автору письмом. Он взял несколько листков гладкой почтовой бумаги и, обмакнув перо в чернильницу с черными чернилами, начал быстро писать:

«1.X.03.

Дорогой товарищ!

Мы получили Ваше письмо и обе статьи (события в Финляндии и первую половину о конгрессе социал-демократической партии). Так как сведения о конгрессе Финляндской социал-демократической партии и без того уже несколько запоздали, то статья о нем будет помещена в № 49 «Искры», который выйдет не позже 15 октября нового стиля. Статью же о событиях в Финляндии придется отложить, и я возвращаю ее поэтому Вам, чтобы Вы подновили ее но-

вым материалом к № 50 (самое позднее — к № 51) «Искры». Вторую половину этой статьи, стр. 3—4, я думаю, можно бы выкинуть, а начало видоизменить для связи с новым концом».

Владимир Ильич отложил письмо, снова просмотрел отчет В. М. Смирнова о конгрессе. Он начинался с сообщения о том, где и когда состоялся конгресс, сколько на нем присутствовало делегатов. Автор отмечал, что конгресс принял решение о переименовании финляндской рабочей партии в социал-демократическую. Перечислив повестку дня, в том числе «наделавший столько шуму в среде финляндских буржуазных партий вопрос о всеобщем избирательном праве», Смирнов писал далее:

«Самым жгучим явился вопрос об избирательном праве. Авторы резолюции по этому вопросу подвергли резкой критике устарелую средневековую организацию финляндского сейма, покоящуюся на сословном начале и плутократической системе выборов, которая лишает рабочих возможности посылать в сейм своих представителей. Вполне понятна та резкость, с которой велась эта критика. Благодаря упорству буржуазии и сельской аристократии 15-летняя борьба финляндских рабочих до сих пор не дала никаких осязательных результатов... В своей критике авторы резолюции зашли слишком далеко и допустили, действительно, несколько неосторожных выражений. Односторонность как этой критики, так и вообще всей тактики Финляндской Рабочей Партии обусловливается ее ненормальным положением. Хотя партия выступает в качестве легальной, но вся ее деятельность стеснена рамками азиатской цензуры. Ей разрешается касаться в своей критике лишь «местного» порядка, но строго запрещено касаться главного виновника всех злополучий Финляндии — российского самодержавия».

Ленин, хорошо знавший положение в Финляндии, понимал подоплеку этих «неосторожных выражений». Финляндский парламент был сословным, он состоял из предста-

вителей дворян, духовенства, городского населения и крестьян. Дворяне доминировали в сельской курии, а в городской руководство захватила буржуазия. В то же время рабочий класс, ставший к началу XX века значительной политической силой, фактически был лишен представительства в сейме. Дворяне, представители духовенства, реакционного крестьянства и буржуазии выступали против изменения конституции и ликвидации сословного сейма, так как боялись, что в ходе всеобщих выборов большинство в новом парламенте получат представители рабочих — социал-демократы. Земельную аристократию и буржуазию объединял страх перед грядущей революцией. Некоторые делегаты конгресса в Форссе выступали с предложениями отстраниться от участия в общенациональном движении против царизма, которое возглавляла буржуазия. Об этом Ленин знал из отчетов о конгрессе, опубликованных в западноевропейских газетах.

Владимир Ильич снова взял ручку и продолжил письмо финляндскому корреспонденту:

«Что касается до статьи о конгрессе, то было бы желательно иметь скорее и продолжение ее. Затем необходимо остановиться *поподробнее* на затронутом Вами вопросе о «неосторожных выражениях» финляндских социал-демократов на их конгрессе о финляндском сейме. Это — важнейший принципиальный вопрос и его надо разъяснить вполне. Насколько я понимаю, часть рабочих готова отстраниться от *буржуазной* финляндской борьбы за буржуазную финляндскую конституцию? Если так, то «Искре» необходимо разъяснить этот вопрос с точки зрения марксизма, показать *необходимость* для социал-демократической партии поддерживать и буржуазную борьбу за свободу, отнюдь не отождествляя себя с буржуазией и не скрывая своих *социалистических* целей. Нам придется вставить примечание на эту тему. Или, может быть, Вы успеете прислать продолжение хотя бы к 6.X? Необходимо также привести текст резолюции о признании финляндской ра-

бочей партией социал-демократической программы *во всем ее целом,* ибо переведенная Вами часть программы есть только программа-minimum, сама по себе вовсе не социал-демократическая. Если тут дело в цензуре, то надо это еще раз оговорить».

В письме в редакцию «Искры» Смирнов предлагал написать статью о политике царизма в Финляндии для журнала «Заря», а также брошюру на эту тему, которую можно было бы издать за границей. В. И. Ленин одобрил это предложение и установил конкретный срок присылки статьи для «Зари» — 15 ноября. Владимир Ильич сообщил Смирнову свой женевский адрес, по которому просил посылать письма из-за границы.

Письмо В. И. Ленина отправили по адресу: Стокгольм, Хильдур Андерссон, для Паульсена. Хильдур, как мы уже говорили, была одной из стокгольмских сотрудниц Зиллиакуса, и ленинское письмо должно было обязательно попасть в руки адресата.

Но оно, как видно, до Смирнова не дошло. Дело в том, что в конце сентября (н. ст.) генерал-губернатор Бобриков выслал из Финляндии группу видных финляндских политических деятелей, в том числе Арвида Неовиуса. На его квартире произвели обыск. И хотя при обыске ничего «предосудительного» обнаружить не удалось, Неовиус был вынужден уехать 16 (29) сентября в Стокгольм, а за его сестрой Дагмар охранка установила негласный надзор. Надо полагать, эти меры царского правительства и стали причиной того, что письмо из Женевы не было своевременно передано В. М. Смирнову. Дагмар Неовиус после высылки брата, естественно, постаралась сократить все подпольные связи. Письмо, прибывшее из Стокгольма в начале октября на имя Паульсона, она не передала адресату, боясь подвести его. В свою очередь Смирнов, предполагая, что во время обыска у Неовиуса нашли документы о связях с ним, со дня на день ожидал ареста. Дагмар Неовиус в письме брату в Стокгольм 13 октября передавала привет от Пауль-

сона и сообщала о том, что он серьезно опасается, что царские власти подвергнут его, российского гражданина, более жестоким репрессиям, чем Неовиуса.

Вскоре нелегальная почтовая линия между Стокгольмом и Финляндией восстановилась. 18 октября Дагмар сообщила брату, что его письмо Паульсону передала. Но было ли в этом конверте письмо В. И. Ленина? По всей видимости, нет. Об этом говорят следующие обстоятельства. Редакция «Искры» опубликовала, как и обещал В. И. Ленин, начало отчета о конгрессе финляндской социал-демократической партии в номере 49-м газеты. В качестве приложения к отчету были напечатаны две первые главы программы партии, принятой на конгрессе в Форссе. Надеясь, что финляндский корреспондент не подведет и вовремя подошлет запрошенные материалы, редакция сообщила о публикации продолжения отчета и окончания программы партии в следующем, 50-м номере газеты.

Но шли дни, а продолжения отчета из Финляндии все не поступало. В 50-м номере, напечатав очередную корреспонденцию Смирнова «События в Финляндии», редакция сообщила читателям, что по независящим от нее обстоятельствам обещанное в прошлом номере продолжение программы финляндской социал-демократической партии запоздало и не может быть опубликовано в текущем номере.

В 51-м номере никаких материалов о Финляндии не было вообще.

В. М. Смирнов, рассказывая впоследствии о своих встречах с В. И. Лениным, никогда не упоминал об этом письме. Видимо, он так и не узнал о нем. Письмо пролежало в архиве А. Неовиуса, где и было обнаружено автором этих строк в декабре 1975 года.

Письмо В. И. Ленина финляндскому корреспонденту «Искры» является важным документом, еще раз свидетельствующим, с какой симпатией Владимир Ильич относился к борьбе финляндского народа против царизма. В нем дава-

лась цельная, продуманная марксистская программа деятельности финляндской социал-демократической партии.

В конце письма говорилось:

«В заключение не могу не выразить Вам, дорогой товарищ, благодарность редакции «Искры» за Ваше регулярное сотрудничество. Нам в высшей степени важно и ценно правильно осведомлять русский рабочий класс о событиях в Финляндии...»

Таким образом, Владимир Ильич дал высокую оценку работе финляндского корреспондента «Искры».

В ТРУДНЫХ УСЛОВИЯХ

Смирнов знал о борьбе, разгоревшейся на II съезде партии между большевиками и меньшевиками. Он всецело поддерживал позицию В. И. Ленина. Из «Искры», а также от петербургских товарищей он знал, что после съезда разногласия в партии еще более обострились. В ноябре 1903 года В. И. Ленин был вынужден уйти из редакции «Искры», большинство в которой с помощью Плеханова захватили меньшевики.

В трудных, сложных условиях, когда В. И. Ленин был лишен возможности регулярно выступать в газете, особое значение приобрела его переписка с единомышленниками в России. И скандинавская почтовая линия продолжала действовать. Об этом свидетельствуют, в частности, письма Е. Д. Стасовой в адрес Н. К. Крупской, посланные из Петербурга в ноябре — декабре 1903 года.

В Стокгольме вместо Зиллиакуса «главным транспортером» стал Неовиус, а в Гельсингфорсе дела Неовиуса принял доктор медицины, доцент Гельсингфорсского университета Адольф Тернгрен, с которым В. М. Смирнов наладил регулярную связь. Тернгрен был помещиком, буржуазным деятелем, одним из руководителей финляндского движения сопротивления царизму. Он помогал российским революционерам. Подпольщики присвоили Тернгрену конспиратив-

ную кличку Павел Иванович. В конце мая 1904 года Смирнов встретился с ним и попросил помочь получить «посылку из Европы», сообщил ему адрес в Гельсингфорсе. Тернгрен рассказал в письме Неовиусу 25 мая (н. ст.) о своем разговоре с Паульсоном и просил оказать ему помощь. «Я думаю, что это возможно, ибо он получает не так уж много»,— говорилось в письме.

Из письма Тернгрена видно, что Смирнов регулярно получал почту из-за границы, а на этот раз просил переправить дополнительную посылку. Что в ней было — сказать сегодня трудно. Но именно в это время, в мае 1904 года, в Женеве вышла в свет работа В. И. Ленина «Шаг вперед, два шага назад», и партийная экспедиция в Женеве занималась переправкой ленинской книги в Россию. Можно предположить, что Петербургский комитет поручил В. М. Смирнову наладить доставку ленинской работы в столицу.

Утром 3 (16) июня 1904 года генерал-губернатор Финляндии Н. И. Бобриков отправился на заседание сената. Он вошел в здание и начал подниматься по лестнице в зал заседаний. Неожиданно перед ним на площадке второго этажа выросла фигура молодого человека, и раздалось несколько выстрелов. Не успел адъютант Бобрикова опомниться, как все было кончено: его шеф едва стоял, судорожно цепляясь за перила, а стрелявший лежал у его ног. Он выстрелил себе в сердце. В эту же ночь умер и Бобриков.

Покушавшимся оказался молодой чиновник сената Евгений Шауман, сын известного финляндского политического деятеля, генерала царской армии. И хотя у Шаумана нашли письмо, адресованное царю, в котором он писал, что покушение на Бобрикова спланировал и совершил он один, по собственной инициативе, охранка использовала покушение для усиления репрессий в Финляндии. Сразу же

была арестована большая группа видных политических деятелей страны, в том числе отец Шаумана, а также Р. Дроккила, редактор социал-демократической газеты, в свое время помогавший Смирнову в транспортировке литературы из Стокгольма. Среди лиц, считавшихся «соучастниками» в деле Шаумана, был Зиллиакус, который к этому времени уже создал партию «активного сопротивления» царизму. Многие из арестованных и находившихся под подозрением финляндцев были знакомы со Смирновым, встречались или переписывались с ним. Но охранке и на этот раз не удалось выйти на след неуловимого Паульсона.

Начальник Финляндского жандармского управления Фрейберг пристально следил за российскими революционерами, прибывавшими в Финляндию. По его приказу в управлении была заведена «Книга записи лиц, разыскиваемых по делам департамента полиции», которую вели с 1901 по 1905 год. В ней записаны сотни фамилий, в том числе В. И. Ульянова (Ленина), его брата Дмитрия, Дзержинского, Джугашвили (Сталина), Стасовой и многих других известных революционеров. Под сильным нажимом царского правительства сенат принял в марте 1904 года постановление, которым обязал все финляндские власти на местах выдавать жандармам российских революционеров, очутившихся в Финляндии. Паспортный и таможенный контроль на пограничных станциях и в портах Финляндии в 1904 году фактически перешел в руки жандармов. Все эти меры значительно затрудняли транспортировку литературы из-за границы.

Август 1904 года был на исходе. На перроне гельсингфорсского вокзала собрались встречавшие петербургский поезд. Вот вдали послышался свисток, и из-за поворота показался состав, над которым вился шлейф дыма.

С площадки вагона второго класса сошли двое пассажиров. Один из них — высокий, сутулый, в сапогах, в черной суконной косоворотке и темном плаще. Он помог сойти на перрон молодой, красивой даме. К приехавшим поспешили двое. Один из них поклонился:

— С приездом, Алексей Максимович и Мария Федоровна!

Горький пожал протянутую руку, забасил:

— Здравствуйте, Линдквист! Ну и чудесная ваша Финляндия! Мы из окна любовались ее золотыми лесами и серебряными озерами, дивились, как много могут сделать трудолюбивые руки в этом северном каменистом краю.

Переводивший на шведский язык пьесы Горького Линдквист подтолкнул вперед своего спутника, невысокого молодого человека:

— Рекомендую, Владимир Мартынович Смирнов, лектор русского языка и русской литературы в нашем университете.

Горький долго тряс руку Смирнова:

— Очень приятно... Значит, финны изучают русскую литературу?

— Да, и с огромным интересом,— отвечал Смирнов. — По мере своих сил пытаюсь знакомить и с вашим творчеством, Алексей Максимович.

— Да ну? Значит, в классики попал? — рассмеялся Горький.

С вокзала Линдквист и Смирнов повезли Алексея Максимовича и Марию Федоровну в гостиницу, а потом — на обед в загородный ресторан «Альпхюдден» («Альпийская хижина»).

Присутствовавшие на обеде финские писатели произносили взволнованные тосты в честь Горького, талантливого писателя и мужественного борца против царского самодержавия.

Потом финны решили показать гостям местную досто-

примечательность — водонапорную башню. И тут, у выхода из ресторана, за ними увязался филер. Он шел за Горьким, Андреевой и сопровождавшими их финнами, как тень. Один из финских писателей попросил по-шведски сторожа водонапорной башни задержать подозрительного субъекта. Тот понял, в чем дело, и потребовал, чтобы филер предъявил документы. Сыщик начал скандалить и угрожать сторожу. Тем временем вся компания села на извозчичьи пролетки и направилась в Северную гавань. Здесь у пирса уже стоял наготове пароходик. На нем А. М. Горький и М. Ф. Андреева совершили поездку по гельсингфорсским шхерам, побывали на острове Хёгхольмен, посетили зверинец, полюбовались видом на город. Затем издалека осмотрели ближайший из островов Свеаборга, окруженный высокой стеной с бойницами.

Горький был весел, много шутил. Смирнов, находившийся рядом, помогал в разговоре, служил переводчиком. На обратном пути Алексей Максимович разговорился с ним, стал расспрашивать, что в Финляндии издано из произведений российских писателей.

В тот же вечер Смирнов сопровождал Горького и Андрееву на спектакль Стриндберга в шведский театр. Рассказывал Алексею Максимовичу о судьбе шведского писателя-реалиста, о его произведениях, многие из которых были неизвестны в России.

На другой день в Финском национальном театре шла пьеса Горького «Мещане». Зрители устроили автору горячий прием, несколько раз вызывали его на сцену, кричали «ура».

В день отъезда Горького перрон вокзала был забит народом. Финны стояли даже на Железнодорожной площади, стараясь увидеть писателя и передать ему, представителю революционной России, самые сердечные пожелания.

Горький простился с Смирновым, как со старым знакомым...

Ни петиции «пассивистов», ни выстрелы «активистов» не могли поколебать царского строя и заставить царя отказаться от проводимой им политики в Финляндии. Вместо убитого реакционера Бобрикова Николай II назначил генерал-губернатором Финляндии другого — князя Оболенского, который «прославился» тем, что, будучи губернатором в Харькове, устроил массовую порку крестьян и присутствовал при экзекуциях лично. Как видно, в Петербурге надеялись, что князь-палач сумеет «усмирить» и финляндцев. Политическая обстановка в Финляндии к началу 1905 года чрезвычайно накалилась.

Искрой, приведшей к революционному взрыву в Финляндии, как и в других местах Российской империи, послужило Кровавое воскресенье — расстрел 9 (22) января 1905 года демонстрации рабочих у Зимнего дворца. В понедельник из Петербурга приехали свидетели этой зверской расправы. Они рассказывали о сотнях убитых, зарубленных шашками, задавленных и затоптанных лошадьми, о погибших детях и стариках. Все услышанное потрясло Смирнова.

Демонстрации солидарности с российским пролетариатом состоялись во многих городах Финляндии. Во вторник 11 (24) января Владимир Мартынович участвовал в демонстрации в Гельсингфорсе, когда русские и финские рабочие вышли на улицы города с красными знаменами. Участникам демонстрации раздавали листовки. Смирнов развернул листок и прочел:

«В России революция!

Со всех концов империи слышится стотысячный голос. Народ Финляндии и особенно пролетариат сим объявляет, что он присоединяется к своим русским братьям и примет участие в великой борьбе. Долой палача народа Николая II и подлых приспешников, ведущих с ним переговоры! Долой рабство! Свободу народу! Да здравствует революция!»

Сердце молодого человека билось радостно. Наконец-то

он дожил до революционных дней, ради которых долгие годы работал в подполье.

4 января 1905 года (22 декабря 1904 года) в Женеве вышел в свет первый номер большевистской газеты «Вперед», создателем и редактором которой был В. И. Ленин. Газета сыграла важную роль в сплочении рядов большевистской партии и подготовке III съезда. Она систематически освещала ход революционной борьбы в России. Большое внимание «Вперед» уделяла событиям в Финляндии. Так, в номере 5-м за 7 февраля (25 января) 1903 года на ее страницах была опубликована заметка о демонстрациях в Гельсингфорсе и в других городах Финляндии, состоявшихся после Кровавого воскресенья. Сообщения о выступлениях рабочего класса Финляндии опубликованы также в 10-м и 16-м номерах газеты. Петербургские большевики использовали для доставки газеты в Россию, как и в былое время, финляндский путь.

В один из апрельских дней 1905 года на прием к доктору Тернгрену записался необычный пациент. Он передал доктору привет от Паульсона и попросил организовать еженедельную перевозку через Стокгольм русской социал-демократической газеты «Вперед». Сообщая об этом Неовиусу 12 (25) мая в Стокгольм, Тернгрен писал: «Они говорят, что представляют большинство партии. Этот факт думаю я, плохая причина, чтобы бойкотировать их... С нашими импортирующими дамами я разговаривал. Они считают, что южным путем (то есть по морю.— *Ю. Д.*) можно завозить каждый 14-й день 10 килограммов, северным (через Торнео.— *Ю. Д.*) — 20».

Стокгольмский адрес Неовиуса был известен в редакции газеты «Вперед». Еще 4 (17) февраля 1905 года Е. Д. Стасова сообщила его Н. К. Крупской и попросила высылать на этот адрес газету и другую литературу.

Сюда, на улицу Норртульсгатан, 41, на стокгольмский

адрес Неовиуса 13 июня (31 мая) 1905 года было отправлено письмо из Женевы. В нем говорилось:

«Уважаемый товарищ!

Товарищи из Петербурга просили нас обратиться к Вам и списаться с Вами относительно посылки литературы и уплаты за пересылку до Финляндии. Мы будем высылать Вам еженедельно по 10 килограммов и затем вышлем Вам некоторую сумму на первоначальные расходы, а затем будем высылать Вам деньги по Вашему требованию».

Автор, секретарь ЦК РСДРП Саблина, сообщала Неовиусу женевский адрес В. И. Ленина (улица Коллин, 3). В конце письма содержалась просьба извещать о получении литературы и денег, а также о прибытии ее к месту назначения, в Финляндию.

Письмо было написано Н. К. Крупской.

Таким образом, редакция газеты «Вперед» налаживала перевозку газеты и другой большевистской литературы в Россию через Стокгольм. Северный транспортный путь снова начинал работать на ленинскую партию. И одним из связующих звеньев на этом пути опять был Паульсон-Смирнов.

АФАНАСИЙ УЧАСТВУЕТ В ПЕРЕГОВОРАХ

Яркий июньский день догорал, играя солнечными бликами на окнах противоположного дома. Шум на Елизаветинской затих, Смирнов открыл окно, пододвинул гостю кресло к столу, сам сел на диван. Буренин помолчал, потом начал издалека:

— Ты, наверно, знаешь, Владимир Мартынович, что III съезд партии наметил курс на вооруженное восстание?

— Конечно, знаю,— ответил Смирнов.— Не тяни, здесь, в кабинете, нас никто не слышит. Мать на кухне. Какое задание?

— Сложное, Владимир Мартынович, очень сложное. И важное. При ЦК создана Боевая техническая группа, которую возглавляет Леонид Борисович Красин, он же Никитич. Я один из членов этой группы. Наша задача — вооружить революционных рабочих, собрать средства, закупить винтовки, револьверы, патроны, взрывчатку и доставить все это тайно в Петербург. Мы очень надеемся на твою помощь, на содействие твоих друзей-финляндцев.

— Мы уже проделали кое-какую работу,— ответил Смирнов.— Финны собрали полторы тысячи марок и вручили их мне для передачи российским революционерам.

Смирнов открыл потайной ящик в письменном столе, извлек оттуда бумажный сверток.

— Вот они. Пересчитай, пожалуйста!

— Отлично! — воскликнул Буренин.— Я передам их Красину. Эту работу по сбору средств нужно продолжить. И не только в Финляндии, а может быть, и в соседних странах. Там тоже немало людей, сочувствующих российским революционерам.

— Я обязательно подумаю об этом, посоветуюсь с финнами, может быть, они что-то подскажут,— ответил Смирнов.

На другой день Буренин уехал скорым поездом в Петербург, а Смирнов после лекций в университете зашел к доценту Тернгрену. Рассказал о том, что российские революционеры сейчас остро нуждаются в деньгах для покупки оружия. Тот посоветовал поехать для сбора средств в Стокгольм и Копенгаген и пообещал содействие.

Под большим секретом Тернгрен сообщил, что в Лондоне готовится к отплытию пароход, загруженный оружием. Он пойдет к берегам Финляндии. Вот его-то хорошо бы встретить финляндским и российским революционерам.

8 (21) июня Тернгрен отправил в Стокгольм с нарочным письмо Неовиусу, в котором извещал его, что на следующей неделе в шведскую столицу приедет «Паульсон с

товарищем». Он просил Неовиуса помочь им и, в частности, выделить в качестве приемщика и отправителя их грузов финляндца Перманена, который помогал Неовиусу в перевозке нелегальной литературы в Финляндию.

Сам Тернгрен намеревался 5 июля быть в Копенгагене, в гостинице «Бристоль». Там он хотел встретиться с местным журналистом Берендсеном, который, будучи женат на финляндке, помогал «пассивистам»...

Через несколько дней рано утром с финляндского парохода на стокгольмской пристани Шеппсбрунн сошли три пассажира: вдова богатого купца Буренина, ее сын Николай и друг семьи Смирнов. Они взяли извозчика и отправились в гостиницу. Номера были заказаны заранее. Мать Буренина с дороги решила отдохнуть, а молодые люди после завтрака отправились на Норртульсгатан, 41, к Неовиусу. Тот встретил их приветливо, как старых друзей, обещал помощь.

Карл Яльмар Брантинг был сама любезность. Он гостеприимно встретил Смирнова, когда тот пришел в Народный дом, в редакцию газеты «Сосиальдемократен». Внимательно слушал рассказ о революционных событиях в России, расспрашивал о подробностях, восхищался мужеством и героизмом российских рабочих. Похвалил прекрасный шведский язык Смирнова.

— Жизнь поставила сейчас в России на очередь дня вопрос о вооруженном восстании,— говорил Смирнов.— А оружия катастрофически не хватает. Царизм задушит революцию в крови. Срочно нужно оружие, срочно нужны деньги. Мы надеемся, что шведские социал-демократы, верные чувству пролетарской солидарности, помогут российским братьям.

Брантинг погладил усы и как-то сразу потускнел.

— Видите ли, у нас и у профсоюзов сейчас нет средств,— сказал он.— Израсходовали на поддержку стачечников. Очень сожалею.

— Может быть, организовать сбор средств, поступить так, как это делается в Финляндии?

— Мм,— промычал редактор «Сосиальдемократен».— Сейчас большой застой в промышленности, и вряд ли мы сумеем собрать достаточно пожертвований...

Помолчав, Брантинг добавил:

— Между прочим, дорогой товарищ Смирнов, вам не мешало бы иметь доверенность от своей партии, что вы полномочны вести переговоры по таким вопросам. Мы, конечно, вас лично хорошо знаем, но, когда речь идет о денежных отношениях, лучше доверяться документам.

Может быть, кофе желаете выпить? — переменил он вдруг тему.

Смирнов от кофе отказался, сославшись на спешные дела.

13 (26) июня Буренин отправил в ЦК РСДРП письмо, в котором писал, что деятели финляндского «пассивного сопротивления» могут оказать большую помощь в технике и транспорте. «Заметьте, насколько это важно теперь, когда речь идет о транспорте оружия!» — говорилось в письме. Буренин сообщал, что Тернгрен будет ждать в четверг (16 (29) июня.— *Ю. Д.*) в условленном месте, и просил приехать на переговоры с ним. «Вопрос в высшей степени важный,— подчеркивал автор.— Во-первых, если достанете общими усилиями книгу, то доктор получит за нее большой куш и 2000 возьмет себе из него и, возможно, что еще денег даст». Буренин просил прислать с Тернгреном документ Афанасию, удостоверяющий его полномочия для связей с датчанами. «Для него важно это теперь, так как он едет с доктором в Копенгаген, а я буду там только по возвращении». Он писал, что шведские со-

циал-демократы поставили наличие такого документа при переговорах чуть ли не условием.

В заключение письма Буренин сообщал: «Со Стариком я буду говорить, но ведь это будет через неделю. И затем, когда я оттуда обратно попаду — ведь мне надо устроить массу дел и быть в самых разнообразных местах».

Под «книгой» Буренин, надо полагать, имел в виду тот корабль с оружием, который снаряжался для отправки к берегам Финляндии. Тернгрен, вероятно, тоже хотел получить часть оружия («2000 возьмет себе из него и, возможно, что еще денег даст»). Смирнов (Афанасий) и Тернгрен (доктор) должны были ждать в Копенгагене результатов поездки Буренина. Сам же Николай Евгеньевич намеревался через неделю встретиться со Стариком — В. И. Лениным.

Хинке Бергегрен встретил Смирнова вежливо, но холодно. Лидер левого крыла шведских социал-демократов, испытующе поглядывая на посетителя, расспрашивал его. Откуда гость знает шведский язык? Кто порекомендовал ему обратиться к Бергегрену?

Смирнов знал, что возглавляемые Бергегреном так называемые младосоциалисты выступали с резкой критикой официального руководства партии, призывая перейти от разговоров к активным действиям против буржуазии. Правая пресса травила их, называла опасными преступниками, анархистами. Бергегрен и его друг Бёрьессон помогали финляндским «активистам» в транспортировке литературы, переправляли через Стокгольм подпольщиков. Бергегрен считал, что необходимо оказывать помощь российским революционерам в их борьбе против царского самодержавия. После расстрела демонстрации у Зимнего дворца 9 января 1905 года он произнес на одном из митингов речь, в которой клеймил позором царское правительство за это кровавое преступление. Знакомый Смирно-

ва, чиновник канцелярии генерал-губернатора, рассказывал ему, что начальник Финляндского жандармского управления генерал Фрейберг разослал специальное циркулярное письмо своим подчиненным по поводу этой речи. В нем говорилось, что проживающий в Стокгольме «некий Хинке Бергегрен публично произносил дерзкие речи против государя императора и пытался подбивать простолюдинов к демонстрациям против русского консульства».

Опытный конспиратор, Бергегрен был очень осторожен в разговорах с незнакомыми людьми. Он опасался провокаций со стороны агентов царской охранки. Но чем дольше продолжался его разговор со Смирновым, тем больше смягчался тон Бергегрена. Узнав, что Брантинг отказал в материальной помощи российским социал-демократам, Бергегрен воскликнул:

— Узнаю нашего вождя! Одни слова о революции и никаких дел! Сплошная демагогия!

Бергегрен обещал создать в Стокгольме комитет помощи российским политическим эмигрантам и собирать средства для русских революционеров.

5 июля (22 июня) к портье копенгагенской гостиницы «Бристоль» обратился элегантно одетый молодой человек и по-шведски спросил, в каком номере проживает доктор Тернгрен. Портье, не глядя в журнал, назвал номер.

— А, Паульсон, с приездом! — приветствовал Смирнова Тернгрен.— Как дела?

Узнав о результатах переговоров в Стокгольме, предложил:

— Я вас познакомлю с местным социал-демократом, с Берендсеном. Он журналист, всех здесь знает, поможет организовать нужные встречи.

На другой день Смирнов встретился с Берендсеном, а затем разговаривал с одним из руководителей Социал-демократической партии Дании. Его выслушали внимательно-

но и сочувственно, но денег дать отказались. Посоветовали написать брошюру о событиях в России, перевести ее на датский язык и распространить в Дании. И таким образом заработать деньги. Смирнов поблагодарил и вышел. В тот же день возвратился в Стокгольм, где его ждала мать Буренина. Из Стокгольма написал шифрованное письмо Е. Д. Стасовой в Петербург. В нем сообщил о предложении датчан по поводу брошюры, спрашивал совета.

Вечером в номере Смирнова раздался телефонный звонок. Тернгрен интересовался, где Виктор (Буренин), когда его можно ждать в Копенгагене.

— Мне трудно говорить об этом по телефону,— ответил Смирнов.— Я напишу вам и вышлю письмо сегодня же экспрессом.

Тернгрен выражал нетерпение. Его очень беспокоила судьба транспорта с оружием. Через день он снова позвонил Смирнову. 8 июля (н. ст.) Смирнов ответил ему: «Дело должно быть самым срочным образом решено Виктором во время его поездки. Для более обстоятельного разговора я выеду вечером в Копенгаген».

На другой день, 9 июля, когда Смирнов и Тернгрен сидели в номере гостиницы «Бристоль», в дверь постучали. Портье принес телеграмму из Женевы. В ней говорилось:

«Адрес Ульянова: Женева, Давид Дюфур, 3. Виктор».

Очевидно, Буренин встретился в Женеве с Владимиром Ильичем и сообщил адрес Ленина Тернгрену для того, чтобы тот мог написать письмо.

Смирнов и Тернгрен ждали в Копенгагене известий из Женевы целых десять дней. Тернгрен написал Е. Д. Стасовой, просил ее поторопить с решением вопроса, ради которого он приехал в Копенгаген. 9 (22) июля из Петербурга было отправлено письмо за подписью «Зельма», адресованное Тернгрену. В нем говорилось: «Брошюра была поручена двум авторам, живущим за границей, все документы, все материалы в их распоряжении, и они будут

иметь больше возможности успешно закончить свою работу, чем кто-то другой в России. Что касается делегации, то уже нашли нужных людей...»

О какой брошюре шла речь? По всей вероятности, Стасова иносказательно сообщала, что дело с транспортом оружия поручено двум товарищам, которые сейчас находятся за границей. При этом, очевидно, имелись в виду Смирнов и Буренин, а под «делегацией» Елена Дмитриевна подразумевала людей, которые должны были подготовить приемку груза.

Еще до того, как Тернгрен получил ответ Стасовой, рано утром 19 июля (н. ст.), в гостиницу «Бристоль» принесли телеграмму из Женевы. Тернгрен, разбуженный посыльным, прочел ее, лежа в постели:

«Только что прибыл. Отвечу в течение трех часов. Виктор».

Несмотря на ранний час, Тернгрен позвонил в номер Смирнову:

— Буренин объявился. Сегодня должен дать ответ.

— Очень рад,— ответил Смирнов.— Как видите, все улаживается.

После завтрака в половине одиннадцатого Тернгрену принесли новую телеграмму. Она была послана тоже из Женевы. Подпись: «Ульянов».

Тернгрен знал, что Ульянов-Ленин был руководителем большевиков. Автор телеграммы сообщал о получении письма и писал, что встреча невозможна.

Как видно, Тернгрен послал письмо в Женеву по полученному от Буренина адресу В. И. Ленина и просил о встрече. Владимир Ильич отвечал, что встретиться с ним не может.

Затем пришла еще одна телеграмма от Буренина. Он просил телеграфировать, когда Тернгрен выезжает из Копенгагена, ибо должен выслать в его адрес письмо.

Тернгрен, узнав от Берендсена адрес Конни Зиллиакуса в Лондоне, запросил его, долго ли он еще пробудет в

английской столице. В этот же вечер пришла телеграмма из Лондона за подписью «Циммерман». Зиллиакус сообщал, что пробудет в этом городе по крайней мере еще дней пять.

Тернгрен быстро собрался и выехал в Лондон. Смирнов возвратился в Стокгольм, а затем — в Гельсингфорс.

Почти одновременно с Тернгреном в английскую столицу выехал и Буренин. Зачем? Позднее Николай Евгеньевич вспоминал, что в Женеву, к Ленину, его послал руководитель Боевой технической группы при ЦК Красин. Леониду Борисовичу стало известно, что в Лондоне будет грузиться на корабль оружие. По поручению Владимира Ильича Ленина Буренин был послан туда, чтобы лично установить необходимые связи, договориться о передаче части оружия большевикам.

К 25 июля Тернгрен возвратился в Копенгаген. Вероятно, в Женеве об этом уже знали, так как в этот же день на его адрес в гостинице «Бристоль» прибыла телеграмма из Женевы за подписью «Ленин». В ней говорилось, что в четверг, то есть через день, с Тернгреном хотел бы увидеться Виктор (Н. Е. Буренин). Таким образом, Николай Евгеньевич спешил по заданию Ленина встретиться с Тернгреном, который ожидал его в датской столице. О чем должны были состояться переговоры?

Об этом нетрудно догадаться. Речь шла о закупках и транспортировке через Финляндию оружия, которое было необходимо рабочим боевым дружинам Петербурга и других городов России.

«ДЯДЯ», «ТЕТЯ» И ДРУГИЕ «РОДСТВЕННИКИ»

«Срочно выезжай, мама больна. Виктор».

Смирнов, получив эту телеграмму, понял, что у Буренина к нему неотложное дело. Договорился в университе-

те, что на другой день не выйдет на работу, и в тот же вечер выехал в Петербург.

В большой квартире Бурениных на Рузовской все было знакомым. Горничная, открыв дверь Смирнову, сразу узнала его:

— Заходите! Сейчас позову молодого барина.

Скоро в прихожей появился Буренин, как всегда, тщательно одетый. Вслед за ним вышла его мать. Услышав, что сын приглашает гостя в свою комнату, запротестовала:

— Не пущу, пока Владимир Мартынович с нами не позавтракает!

После завтрака молодые люди уединились в комнате Буренина.

— Важное дело,— тихо заговорил хозяин.— Надо организовать конспиративную встречу Никитича с Тернгреном в Гельсингфорсе. Рассчитываем на твою помощь.

— Хорошо,— коротко ответил Смирнов.

Смирнов не стал встречать гостей на вокзале, чтобы не вызывать излишнего внимания агентов охранки. Договорились, что Буренин, хорошо знавший Гельсингфорс, возьмет извозчика и привезет Никитича к дому, где назначена встреча.

Тернгрен был человеком очень осторожным. Он требовал, чтобы была соблюдена строжайшая конспирация — ведь предстояла встреча с одним из руководителей боевой организации большевиков, за которым — он знал это — охранка России охотилась особенно энергично.

Смирнов в это время наблюдал за ними, стоя на улице напротив. Он видел, как подъехала пролетка и из нее вышли двое мужчин. Посмотрел вдоль улицы. Неподалеку, у витрины магазина, со скучающим видом стоял финский полицейский. «Тернгрен позаботился об охране»,— поду-

мал Смирнов и вошел в дом вслед за Бурениным и Красиным.

Тернгрен плохо говорил по-русски, и Смирнову пришлось быть переводчиком.

В ходе переговоров Тернгрен обещал оказывать большевикам содействие в транспортировке оружия, а также согласился предоставить территорию своего имения для испытания самодельных взрывных устройств.

Немалые надежды петербургские «боевики» возлагали на пароход «Джон Графтон», загруженный оружием. Оружие должны были принять финляндские «активисты», руководимые Конни Зиллиакусом, а также эсеры.

Но надежды эти не оправдались. Однажды утром Виргиния Карловна подала Владимиру газету «Хювюдстадстбладет».

— Посмотри, тут одно сообщение, оно, наверно, тебя заинтересует,— сказала она.

Карандашом была подчеркнута заметка, в которой говорилось, что 8 сентября (н. ст.) возле города Якобстад командой был взорван севший на мель пароход «Джон Графтон». Он был нагружен оружием. К месту гибели парохода направляются крейсер «Азия» и миноносец. На борту крейсера — группа чинов жандармерии во главе с ротмистром Тунцельманом. Их задача — провести расследование и собрать оружие, которое могло попасть в руки местного населения.

Владимир Мартынович передал газету Буренину, который был в этот день у него. Друзья не знали тогда, что за погрузкой парохода «Джон Графтон» в Лондоне наблюдал агент охранки эсер Азеф, поэтому неудача с кораблем была не случайна.

Сообщение в газете очень расстроило Смирнова и Буренина.

— Надо ехать в Якобстад. Может быть, удастся собрать оружие у населения! — сказал Смирнов.

— Ну не тебе же. Подумай, что скажут местные власти, если преподаватель Гельсингфорсского университета вдруг объявится на месте гибели парохода с оружием. Провалишься. Надо ехать мне. Я сын богатого купца, бездельник, мне везде появляться можно. Сниму номер подороже, устрою обед для местной знати — и чист я перед полицией.

Буренину удалось скупить у местных жителей значительное количество винтовок с парохода «Джон Графтон», свезенных командой парохода перед взрывом на берег. Эти винтовки были переправлены с помощью знакомых Смирнова — финляндских железнодорожников в Петербург.

Ночью в квартире Смирнова раздался телефонный звонок. Незнакомый мужской голос сказал по-русски:

— Привет от дяди. Сказал, что скоро будет.

Слово «дядя» по конспиративной терминологии означало «оружие». Значит, снова явился кто-то из-за границы с оружием. Смирнов оделся, стал ждать звонка в прихожей. Вскоре у двери позвонили. Смирнов открыл, и в прихожую вошел незнакомый полный мужчина с густой черной бородой.

— Вам Виктор передавал большой привет,— сказал он. Это был пароль.

— Пожалуйста, раздевайтесь,— ответил хозяин.

Гость снял плащ и шляпу, сел на стул, снял пиджак, а потом начал с трудом стягивать через голову рубаху.

— Нет, нет, вы пожалуйте спать сюда,— открыл Смирнов дверь в кабинет. Но приезжий уже стащил рубаху, и тогда Смирнов увидел страшную картину: грудь была туго перебинтована бикфордовым шнуром, он впился в тело, и выше его к шее шел красный отек. Смирнов бросился за ножницами, стал быстро разматывать шнур, освобождая тело приезжего от опасного груза.

— Чуть не умер. Три дня в дороге. И прилечь нельзя, и боль страшная. Думал, не дотяну до вас,— говорил мужчина.

Утром ночной гость ушел на вокзал. Он возвращался в Париж за новой партией оружия. Смирнов отнес тяжелую коробку знакомому железнодорожнику Онни Николайнену, сказал ему:

— Передашь, как всегда, Отто Мальму!

Зашел на вокзал, послал телеграмму Буренину: «Дяде стало лучше». Николай Евгеньевич, получив ее, понял, что в этот день из Гельсингфорса в Петербург ушла очередная партия оружия. Надо ждать сигнала от старого знакомого Отто Мальма, который по-прежнему служил на Финляндском вокзале в Петербурге и помогал русским революционерам.

На квартире Смирнова постепенно скопилось большое количество оружия и взрывчатки. В шкафах, на кухне, под кроватями и под диваном — повсюду лежали свертки и коробки. Смирнов понемногу отправлял их с железнодорожниками в Петербург, но оружия прибывало с нарочными из-за границы все больше.

— Ты не боишься спать на взрывчатке? — спросил его однажды Буренин.— Знаешь, какой тарарам будет, если что-то у тебя взорвется? Весь дом на воздух взлетит. А в случае обыска? Шума не меньше будет. И сам пропадешь, и оружие погубишь. Почему бы тебе не организовать в Гельсингфорсе перевалочный склад?

Смирнов посоветовался с одним из лидеров финляндской социал-демократической партии Юрье Сирола. Тот дал адрес мастерской одного социал-демократа, столяра-мебельщика. В мастерской был просторный склад. Сюда и перевез однажды Смирнов и «дядю» и «тетю» (взрывчатку) из своей квартиры. Нанял извозчика, сказав, что надо отвезти в ремонт мебель, перенес с его помощью запакованные тяжелые ящики на телегу и благополучно сложил их на складе. Теперь железнодорожник Онни Николайнен,

помогавший перевозить оружие в Петербург, заходил за очередной его партией в мебельную мастерскую.

Нередко приезжали за оружием и петербургские подпольщики. Они тоже приходили к Смирнову, либо на квартиру, либо в университет.

Как правило, через Смирнова связывались с Тернгреном и «боевики», когда им нужно было найти укромное место для испытания самодельных взрывных устройств.

— Владимир Мартынович, началось наконец! — Заведующий русской библиотекой А. В. Игельстрём был взволнован. Он подошел к столу Смирнова со свежими номерами газет.— В России революция. В Москве и Петербурге забастовки, рабочие сражаются с полицией и войсками. Скоро и у нас народ подымется!

Смирнов знал, что Игельстрём, будучи совсем юным офицером, участвовал в Варшаве в подпольном кружке, за что был разжалован и сослан в Сибирь. Сейчас работает в Гельсингфорсском университете, и все знают о его симпатиях к революционерам. Жандармский сыщик фон Плато не зря целыми днями просиживает в читальном зале библиотеки. Он прислушивается к каждому слову Игельстрёма и Смирнова, а потом наверняка докладывает своему начальнику фон Тунцельману.

— Да, наконец-то! — воскликнул Смирнов и взял из рук Игельстрёма газеты. «Хювюдстадсбладет» сообщала об отправке из Гельсингфорса воинских эшелонов в Петербург. Каратели требовали подкреплений. Газеты писали о создании Московского и Петербургского Советов рабочих депутатов, о подъеме революционного движения в других городах России.

В понедельник 17 (30) октября к половине дня вся площадь у железнодорожного вокзала в Гельсингфорсе была запружена народом. Участники многотысячного митинга приняли резолюцию, в которой говорилось:

«Всем сердцем поддерживая борьбу за свободу и человеческие права, которая ведется теперь в России, собрание призывает всех рабочих Финляндии к всеобщей забастовке и учреждает комитет для выработки программы будущей деятельности нашего народа».

На другой день в Финляндии остановились заводы и фабрики, поезда и пароходы, перестали работать почта и телеграф. Финляндские рабочие объявили всеобщую забастовку. Руководил ею Центральный забастовочный комитет, избранный на митинге в Гельсингфорсе 17 (30) октября.

На зданиях вокзала, сената, университета, парламента и многих других официальных учреждений города заалели красные флаги, установленные рабочими. Эти трепещущие на ветру красные полотнища были символом начавшейся революции, они вселяли в финляндцев радостное чувство уверенности в неотвратимости исторических перемен.

Смирнов, присутствуя в эти дни на митингах возле вокзала, жадно вслушивался в слова ораторов, принимал в революционных событиях посильное участие и сам. В состав Центрального забастовочного комитета вошли многие его знакомые. Они обращались к нему за помощью и советами.

Начальником Красной гвардии, создававшейся в городе, был назначен старый друг Смирнова отставной капитан Иоганн Кок. На другой день рано утром он явился на Елизаветинскую. Его шляпа была обвита широкой красной лентой. Кок попросил Смирнова написать воззвание к русским солдатам. Сели в экипаж, на котором приехал Кок, и через весь город проследовали на его квартиру. Встречавшиеся по пути красногвардейцы с красными лентами и бантами на шляпах, на груди или на рукаве отдавали честь своему командиру. Экипаж привлекал еще особое внимание потому, что извозчики в эти дни бастовали.

На квартире Кока Смирнов написал воззвание. Причем в двух вариантах. В одном варианте Красная гвардия

призывала русских солдат и матросов переходить на сторону восставшего против царизма финляндского народа. Во втором варианте воззвания содержалось более умеренное требование: не стрелять в финляндских рабочих, если солдат пошлют «на усмирение». Кок взял оба варианта. В тот же вечер тексты обсуждались на заседании комитета Красной гвардии. Социал-демократы — реформисты большинством голосов отвергли первый вариант и утвердили второй, более умеренный. Текст был отправлен в типографию. Но когда об этом узнали представители либеральной буржуазии, руководившей движением, так называемые конституционалисты, они потребовали не публиковать воззвание, ибо оно, по их мнению, могло «разгневать» генерал-губернатора. Опасения буржуазных либералов поддержали некоторые правые социал-демократы, и Кок вынужден был согласиться.

В один из октябрьских дней к Смирнову пришел студент университета Карл Харальд Вийк, избранный членом студенческого забастовочного комитета.

— Я написал проект обращения к русским жителям Гельсингфорса,— сказал он.— Мой русский язык небезупречен. Все ли здесь в порядке с точки зрения грамматики?

Смирнов взял листок из рук юноши и прочел текст листовки, написанный от руки:

«Ввиду того что часть русского населения г. Гельсингфорса получила, по-видимому, совершенно ложное представление о происходящем в настоящее время движении в Финляндии, мы сообщаем следующее:

Финляндские друзья свободы требуют свободы слова, печати, собраний и союзов, а также созыва народного собрания, в котором народ свободно мог бы высказывать свои мысли и требования. Мы требуем, таким образом, совершенно того же самого, что требуют друзья свободы в России. Мы отнюдь не питаем никакой вражды к русскому народу, который мы, финляндцы, любим и уважаем. Итак,

все мирные русские граждане, живущие в Гельсингфорсе, могут быть уверены в том, что мы не причиним им ничего дурного.

Студенческий комитет забастовки».

Смирнов одобрил текст обращения студентов к русским жителям города.

Между тем революционные события развивались с необыкновенной быстротой. 18 (31) октября многотысячная толпа народа осадила губернаторский дворец, потребовав отставки генерал-губернатора и сенаторов. Перепуганные сенаторы тут же заявили о своей отставке. Через несколько дней генерал-губернатор князь Оболенский сбежал на один из броненосцев, стоявших на рейде. Жандармы скрылись за стенами крепости Свеаборг. По просьбе Оболенского в Гельсингфорсскую гавань вошло дополнительно несколько военных судов из Ревеля. По ночам эскадра освещала город лучами прожекторов, держа его под прицелом своих орудий. Генерал-губернатор угрожал начать обстрел Гельсингфорса, если «бунтовщики» не прекратят забастовку. Но никто в городе его угроз не боялся. Настроение у всех было приподнятое. Красная гвардия под руководством капитана Кока поддерживала в городе настоящий революционный порядок.

Испугавшись небывалого революционного подъема в России, царизм пошел на уступки. Был обнародован царский манифест, в котором давалось обещание соблюдать гражданские свободы и права российских граждан, а также созвать законодательную Государственную думу.

Всеобщая стачка в Финляндии продолжалась. Центральный забастовочный комитет выработал проект программы революционной борьбы финляндского пролетариата. Главным требованием этого документа был созыв Учредительного собрания на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права. Это собрание должно было подготовить конституцию, которая обеспечивала бы создание однопалатного выборного парламента страны. Проект

программы был утвержден на многолюдном митинге 18 (31) октября 1905 года.

22 октября (4 ноября) участники митинга на Железнодорожной площади по предложению Центрального забастовочного комитета утвердили состав Временного правительства Финляндии из 24 человек. Большинство в нем составляли представители буржуазных партий, но среди членов Временного правительства были и социал-демократы, хорошие знакомые Смирнова: Юрье Сирола, Рейно Дроккила, Иоганн Кок и другие.

Вечером в этот же день на пароходе из Петербурга был привезен царский манифест, касающийся Финляндии. Этим манифестом отменялись все манифесты и постановления, ранее принятые царем в нарушение конституции Финляндии.

В. И. Ленин отмечал в 25-м номере газеты «Пролетарий»: «Финляндия ликует. Царь идет на уступки, готов созвать сейм, отменяет незаконный манифест 15 февраля 1899 года, принимает «отставку» прогнанных народом сенаторов».

После опубликования манифеста о Финляндии остро проявились противоречия между буржуазными конституционалистами и революционным рабочим классом. Буржуазия открыто приветствовала уступки царизма и соглашалась немедленно прекратить забастовку, «восстановить законность и порядок». Рабочие же, требования которых не были удовлетворены, выступали за продолжение забастовки, в поддержку российского пролетариата.

В понедельник 24 октября (6 ноября) Смирнов, выйдя из университета, был свидетелем красноречивой сцены. По Сенатской площади шел большой отряд красногвардейцев во главе с Иоганном Коком. Навстречу ему по Унионской улице двигался студенческий отряд. Члены его, юноши из буржуазных семей, хорошо одетые, в котелках, с белыми повязками на рукавах, увидев красногвардейцев, выхватили революьверы и направили их в сторону Кока и

его товарищей. Красногвардейцы тоже взяли ружья и револьверы на изготовку. Казалось, кровопролитие неизбежно. Спас положение Кок. Он скомандовал своему отряду: «Кругом!» — и отвел его, чтобы дать пройти белогвардейцам.

Студенты шли мимо Смирнова. Он знал многих из них. Совсем недавно они помогали ему в устройстве подпольщиков на квартирах, в перевозке нелегальной литературы. Крайним шел студент Фрасетти. За хранение подпольной, в том числе искровской, литературы он в свое время был исключен из университета и выслан. Смирнов сказал ему:

— У нас в России студенты борются вместе с рабочими, а не против них.

Фрасетти зло взглянул на Смирнова:

— То у вас, а не у нас.

В этот же день под давлением представителей буржуазии и правых социал-демократов участники митинга на Железнодорожной площади приняли решение о прекращении всеобщей забастовки.

ГРАЙ В СТОКГОЛЬМЕ

Ранним ноябрьским утром 1905 года к перрону стокгольмского вокзала «Сентрален» подошел поезд с континента. За ночь он пробежал сотни километров от южного побережья до столицы страны и теперь стоял, устало отдуваясь. Пассажиры широким потоком хлынули в зал ожидания, а через него — на привокзальную площадь.

Один из пассажиров задержался в центре зала, у билетной кассы. Это был мужчина в темном пальто и такой же шляпе, с бородкой клинышком. Поставив саквояж у кассы, он с интересом оглядывал зал. На стенах кассы висели расписания поездов, рекламные объявления туристических бюро, компаний и банков. Понемногу суета в зале

утихла, пассажиры разъехались. Мужчина у кассы попрежнему стоял и смотрел на выход, как видно поджидая кого-то.

Станционный констебль второй раз прошел мимо приезжего, откровенно рассматривая его. Поймав на себе взгляд полицейского, пассажир решительно надвинул шляпу на глаза, поднял воротник пальто и, опираясь на зонт, двинулся к выходу. Над городом висели унылые сумерки, моросил мелкий дождь. Мужчина осмотрелся, раскрыл зонт и направился к стоянке извозчиков, которая находилась неподалеку от вокзала.

Вскоре кованые колеса извозчичьей пролетки уже стучали по мостовой улицы Дроттнингатан, сиявшей огнями витрин и рекламы. Над одним из домов светился большой циферблат часов, которые показывали часы, минуты, день, месяц и год. Пассажир с интересом вглядывался в силуэты большого города.

Через полчаса экипаж остановился в северной части города, в конце улицы Норртульсгатан. Напротив из-за решетки виднелись ветви деревьев. Пассажир расплатился с извозчиком и направился к дому, на углу которого увидел табличку «41». Улица в этот ранний час была темна и безлюдна. В домах зажглись первые огни. Мужчина поднялся на второй этаж, позвонил. Дверь приоткрылась. Из-за нее выглянула молодая женщина. Кутаясь в халат, она вопросительно смотрела на приезжего.

— Здравствуйте,— сказал он по-немецки и снял шляпу, обнажив голову с высоким лбом.— Вам привет от Виктора. Я приехал из Женевы.

Женщина открыла дверь, и мужчина вошел в прихожую.

— Могу я поговорить с доктором Неовиусом? — спросил он.

— Его нет. Он уехал в Гельсингфорс,— ответила женщина.— Я его сестра. Меня зовут Дагмар. А вас?

— Зовите меня Грай.

— Вот и отлично. Раздевайтесь, господин Грай. Сейчас будем пить кофе и поговорим.

Мужчина снял пальто, повесил его на вешалку, поставил зонт и саквояж у двери, затем вошел в комнату. За окном занимался бледный рассвет.

В Гельсингфорс из Стокгольма возвратился после двухлетнего изгнания Арвид Неовиус. На следующий день по приезде он зашел к Смирнову, вынул из кармана бланк телеграммы.

— Принесли вчера вечером мне на квартиру. Кто бы мог послать ее?

Смирнов взял в руки телеграмму. На официальном бланке было написано: «Телеграфируйте, когда ждать вашего возвращения. Виктор». Телеграмма была послана накануне из Стокгольма.

— Буренин не мог послать ее. Он сейчас в Петербурге, я знаю это точно,— сказал Смирнов.— Значит, в Стокгольм приехал кто-то из наших товарищей по партии.

— Я заходил на квартиру к Терngrenу. Он сейчас в Петербурге. К нему тоже поступила телеграмма из Стокгольма. В ней говорится: «Сообщите немедленно: друг ждет. Сельма».

— Сельма — это Стасова. Но почему она дала телеграмму за подписью «Виктор»?

— Нет, Вольдемар, это не Стасова. В Стокгольм приехал из Женевы мужчина. Его имя Грай. Мне звонила вчера поздно вечером Дагмар. Он пришел на нашу стокгольмскую квартиру сразу с поезда и очень огорчился, что меня не застал.

— Грай? Кто бы это мог быть? — задумчиво произнес Смирнов.

В тот же день на гельсингфорсский адрес Неовиуса (Георгсгатан, 11) поступила телеграмма из Стокгольма:

«Виктор телеграфирует из Петербурга, просит сообщить, прибыл ли турист. Грай здесь. Ждет сообщения. Маннергейм».

Председатель банка «Нурдиска фёренингсбанкен» граф Маннергейм занимал большую квартиру в угловом доме на стокгольмской площади Карлаплан. В числе других активных деятелей движения сопротивления царизму он был выслан генерал-губернатором Бобриковым в 1903 году из Финляндии и жил в Швеции.

Ноябрьским утром Маннергейм сидел в своем кабинете и разбирал почту, когда раздался звонок настенного телефона. Мягкий, грассирующий мужской голос сказал по-немецки:

— Доброе утро, граф. Какие новости?

— Доброе утро, господин Грай. Получили из Женевы странную телеграмму. Я в ней ничего не пойму.

— Какую же?

— Какая-то Элизабет сообщает, что получила телеграмму от Германа, в которой он просит Фрея подождать у доктора.

— Мне смысл телеграммы совершенно ясен. Мои товарищи из Женевы и Петербурга просят Фрея, то есть меня, подождать у доктора Неовиуса. Но они не знают, что доктора в Стокгольме нет и что для моего переезда в Финляндию ничего не делается. Надо бы сообщить об этом в Гельсингфорс, поторопить.

— Извините, господин Грай, что так получилось. Но доктор Неовиус очень обрадовался, когда узнал о царском манифесте, ему немедленно захотелось побывать дома, в Финляндии. Ведь мы, изгнанники, несколько лет жили вдали от родины и все делали, чтобы приблизить этот день.

— Я понимаю вас. Но и вы меня поймите. Меня ждут в России товарищи по революционной борьбе. И победу

нам еще только предстоит завоевать.— Помолчав, добавил:

— Если я буду вам нужен, мои координаты вам известны: гостиница «Маркит» или читальный зал Королевской библиотеки.

Библиотекарь Королевской библиотеки Пальмгрен приметил этого посетителя. Он появлялся в одно и то же время каждое утро, здоровался, подходил к стеллажу, где выкладывались свежие номера газет. Присаживался около стеллажа и делал выписки. Затем занимал место за столиком в читальном зале и что-то писал.

Пальмгрен прошел мимо стола, за которым сидел постоянный посетитель. На столе лежали номера «Нойе фрайе прессе» и «Берлинер Тагеблатт унд Хандельсцайтунг». Читатель, склонив над столом голову, что-то писал на почтовой бумаге. Временами он выпрямлялся и задумывался, глядя в окно. Но чувствовалось, что он не видел осеннего желто-красного наряда парка Хюмлегорден, примыкающего к библиотеке, его взгляд был устремлен гораздо дальше. Вот он снова склонился над столом, и его перо быстро забегало по бумаге.

Смирнова снова навестил Неовиус.

— Сегодня звонил из Стокгольма Маннергейм,— сообщил он.— Из Женевы пришла телеграмма, в которой Герман просит Грая подождать в Стокгольме. Грай, когда Маннергейм сообщил ему содержание телеграммы, выразил недовольство тем, что ему приходится долго оставаться в Стокгольме. Но что делать? Ведь ему нельзя ехать в Финляндию с собственными документами. Это — риск. Он может попасть в руки охранки. Нужны «чистые» документы. У Маннергейма их нет. Надо изготовить и переправить побыстрее в Стокгольм.

— Герман — это Буренин,— задумчиво проговорил Смирнов.— Значит, он знает о пребывании Грая в Стокгольме и, наверно, предпринимает что-то, чтобы достать для него документы. Ведь нужна фотография мужчины, который был бы хоть отдаленно похож на Грая. А я не знаю его, никогда его не встречал. Буренин же, как видно, знает его лично.

— Маннергейм говорит, что настоящая фамилия Грая — Ульянов.

— Ульянов? — переспросил Смирнов.— Что же он раньше не сказал? Я сегодня же сообщу Буренину об этом, потороплю его.

Через день на адрес Неовиуса в Гельсингфорсе пришла телеграмма из Петербурга следующего содержания: «Попроси Арвида немедленно связаться с друзьями Виктора в Стокгольме. Послать в крайнем случае туда кого-нибудь попонятливее. Я имею телеграмму Сельмы из Стокгольма, датированную десятым. Я попросил телеграфировать из-за границы их адрес Арвиду в Стокгольм. Тернгрен».

Неовиус в этот же день отправил Тернгрену письмо. «Адрес друга Виктора в Стокгольме у меня есть: это Грай, отель Маркит, Дроттнинггатан, Стокгольм,— писал Неовиус.— Грай... прибыл уже 5 или 6 дней тому назад... Он с большим нетерпением ждет, когда можно будет ехать дальше, так как его ждет много работы. Попроси Виктора связаться с ним, хотя бы через меня, а может быть, прямо. В конце недели имеется возможность (поехать) в Стокгольм. Почти одновременно возвращаюсь и я... При въезде может быть паспортный контроль, и на всякий случай нужно иметь паспорт».

— Я приехал по поручению Никитича. Привез документы для Ленина,— Буренин был серьезен и деловит.— Как он там, не знаешь?

— Несколько дней из Стокгольма не получали вес-

тей,— ответил Смирнов.— Волнуется, наверно. Рвется на родину, а документов нет.

— Надо сегодня же встретиться с Неовиусом.

— Обязательно. Я позвоню ему сейчас, предупрежу.

В тот вечер Буренин передал Неовиусу документы для Ленина. Неовиус сообщил, что он уже подобрал подходящего человека, который отвезет их в Стокгольм, найдет там Ленина и будет сопровождать его на пароходе на обратном пути. Зовут этого человека Ула Кастрен, он руководит студенческой организацией в университете, человек надежный. У него есть знакомые в порту в Або. Так что в случае недоразумения он сможет помочь Ленину.

Утром постоянный посетитель, как обычно, появился в вестибюле Королевской библиотеки. Пальмгрен видел, как он, сняв пальто в гардеробе, прошел в читальный зал и занял свое обычное место у окна.

В. И. Ленин дописывал статью «Наши задачи и Совет рабочих депутатов (Письмо в редакцию)». Он хотел по приезде в Петербург передать ее для публикации в редакцию газеты «Новая жизнь», с первыми номерами которой ознакомился еще в Женеве. Из газет Ленин знал, что в ряде городов России в октябре — ноябре возникли Советы рабочих депутатов. Это совершенно новые революционные органы, каких еще не было в истории. Владимир Ильич впервые дал в этой статье оценку Советам как органам восстания и зачаткам новой, революционной власти. Он указал на необходимость превращения Советов во временное революционное правительство.

В статье Ленин высказывал сожаление, что «приходится писать все еще из проклятого далека, из постылой эмигрантской «заграницы».

Через пару часов Пальмгрен увидел, как с улицы вошел неизвестный молодой человек. Он прошел к столу

постоянного читателя, приглянувшегося Пальмгрену, и что-то тихо сказал ему. Тот, положив газеты на стеллаж, собрал со стола листки бумаги и вышел вслед за молодым человеком в вестибюль.

Вечером в тот же день на палубе парохода «Боре-II» стояли два пассажира. Один из них — молодой и высокий, другой — пониже, средних лет, в темном пальто и такой же шляпе, с бородкой клинышком. Они тихо разговаривали, глядя на пристань и здания Старого города.

— В Гельсингфорс сообщат о нашем отъезде,— сказал Ула Кастрен.— Я надеюсь, доедем благополучно.

— Когда мы будем в Або?

— Завтра около полудня.

— А в Гельсингфорсе?

— Вечером.

— Гостиницу в Гельсингфорсе закажут?

— Мы решили, что не стоит рисковать,— сказал юноша.— Переночуете у нас. Моего старшего брата сейчас нет дома, он уехал читать лекции в Копенгаген, так что есть свободная комната.

— Спасибо,— сказал Ленин.— А чем занимается ваш брат?

— Доцент университета.

Пароход отчалил, и пристань Шеппсбрунн постепенно пропала в темноте. «Боре-II» шел по узкому фиорду, выбираясь в море. По берегам блестели редкие огоньки.

В ДОЖДЛИВЫЙ ВЕЧЕР

— А какой он?

— Какой? Очень умный, внимательный и, главное, простой,— ответил Буренин. Они сидели со Смирновым в кабинете на Елизаветинской и с нетерпением поглядывали

на старинные стенные часы, маятник которых мерно отстукивал секунды.

— Я в Женеве в 1898 году видел Плеханова,— продолжал Смирнов.— Очень начитанный марксист, блестящий оратор, но все же в манере разговора, в ответах на вопросы — во всем чувствовалось, что он — вождь, а мы — простые смертные. Как-то сам приподымал себя выше среднего уровня. Подсознательно это чувствовалось, и на душе сохранился неприятный осадок.

— Ну что ты, наш Ильич — это совсем другой человек,— ответил Буренин.— Он никогда не покажет своего превосходства, хотя и видит ход событий гораздо яснее многих непосредственных их участников, обладает редким даром распознавать внутреннюю сущность человека. В этом я убедился во время разговоров с ним летом в Женеве.

— Однако нам пора,— сказал Смирнов, взглянув на часы.— Половина одиннадцатого. Поезд из Або, наверно, уже прибыл. Пока мы дойдем, они будут на месте.

Дождь не переставая лил с темного неба, колотил по мостовым, вода струями стекала с зонтика. Смирнов пытался укрыть им и своего друга, но, пока они в темноте шли по лужам от Елизаветинской до Виронкату, оба вымокли. Почти бегом вбежали в подъезд четырехэтажного дома, поднялись по лестнице.

— Здесь,— сказал Смирнов, удерживая дыхание.— Это квартира доцента Кастрена.

Буренин нажал кнопку звонка. Дверь открыл Ула Кастрен. Узнав Смирнова, снял цепочку и пригласил войти.

В прихожей сушились два зонта. Видно было, что хозяин и его гость прибыли недавно. Смирнов осторожно поставил на пол сушиться и свой зонт.

— Ну, как он? — спросил Смирнов Кастрена по-шведски.

— Все в порядке. Только что поужинали.

Буренин открыл дверь в гостиную:

— Разрешите?

У обеденного стола сидел Ленин. При свете большой люстры, висевшей под потолком, он читал «Хювюдстадсбладет». Увидев Буренина, встал, пошел навстречу:

— А, Николай Евгеньевич, здравствуйте,— сказал он, подавая руку.— Рад вас видеть. Вот прибыл в вашу епархию.

— В дождь прибыли, Владимир Ильич. Говорят, к счастью.

Ленин рассмеялся:

— Дождливой погоды я захватил немало и в Стокгольме, но пока, скажем прямо, мне не особенно везло. Ваши друзья мариновали меня там несколько дней.

— Прошу извинить, Владимир Ильич. Получилась несогласованность. Неовиус неожиданно для нас уехал из Стокгольма, а Тернгрен отправился в Петербург, места в сенате для «пассивистов» у Витте выторговывать, вот и порвалась цепочка связи со Стокгольмом.

— Как обстановка в Финляндии? — спросил Ленин.

— Об этом вам лучше меня мой друг расскажет. Разрешите представить — лектор Гельсингфорсского университета Владимир Мартынович Смирнов, он же Паульсон, он же — Афанасий. Настоящий финляндец, живет здесь, всех знает, а о событиях узнает за день до того, как они произойдут.

Ленин улыбнулся, пожал Смирнову руку:

— Как же, знаю Паульсона со времен нашей «Искры». Очень довольны мы были вашими корреспонденциями из Финляндии. Ну и об организации вами транспорта знаем.

Смирнов смутился, покраснел, долго не мог вымолвить ни слова.

Буренин, желая выручить своего стеснительного друга, спросил Ленина, как он доехал.

— Накачало нас на пароходе с Кастреном, наверно, на всю жизнь,— сказал Ленин.— Разыгралась Балтика ночью

не на шутку. Ну а все же добрались до Або. И это самое главное.

Смирнов полюбопытствовал, какое впечатление на Ленина произвел Маннергейм.

— Он такой же кадет, как и наши, российские,— ответил Ленин.— Человек обеспеченный, банкир, революция ему чужда. Сейчас, после манифестов, и российские и финляндские либералы бросятся в объятия батюшки царя.

Смирнов рассказал, что в то время, как «опальный» граф Маннергейм был выслан Бобриковым из Финляндии, его брат, генерал, верой и правдой служит царю.

— Парадокс, не правда ли? — спросил он.

— Думаю, сейчас братья встретятся и помирятся. Да вряд ли они и ссорились. Революция их обоих напугала. Царские генералы и либералы едины в борьбе против революции.

Незаметно пролетели полчаса. Смирнов спохватился:

— Ох, извините, Владимир Ильич! Скоро двенадцать ночи, а вы с дороги.

— Ничего, высплюсь,— успокоил его Ленин.— Теперь я в пределах Российской империи, почти дома. Буду спать спокойно. А насчет положения в Финляндии, Владимир Мартынович, поговорим завтра, хорошо? Завтра ведь воскресенье, не так ли, и вы свободны от занятий в университете? Вот и отлично. Если у вас нет других дел, приходите, пожалуйста, сюда прямо с утра. И вы, Николай Евгеньевич, тоже. Вы ведь мне еще ничего не рассказали, что делается в Питере.

— Какой удивительный человек! — восхищался Смирнов, когда они с Бурениным возвращались на Елизаветинскую.— Очень боялся я этой встречи. Перед вождями я теряюсь, начинаю заикаться, у меня совершенно отнимается язык. А Ильич — совсем другое дело — интересный собеседник, остроумный человек.

Виргиния Карловна открыла дверь и ахнула: с ее сына и с гостя ручьями стекала вода.

— Вольдемар, ты же брал зонт, где он?

— Я забыл его, мама, прости. Завтра принесу.

Смирнов и Буренин долго еще не ложились спать, делились впечатлениями о встрече. А по крышам и мостовым Гельсингфорса продолжал барабанить осенний, затяжной дождь.

ДВА ДНЯ В ГЕЛЬСИНГФОРСЕ

Утро выдалось на удивление ясное. Промытые ночным дождем камни улицы Снелльмансгатан блестели, в лужицах под ногами похрустывал ледок. Вот и угол улицы Естнинской (Вировкату). Неподалеку виден желтый дом с полукруглой аркой.

Дверь Смирнову и Буренину открыл Ленин. В руках он держал газету.

— Хозяин после завтрака убежал куда-то по своим делам,— сказал он.— Раздевайтесь, входите. А я сижу, читаю «Хювюдстадсбладет». Ее сунули в дверь. Пытаюсь понять по-шведски. Много общих корней с немецким, и о чем речь идет, понять можно. Но точный перевод для меня сделать было бы трудно. Вот здесь, смотрите, Владимир Мартынович,— он протянул газету Смирнову,— насколько я понял, написано, что новым генерал-губернатором Финляндии назначен барон фон Зальца, командующий 62-м корпусом. Это так?

— Совершенно верно, Владимир Ильич,— ответил Смирнов, посмотрев на подчеркнутые слова в газете.— Но мне думается, что Зальца назначен на эту должность временно. Он не может быть одновременно и командующим корпусом, и генерал-губернатором. Оболенский скомпрометировал себя окончательно, вот его и хотят побыстрее убрать отсюда, а заместителя ему в Петербурге пока не подобрали. Ходят слухи, что хотят назначить Каульбарса, одесского палача.

— Это было бы печально для финнов. Но извините, Владимир Мартынович, вот здесь еще одно интересное сообщение. Завтра, 20 ноября, в Таммерфорсе созывается чрезвычайный съезд Социал-демократической партии Финляндии.

— Да, Владимир Ильич. А сегодня в Гельсингфорсе у социал-демократов совещание. Обсуждают итоги всеобщей забастовки. Я вчера видел одного из руководителей левого крыла партии, Юрье Сирола. Говорит, что на съезде ожидается сильная драчка с правыми.

— Это интересно,— оживился Ленин.— Как жаль, я не смогу поехать в Таммерфорс и побыть на съезде. А нельзя устроить мне встречу с кем-нибудь из руководства партии, ну хотя бы с тем же Юрье Сирола?

— Я попытаюсь это сделать, Владимир Ильич,— ответил Смирнов.— Сейчас схожу и выясню, когда у них будет перерыв.

— Очень вам благодарен, Владимир Мартынович. Да, вы не в сторону вокзала пойдете?

— Гостиница, где проходит совещание, рядом с вокзалом.

— Купите, если можно, свежие номера питерских газет. Очень был бы обязан.

— Хорошо, Владимир Ильич. Но к нам, в русскую библиотеку университета, идут номера всех петербургских газет.

— Вы меня очень обрадовали, Владимир Мартынович! — сказал Ленин.— А то я без газет, как без рук. Да, не забудьте ваш зонт. Он вам может понадобиться, смотрите, небо опять хмурится.

— Спасибо, Владимир Ильич. Пусть он здесь в прихожей постоит. Я и так добегу. Боюсь, забуду еще в гостинице.

Дверь за Смирновым закрылась.

— Ну, так что же нового в Питере, Николай Евгеньевич? — обратился Ленин к Буренину.

— Я ведь уже несколько дней здесь, Владимир Ильич,— ответил тот.— Там обстановка за эти дни, наверно, изменилась.

— Расскажите, что было, когда вы уезжали.

— 2 ноября в Питере по призыву городского комитета РСДРП началась всеобщая стачка в защиту матросов и солдат Кронштадта, которым за выступление в октябре на стороне бастующих рабочих грозит смертная казнь,— начал рассказ Буренин.— Насколько мне известно, стачка продолжается и по сей день.

— Ну а в Совете рабочих депутатов Питера какие настроения?

— Вы, наверно, знаете, что большинство в нем и в исполкоме захватили меньшевики. Они склонны свести действия Совета к борьбе только за экономические требования, например за восьмичасовой рабочий день.

— Жаль, что питерские большевики прохлопали, дали захватить большинство в Совете меньшевикам.— Ленин встал, начал ходить по комнате взад и вперед.— Не поняли вовремя, что это зачаток революционной власти, который можно и нужно сейчас превращать в орган революционного восстания. А оно сегодня становится неизбежным. Именно к этому выводу подводит вся логика последних революционных событий. А как мы подготовились к восстанию? Много ли удалось заготовить оружия? Созданы ли боевые дружины рабочих и студентов?

— Владимир Ильич, у меня нет полных данных. Я думаю, что по приезде в Петербург их вам представит Красин. Могу только сказать, что через Финляндию мы продолжаем завозить значительное количество оружия. Финны помогают нам в этом. Сначала перебрасываем к границе, а потом разными путями переправляем в Петербург. Используем для связи с питерскими подпольщиками дачи, в том числе дачу Горького в Куоккала.

— Да что вы говорите! Молодец Горький. Только надо быть поосторожней, как бы нам его не подвести...

— У него там всегда много народу, так что ни один жандарм не разгадает, кто есть кто.

— Много народу? Мешают ему работать. Ему бы писать сейчас надо, писать. Это очень хорошо, что Горький с нами. Горький — настоящий революционный писатель, у него громадный талант.

У окна в кабинете Смирнова сидел молодой, хорошо одетый человек с щегольскими, закрученными вверх усами, с ровным пробором на русой голове. Это был Юрье Сирола. Он видел, как в подъезд вошел Смирнов, пропустив впереди себя незнакомого мужчину. Через короткое время они позвонили в квартиру, разделись и вошли в кабинет.

Сирола знал, что перед ним Ленин, руководитель большевиков — революционного крыла РСДРП, но встретился с ним впервые. Заметил, что Ленин как-то по-особенному, с прищуром рассматривает его, как бы оценивая, на что он способен.

— Я слышал, что у вас было совещание, на котором подводились итоги забастовки,— начал Ленин.— Не могли бы вы рассказать коротко, к каким выводам пришли участники совещания?

Сирола по-прежнему чувствовал на себе изучающий взгляд, который, казалось, пронизывал насквозь. Понимал, что в разговоре с этим человеком общими фразами не отделаешься, придется рассказывать все как есть. Вздохнул и сказал:

— Если говорить коротко, многие были недовольны поведением нашей партии. Правление фактически самоустранилось от руководства всеобщей забастовкой. На первый план выдвинулись Центральный забастовочный комитет и Красная гвардия во главе с Иоганном Коком. Рабочие выставляли в ходе забастовки радикальные требования, а руководство партии как-то оказалось в стороне.

— А вы сами какое участие принимали в забастовке?

— Я живу в Тампере, был одним из членов забастовочного комитета. 1 ноября на митинге по нашему предложению была принята программа борьбы финляндского пролетариата. Если вам интересно, вы можете ознакомиться с ней более подробно,— и Сирола вынул из папки, лежавшей на столе, лист красной бумаги.

— А, знаменитый «красный манифест»! — воскликнул Ленин и, взяв лист красной бумаги, с интересом начал рассматривать его. Добавил с улыбкой: — К сожалению, читать по-фински не могу.

— Есть текст на шведском языке. Лектор Смирнов, я надеюсь, поможет вам прочитать его,— сказал Сирола.— Сейчас же вкратце могу перечислить основные требования манифеста. Вместо ушедшего по требованию народа в отставку сената мы предлагали избрать временное правительство. В его задачу входил созыв Национального собрания, которое выработало бы новую конституцию страны. Согласно этой конституции сословный сейм должен быть заменен однопалатным парламентом, который будет избран всеми гражданами страны на основе прямого, равного избирательного права при тайном голосовании. Таким образом, рабочий класс будет наконец представлен в законодательном органе страны.

— И как были воплощены положения «красного манифеста» в жизнь? — спросил Ленин и внимательно посмотрел на своего собеседника.

— Если говорить честно, далеко не все наши предложения были реализованы,— ответил Сирола.— Мы привезли манифест в Гельсингфорс, и здесь на другой день, 2 ноября, он с большим воодушевлением был одобрен на митинге рабочими. Избрали временное правительство.

— А почему две трети мест в революционном временном правительстве было отдано представителям буржуазных партий? Ведь основная тяжесть борьбы легла на рабочих, не так ли? — спросил Ленин.

Сирола понял, что Ленин хорошо знал обстановку в Финляндии. А он, Сирола, ему нужен для того, чтобы лучше разобраться в причинах событий тех дней и сделать выводы.

— Вы знаете,— пояснил Сирола,— сказалось то, что конституционалисты немало сил отдали борьбе с царизмом, многие из них были высланы за это из Финляндии и пользовались уважением в стране.

— Вы говорили о создании временного правительства,— неожиданно горячо заговорил Ленин.— А разве Центральный забастовочный комитет не был таким правительством в дни забастовки? Ведь он решал многие вопросы повседневной жизни. Надо только, чтобы в таком органе было сильно пролетарское ядро, ибо временное правительство призвано стать органом растущего и зреющего повсюду вооруженного восстания. А представители буржуазии — разве будут они поддерживать революционные требования рабочих, разве выступят они добровольно за ликвидацию сословного сейма, в котором имеют большинство?

Сирола замялся.

— Опыт показывает, что буржуазия после царского манифеста действительно самоустранилась от борьбы, так как своих целей достигла,— согласился он.— В новом сенате, созданном после манифеста, большинство принадлежит конституционалистам.

Помолчав и поглядев в окно, Сирола добавил:

— Вы ведь знаете, наверно, что представители конституционалистов ездили в Петербург для переговоров с Витте, торговались с ним за места в сенате.

Ленин взглянул на Сирола и ответил:

— Витте — это министр-клоун. Он торгуется с либеральной буржуазией, подкупает ее подачками. Переговоры Витте с вождями либеральной буржуазии лишний раз подтверждают внутреннее родство либеральничающей бюрократии с защитниками интересов капитала — они едины

в желании похоронить революцию. Положив руку на блестящую поверхность стола, Ленин продолжал:

— Как в России, так и в Финляндии представители буржуазии иногда толкуют о народном представительстве, об Учредительном собрании, но все это — без серьезных гарантий — пустые фразы. Такой гарантией может быть только победоносное народное восстание, только полное господство пролетариата и крестьянства. А сейчас что получается? Пока рабочие боролись, буржуазия прокралась к власти. Не правда ли?

— Это так,— подтвердил Сирола.— Но мы будем продолжать борьбу за права рабочих, за изменение конституции и создание однопалатного парламента, избираемого всеми взрослыми жителями страны. Уверены, что социал-демократы в этом новом парламенте будут представлены достаточно широко.

— Какими средствами вы собираетесь добиваться этих целей?

— Мы не остановимся перед объявлением новой всеобщей забастовки.

— А о вооруженном восстании не думали?

— Я полагаю, что у нас, в Финляндии, до этого дело не дойдет.

— А мне думается, именно сейчас необходимо разъяснять массам, что мы можем достигнуть наших ближайших целей только восстанием.

Помолчав, Ленин взглянул на своего собеседника, чтобы убедиться, дошли ли до него смысл и важность сказанного.

Затем спросил:

— Ну а помочь нам в организации партийного съезда вы не смогли бы?

Сирола оживился:

— Постараемся. На какое время вы намечаете его?

— Тянуть долго нельзя. События торопят. Хотелось бы собраться уже, скажем, в середине русского декабря.

— Так,— сказал Сирола.— Это значит, в последних числах декабря по-нашему. Так чего же лучше — приезжайте к нам в Тампере. У нас недавно построено прекрасное здание Рабочего дома. Есть зал, в котором идут заседания рабочего института. На рождественские праздники все занятия прекращаются. Так что помещение будет свободно.

— Прекрасно,— ответил Ленин.— А как с точки зрения безопасности? Мы ведь соберем в Тампере весь цвет нашей партии. Не хотелось бы рисковать.

— На этот счет, мне кажется, можно не волноваться. Жандармы из Таммерфорса[1] бежали в губернский город под защиту царского гарнизона. Полиция распущена, и порядок в городе охраняет национальная гвардия. Мы поставим у Рабочего дома верных людей, и туда ни один шпик не проникнет. На всякий случай будем держать подводы, чтобы в любой момент увезти делегатов в безопасное место. Но до этого, думаю, дело не дойдет, потому что город фактически в руках рабочих.

— Ну что ж,— задумчиво сказал Ленин.— Остановимся на Таммерфорсе. Мы сообщим вам, когда ждать гостей. Вы тогда уж, пожалуйста, закажите гостиницы для делегатов партийного съезда и позаботьтесь об их безопасности, хорошо?

— Договорились,— сказал Сирола и пожал протянутую Лениным руку.

В этот день В. И. Ленин при содействии В. М. Смирнова встретился и с другими руководителями финляндских социал-демократов.

Вечером Ленин был приглашен на обед к Смирновым. Владимир Мартынович заблаговременно позвонил домой, предупредил мать:

— Сегодня к обеду у нас будет гость. Большой человек.

---

[1] Шведское название города Тампере.

— Генерал? — поинтересовалась Виргиния Карловна.

— Ну что ты, мама, зачем нам генерал? — запротестовал Смирнов.— Наш гость выше всего этого. Замечательный, удивительно умный человек, руководитель нашей партии.

— Ученый? — спросила мать.— Я должна это знать, чтобы правильно сервировать стол.

— Выдающийся теоретик,— подтвердил Смирнов.— Да, чтоб не забыть. Наш гость много лет провел в эмиграции, в Швейцарии. А там, как я слышал, к обеду обычно подают вино.

— Не волнуйся, Вольдемар, все будет в порядке,— заверила Виргиния Карловна.

Дверь открыла Виргиния Карловна. Смирнов представил ее Владимиру Ильичу:

— Мой первый помощник в конспиративных делах.

Виргиния Карловна пригласила мужчин в гостиную.

Под хрустальной люстрой на белой накрахмаленной скатерти блестели рюмки, бутылки, серебряные вилки и ножи.

Ленин остановился в нерешительности у двери, спросил у Смирнова:

— Вы ждете гостей?

— Наши гости — это вы и Николай Евгеньевич,— ответил Смирнов, отодвигая стул.

Ленин, косясь на батарею бутылок, сказал:

— Николай Евгеньевич любит выпить?

Буренин рассмеялся:

— Я сын купца. А вообще-то не специалист по этой части.

— Вот и я не специалист,— тихо произнес Ленин.

— Я тоже не пью,— сказал Смирнов.— Но сегодня такой день... Мне кажется, следует поднять бокал за благополучное возвращение Владимира Ильича на родину. Хотя

бы символически. Да и хозяйку обижать не стоит. Она столько хлопотала, закупила лучшие вина.

За обедом гость хвалил кулинарное искусство Виргинии Карловны.

Разговор зашел о Пскове. Вспомнили общих знакомых.

После обеда в кабинете Ленин сказал Смирнову:

— Большое спасибо за сегодняшний прием. Но ради бога, больше парадных обедов в мою честь не устраивайте. Договорились?

Проводив Буренина на петербургский поезд, Смирнов возвращался домой. Издалека увидел свет в окне своего кабинета, и на сердце стало необыкновенно тепло. В прихожей встретила мать. Спросила по-шведски:

— Где постелить русскому профессору?

Смирнов рассмеялся. Виргиния Карловна назвала «русским профессором» Ленина. За то, что он сразу же, расположившись в кабинете Смирнова, обложился газетами и принялся что-то писать.

Смирнов вошел в кабинет. Ленин сидел, склонившись над письменным столом. При свете настольной лампы на столе виднелась пачка газет с карандашными пометками на полях.

— Входите, входите, Владимир Мартынович! — приветливо сказал Ленин.— Как проводили Буренина? «Хвоста» на вокзале не заметили?

— Кажется, нет. Агенты генерала Фрейберга после всеобщей забастовки как-то присмирели и пока на глаза не лезут. Все еще боятся... Извините, Владимир Ильич, что бы вы хотели на ужин?

— То, что есть. Ничего специально готовить не надо. Ни в коем случае.

— Хорошо. Устраивайтесь спать вот здесь, на кровати.

— Спасибо, Владимир Мартынович. Но меня больше устраивает этот прекрасный диван. Если, конечно, вы ни-

чего не имеете против. У вас здесь так хорошо работается. Хотел бы посидеть подольше, записать кое-что.

— Конечно, конечно, работайте, Владимир Ильич, сколько хотите. Вы никому не мешаете.

Окно в кабинете светилось до поздней ночи. Утром, когда Ленин встал и пошел умыться, Смирнов зашел в кабинет, чтобы убрать белье с дивана. На столе он увидел пачку исписанных листков почтовой бумаги. Тут же в запечатанном конверте лежало письмо. Вошел Ленин.

— Владимир Мартынович, это письмо надо переправить в Женеву. Сможете?

— Постараюсь, Владимир Ильич.

Смирнов не знал, что в письме В. И. Ленин советовал Н. К. Крупской ехать в Россию тем же путем, что и он, сообщил ей все необходимые явки на пути, в том числе гельсингфорсскую.

— Какие планы, Владимир Ильич, на сегодня? — спросил Смирнов после завтрака.

— Хочу посидеть, поработать. Вот если бы вы мне свежие газеты опять раздобыли.

— Хорошо, Владимир Ильич. Сбегаю на вокзал и — на работу. К полудню буду дома. Сегодня в парке Кайсаниеми Красная гвардия устраивает парад. Не хотите посмотреть? Это совсем рядом.

— Любопытно. Не отказался бы.

— Да, Владимир Ильич, тут у меня кое-что есть. Из Петербурга Буренин привез.— И Смирнов вынул из тайника в тумбочке стола номер петербургских «Известий Совета рабочих депутатов».— Староват номер, за 20 октября [1], но очень интересный. Послушайте: «Манифестом 17 октября правительственная шайка открыто признала перед всем миром, что русская революция загнала ее в тупой переулок». А дальше о манифесте: «И вот конституция дана. Дана свобода собраний, но собрания оцепляют

[1] Старого стиля.

войсками. Дана свобода слова, но цензура остается неприкосновенной. Дана свобода науки, но университеты заняты войсками. Дана неприкосновенность личности, но тюрьмы переполнены заключенными. Дан Витте, но оставлен Трепов. Дана конституция, но оставлено самодержавие. Все дано и ничего не дано. Жалкие лживые обещания даны с наглым расчетом обмануть народ».

Ленин взял газету.

— Я читал эту статью раньше в одной лондонской газете, переводил с английского. По-русски она выглядит гораздо ярче. Да, нам нужно не признание свободы, а действительная свобода. Нам нужна не бумажка, обещающая законодательные права представителям народа, а действительное самодержавие народа.

Парк Кайсаниеми в этот день было не узнать. Обычно тихий, безлюдный, сегодня он был полон народу. На центральной аллее выстроилось около четырех тысяч красногвардейцев. Это были рабочие и студенты. Одетые в пальто, плащи, в кепках и шляпах, они совсем не походили на военных. Но вот раздалась команда: «Равняйсь! Смирно!» — и вдоль рядов пошел высокий человек с огромными усами. Он придирчиво осматривал красногвардейцев, иногда поправлял их винтовку или ремень.

— Это Иоганн Кок, начальник Красной гвардии,— прошептал Смирнов Ленину на ухо. Они стояли в стороне, в толпе зрителей.

Грянул оркестр, красногвардейцы вскинули винтовки на плечо и стройными рядами зашагали вдоль аллеи.

— Образование таких рабочих дружин и отрядов необходимо,— говорил Ленин Смирнову, когда они возвращались домой по Елизаветинской.— Восстание и свержение царской власти немыслимо без создания революционной армии.

Вечером скорым поездом Ленин выехал в Петербург.

На другой день к Виргинии Карловне забежала соседка-финка. За чашкой кофе как бы между прочим поинтересовалась:

— А у вас вчера гости были?

— Петербургские знакомые сына,— ответила Виргиния Карловна.— Сын богатого купца Буренин и русский профессор из университета. Приезжал по делу.

Соседка, допив кофе, ушла. «Русский профессор» ее не заинтересовал. Как, впрочем, и офицера из сыскного отделения, который, надо полагать, просил ее выяснить личность гостей лектора Смирнова.

Буренин, встретив Владимира Ильича в Петербурге на Финляндском вокзале, отвез его на квартиру своей сестры. Одним из первых, с кем встретился В. И. Ленин по приезде в Петербург, был руководитель Боевой технической группы при ЦК РСДРП Л. Б. Красин.

Вскоре в Женеву на адрес Н. К. Крупской из Петербурга ушло шифрованное письмо, в котором говорилось: «Насчет поездки Шарко дела обстоят так. Ленину приходится прятаться. Пусть Шарко следует совету Фрея, посланному из-за границы. Пусть едет путем Фрея. Явки ведь Шарко имеет во все города, лежащие по дороге (все адреса, посланные Фреем, верны и действуют, причем в Гельсингфорсе лучше всего обратиться к Смирнову, Елизабетсгатан)».

Дней через десять в дверь квартиры Смирнова позвонила неизвестная молодая дама. Это была Н. К. Крупская. Она возвращалась из Швейцарии на родину «путем Фрея». Рассказала, что в Стокгольме за ней увязался неизвестный субъект, судя по всему — агент охранки. Сопровождал ее до пристани, взял билет на тот же пароход, что и она. На другой день, выйдя в Ханко с парохода, Крупская сразу заметила шпика: он ждал, когда она войдет в вагон поезда Ханко — Гельсингфорс, чтобы занять место рядом.

— Так и приехал с вами в Гельсингфорс? — поинтересовался Смирнов и глянул в окно.

— Не беспокойтесь, я отвязалась от него,— сказала Крупская.— В поезде все громко говорили, особенно один «активист». Я разговорилась с ним по-немецки. Он описывал успехи всеобщей забастовки в Финляндии. «Шпиков,— говорил он,— мы арестовали всех и посадили в тюрьму». Я посмотрела на субъекта, следившего за мной, и сказала: «Но могут приехать новые». Финн догадался. «О,— воскликнул он,— только скажите, если кого заметите, мы его тотчас арестуем!» Шпик испугался и сошел на какой-то маленькой станции. Больше я его не видела...

— Ловко вы от него отделались! — засмеялся Смирнов.— Теперь небось затаился где-нибудь, дрожит от страха.

— Да, Владимир Мартынович,— переменила тему разговора Крупская.— Я хотела позвонить из Ханко в Петербург о приезде, но телефонистка из-за забастовки заказ принимать отказалась.

— Я сообщу Буренину, Надежда Константиновна, он предупредит, кого нужно, не беспокойтесь.

В тот же вечер Смирнов проводил гостью на вокзал.

24 (11) ноября Дагмар Неовиус послала из Стокгольма брату записку, в которой говорилось: «Здесь имеется 10 пакетов для Виктора... Письмо для Фрея я послала прямо на мать Паульсона».

Таким образом, почтовая линия Стокгольм — Финляндия продолжала действовать. По ней на гельсингфорсский адрес Смирнова приходили письма для Фрея — для В. И. Ленина.

Съезд финляндских социал-демократов в Тампере был бурным. Большинство делегатов резко критиковало правление партии за примиренчество, за полную неспособность руководить массовым движением пролетариата. В состав

нового правления были избраны сторонники решительной классовой борьбы пролетариата, выступавшие против соглашательства с буржуазией. Секретарем правления партии был избран Юрье Сирола.

Тепло было встречено приветствие ЦК РСДРП. Делегаты решили послать российским товарищам ответную телеграмму. В ней говорилось: «Социал-демократическая партия Финляндии, собравшись в Таммерфорсе, желает выразить чувство сердечной симпатии и братства русским товарищам, борющимся за свободу. Пусть и впредь развивается с успехом ваша великая борьба, в которой и нам выпала честь участвовать и которая уже принесла результаты. Да здравствует социализм в России, борющийся за право народов на самоопределение, да здравствует интернациональное единство рабочего класса!»

Текст этой телеграммы был переведен Смирновым на русский язык и переслан в Петербург, в редакцию большевистской газеты «Новая жизнь». После того как В. И. Ленин прибыл в Петербург и возглавил редакцию этой газеты, Смирнов стал постоянным ее корреспондентом. Первая его статья была опубликована в номере за 13 (26) ноября. В ней рассказывалось об успехе всеобщей забастовки, о требованиях рабочих, о создании Красной гвардии. «Самым важным из обнародованных за время революции актов» называл он таммерфорсский «красный манифест».

Корреспонденции из Гельсингфорса за подписью «Наблюдатель» стали печататься почти в каждом номере газеты. В них рассказывалось о революционной борьбе пролетариата Финляндии, о волнениях в гарнизоне Свеаборга. Последняя корреспонденция была опубликована в 26-м номере газеты, незадолго до ее закрытия царским правительством.

В Финляндии знали, кто скрывается под псевдонимом «Наблюдатель». Кое-кому не нравилось, что русский интеллигент Смирнов открыто высказывает свои симпатии к

финляндским рабочим. Одна буржуазная газета назвала его корреспонденции в «Новую жизнь» «красногвардейскими».

ДЕКАБРЬСКИЕ СОБЫТИЯ

Студент Гельсингфорсского университета Карл Харальд Виик был способным человеком. Он увлекался музыкой, писал стихи, был знатоком французской и немецкой литературы. С 17 лет начал принимать участие в революционной работе. В 1905 году, в 22 года, редактировал социал-демократический еженедельник «Арбетарен» («Рабочий»). Смирнову нравилась пылкая убежденность этого юноши в торжестве революционного дела, ему импонировала непримиримость молодого редактора. Ведь именно «Арбетарен» выступил в начале сентября с гневной обличительной статьей в адрес вождя конституционалистов Лео Мехелина, осудив его сговор с царскими властями. Эта смелая статья вызвала бурю возмущения в буржуазной печати, и «Арбетарен» в течение нескольких месяцев отбивался, доказывая, что конституционалисты, идя на соглашение с царизмом, предают национально-освободительное движение Финляндии, вождями которого они провозглашали себя ранее, что они добиваются уступок только для буржуазии.

Когда в начале декабря в России поднялась новая волна стачек и забастовок, Смирнов предложил Виику опубликовать в его газете программу РСДРП, принятую II съездом партии. Как известно, это была первая в истории международного движения после смерти Маркса и Энгельса революционная программа, в которой выдвигалась в качестве основной задача борьбы за диктатуру пролетариата. Один из пунктов программы провозглашал право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства.

Вийк горячо одобрил предложение Смирнова.

— Мы должны знакомить финляндских рабочих с революционным опытом наших российских товарищей,— сказал он.— Программа, несомненно, вызовет большой интерес, ибо многие наши социал-демократические вожди по-прежнему ориентируются на германских реформистов. Сейчас они вслед за конституционалистами призывают рабочих сложить оружие, прекратить бастовать под тем предлогом, что цель, мол, достигнута, царь отменил все принятые им ранее незаконные постановления о Финляндии. На самом деле рабочие пока ничего еще не выиграли. Все завоевания революции присвоила себе буржуазия, и успокаиваться социал-демократам нельзя.

Программа РСДРП, переведенная на шведский язык Смирновым, была помещена в декабре в двух номерах «Арбетарен». Эта публикация помогла финляндским рабочим поближе познакомиться с теми задачами, которые ставили перед собой российские социал-демократы.

9 декабря (н. ст.) еженедельник напечатал корреспонденцию под заголовком «С берегов Невы», в которой рассказывалось о революционных событиях в Петербурге, об издании газеты «Новая жизнь».

Помощник полицмейстера Гельсингфорса Бруно Яландер зашел в университет. Смирнов выступал с лекцией о творчестве Горького. После лекции было много вопросов. Один из слушателей поинтересовался, за что писатель подвергался неоднократным арестам. Смирнов подробно рассказал о революционных выступлениях Горького, процитировал «Песню о Буревестнике»:

— Буря! Скоро грянет буря!
Это смелый Буревестник гордо реет между молний
над ревущим гневно морем;
то кричит пророк победы:
— Пусть сильнее грянет буря!..

Когда студенты разошлись, Яландер подошел к кафедре:

— А вы бы поосторожнее, господин лектор,— сказал он.— Ведь жандармские осведомители могут быть и среди ваших слушателей.

— Увлекся,— оправдывался Смирнов.— Горький — такая яркая фигура, такой интересный человек. Да что я вам говорю, вы ведь и сами это знаете.

— Знаю, но проза жизни, к сожалению, призывает нас к сдержанности в выражении чувств. Особенно это касается вас.

— А в чем дело? — встревоженно спросил Смирнов.

— В Петербурге арестован известный вам Онни Николайнен,— понизив голос, сказал Яландер.

Смирнов вздрогнул. Действительно, беда была близко. Ведь железнодорожник Николайнен по поручению Смирнова вел переговоры о закупке оружия и транспортировке его в Петербург!

— И что же? — спросил он.

— При обыске у него обнаружили открытку Отто Мальма, также известного вам. В ней указан ваш гельсингфорсский адрес. Из Петербурга получено указание допросить вас и принять соответствующие меры. Так что готовьте правдоподобный рассказ о том, что вас связывало с Николайненом и Мальмом.

— Спасибо, господин капитан,— сказал Смирнов.— Что-нибудь придумаю.

Дни шли, но никто Смирнова на допрос не вызывал. Причиной «забывчивости» жандармов послужила, вероятно, смена руководства Финляндского жандармского управления: генерал Фрейберг и его помощник ротмистр Тунцельман в конце 1905 — начале 1906 года были отозваны из Финляндии, а новый начальник управления полковник Яковлев «дела» о лекторе Смирнове не видел. Оно было передано в финляндскую полицию. Только спустя несколько лет Смирнова вызвали в гельсингфорсскую по-

лицию. Допрос носил формальный характер и никаких видимых последствий для Смирнова не имел.

В конце ноября в Гельсингфорс пришел 9-й номер газеты «Новая жизнь». Увидев его, Смирнов сразу обратил внимание на обращение ЦК РСДРП о созыве 10 декабря (ст. ст.) очередного, IV съезда партии. В этом же номере была опубликована статья В. И. Ленина «О реорганизации партии», в которой доказывалась необходимость немедленного созыва съезда.

Вскоре в Гельсингфорс приехала Л. М. Книпович (партийный псевдоним Дяденька) и попросила помощи для установления связей с социал-демократами в Таммерфорсе, где предполагалось созвать съезд. Смирнов, передав ей необходимые адреса, проводил на таммерфорсский поезд.

Делегаты съезда, в том числе В. И. Ленин и Н. К. Крупская, выехали из Петербурга 10 (23) декабря. Для конспирации взяли билеты до станции Райвола, а потом разбились на три группы и отправились в Таммерфорс. Туда можно было доехать двумя путями: через узловую станцию Риихимяки и через Гельсингфорс, откуда ежедневно в Таммерфорс шли три поезда. Все ли три группы поехали прямо в Таммерфорс?

В. М. Смирнов писал Н. Е. Буренину 11 ноября 1950 года, что он помогал делегатам Таммерфорсской конференции РСДРП, проезжавшим через Гельсингфорс, встречался с В. И. Лениным.

Таким образом, одна из групп делегатов (а может быть, и две) выбрала путь через Гельсингфорс. Железнодорожное расписание, опубликованное в «Хювюдстадсбладет» 28 ноября 1905 года (н. ст.), дает возможность определить, в какое время В. И. Ленин и ехавшие с ним делегаты могли прибыть в Гельсингфорс и выехать в Таммерфорс. В Гельсингфорс приходили два поезда из Петербурга: в

7.55 и 9.33 утра. (Из Петербурга они выходили накануне.) Таким образом, делегаты конференции прибыли в Гельсингфорс утром.

По всей вероятности, в тот же день они выехали в Таммерфорс. В этот город из Гельсингфорса шли три поезда: в 7.40 утра, в 14.30 и 18.10. На первый поезд делегаты опаздывали. Они выехали либо двухчасовым поездом, либо вечером, в 18.10.

Получается, что В. И. Ленин и Н. К. Крупская, а также другие делегаты конференции провели в Гельсингфорсе полдня, а может быть, и весь день. Смирнов, вероятно, пригласил товарищей к себе на Елизаветинскую. Здесь Владимир Ильич имел возможность просмотреть свежие газеты.

К этому времени революционные события в России приобретали все более широкий размах. Всеобщая стачка охватила Москву и Петроград, другие города страны, в Москве начались уличные бои рабочих дружин с полицией и царскими войсками. Бурлила и Финляндия. Рабочие выступали в поддержку своих российских братьев, тысячами записывались в отряды Красной гвардии, чтобы с оружием в руках отстаивать интересы народа. 10 декабря (н. ст.) на Сенатской площади в Гельсингфорсе состоялся многолюдный митинг, на котором был утвержден устав Красной гвардии. По просьбе Иоганна Кока Смирнов перевел его на русский язык, и устав был издан листовкой. 7 (20) декабря в Гельсингфорсе начал работу чрезвычайный сейм. Он должен был рассмотреть ряд важных вопросов, в том числе проект нового закона об однопалатном парламенте, который избирался бы на основе всеобщих, прямых выборов при тайном голосовании, а также проекты законов о свободе печати, собраний и союзов.

Революционный настрой в Гельсингфорсе чувствовался всюду. Когда делегаты подходили со Смирновым к вокзалу, они встретили наряд красногвардейцев с красными повязками на рукавах, которые следили за порядком на

Железнодорожной площади. Старший наряда, узнав Смирнова, по-военному отдал честь.

...День был вьюжный. Снег шел густо, заметая рельсы, по которым только что ушел таммерфорсский поезд. Смирнов долго стоял на перроне, глядя на удаляющийся красный огонек последнего вагона, а в ушах его еще звучал голос Ленина, который, крепко пожав Смирнову руку и поблагодарив за помощь, пожелал успехов ему и финляндским друзьям. Смирнов видел, что мысли Ильича далеко, в Тампере, в Рабочем доме, где соберутся делегаты партийного съезда, чтобы решить самые насущные задачи российского рабочего класса в условиях революционного подъема.

В стокгольмскую редакцию шведского социал-демократического журнала «Бранд» («Пожар») пришли двое мужчин. Один из них спросил по-французски, можно ли им увидеть господина Бергегрена. Бергегрен встал из-за стола, взял лист бумаги, поданный вошедшим. Это было письмо из Женевы, написанное по-немецки 29 декабря 1905 года представителем ЦК РСДРП. В письме содержалась просьба к Хинке Бергегрену помочь подателям письма Павлову и Гаврилову разыскать в Гельсингфорсе товарищей Виктора или Паульсона.

Автором письма была Е. Д. Стасова.

Бергегрен заказал русским товарищам билеты на пароход, отходивший в этот день в Финляндию, а вечером, проводив их, позвонил в Гельсингфорс Смирнову и сообщил: «Сегодня в ваш адрес отправлены две книги на русском языке».

На другой вечер в квартиру на Елизаветинской постучали двое мужчин. Они спросили Паульсона. Смирнов устроил их на ночлег к знакомому финну.

Павлов и Гаврилов на другой же день уехали в Петербург. Смирнов не спросил их настоящих фамилий, это

было не принято. В конце 1905 года через его квартиру прошли сотни людей. Одни возвращались из эмиграции в революционную Россию, другие ехали по заданию партии за границу изыскивать средства и закупать оружие для рабочих боевых дружин. Многие из проезжавших не имели денег на билет до Петербурга, и Смирнов ссужал их из тех средств, что удалось собрать в Финляндии, а иногда — из своей зарплаты. Он устраивал их на ночлег, через знакомых в полиции помогал приобрести нужные документы.

Многие большевики-подпольщики впоследствии с благодарностью вспоминали Паульсона, его заботу о них в Гельсингфорсе.

БУРЕВЕСТНИК РЕВОЛЮЦИИ

19 января (1 февраля) 1906 года помощник начальника Финляндского жандармского управления по Нюландской губернии ротмистр Лявданский вызвал к себе в кабинет унтер-офицера Закачуру и филера Веца.

— Важное задание! — сказал он.— Сегодня в Финском театре будет выступать Максим Горький. Посылаю вас в театр. Не пропускайте ни одного слова этого бунтовщика. Вот вам билеты. Завтра утром жду рапорт.

Вечером Закачура и Вец встретились в конце Александровской улицы и пошли к театру. Снег похрустывал под ногами, легкий февральский морозец пощипывал щеки. Закачура, огромный, широкоплечий украинец, стуча каблуками сапог, шагал впереди, а долговязый и жилистый Вец плелся за ним.

Фасад театра был ярко освещен. На афише издалека можно было разобрать: «Сегодня, 1 февраля 1906 года,— литературно-музыкальный вечер с участием Максима Горького». Закачура и Вец постояли возле афиши, вглядываясь в лица прохожих, а затем предъявили билеты

контролеру, разделись и пошли на свои места в заднем ряду партера.

Зал быстро наполнялся и празднично гудел. У входной двери образовалась какая-то толкучка. Зрители покупали книжечки с красными обложками. «Что это? Сходи купи!» — приказал Закачура Вецу. Тот нехотя встал и побрел к двери.

В это время огромный зал содрогнулся от аплодисментов. По лестнице на сцену поднималась группа людей. Впереди шел высокий сутулый мужчина с вислыми усами. Это был Максим Горький. Он бережно поддерживал под руку хорошо известную в Финляндии артистку Московского Художественного театра Андрееву. За ними на сцену поднимались писатель Скиталец и финский художник Галлен-Каллела.

В первом ряду Закачура заметил знакомого. Это был интеллигентный господин с темными усами и бородой. Фамилию его Закачура вспомнить не смог. Мужчина сидел рядом с лектором университета Смирновым. Это Закачура успел заметить. В тот же миг свет в зале погас.

Дирижер Каянус взмахнул палочкой, и оркестр заиграл какую-то мелодию. «Увертюра Римского-Корсакова «Светлое Христово Воскресенье»,— прочел Закачура в программе. «Гм... знаем мы это Христово Воскресенье. Небось на прошлогоднее 9 января намек. Надо выяснить, что это за сочинитель Римский-Корсаков...» — катились тяжелые, как жернова, мысли в голове жандармского унтера.

Тут вернулся на свое место Вец с красной книжечкой в руке. Это оказалась сказка Горького «Товарищ!», написанная им специально к сегодняшнему вечеру. Закачура углубился в чтение.

Тем временем оркестр умолк, раздвинулся занавес, и молодой человек начал читать со сцены по-фински стихотворение. Финского языка Закачура не знал. А зал слушал внимательно. Известный финский поэт Эйно Лейно

читал специально написанную к вечеру поэму «Москва», посвященную российским революционерам. Автору долго и горячо аплодировали.

Затем на сцену вышел Скиталец. Он читал свои стихи.

Перед занавесом появилась Андреева. В зале зазвучал ее мелодичный, сильный голос:

Кто за нас, иди за нами,
И сомкнутыми рядами
Мы пройдем над головами
Опрокинутых врагов.
Кто за нас, иди за нами,
Чтобы не было рабов!

Под конец вечера на сцену вышел Горький. Он остановился перед рампой и, смущенно улыбаясь, ждал, когда умолкнут аплодисменты. Наконец в зале стало тихо. Глухой голос со сцены было хорошо слышно даже в заднем ряду, где сидели Закачура и Вец. Сильно упирая на «о», Горький читал:

«То там, то тут вспыхивал огонек, призванный разгореться в пламя, которое объемлет землю ярким чувством родства всех людей ее. Объемлет всю землю и сожжет и испепелит злобу, ненависть и жестокость, искажающие нас, объемлет все сердца и сольет их в единое сердце мира,— сердце правдивых, благородных людей, в неразрывно-дружную семью свободных работников».

В зале расцвели тысячи красных гвоздик — зрители раскрыли книжечки и следили по тексту сказки за тем, как автор читал ее.

Горькому устроили восторженную овацию. Группа гимназистов преподнесла ему лавровый венок. На алой ленте было написано по-русски: «От школьной молодежи».

Мощно грянула «Марсельеза». В едином порыве зал встал и запел. Пришлось подняться и жандармским филерам в заднем ряду.

У выхода из театра Горького ожидала огромная толпа. Как только он вышел, раздалось многоголосое «ура!». Закачура решил протиснуться поближе к Горькому, чтобы узнать, кто его сопровождает, но сильная рука сзади схватила его за воротник пальто:

— Эй, ты! Куда? Жандармам здесь делать нечего! — и увесистый, как булыжник, кулак прижался к носу Закачуры. Тот огляделся. Его окружили молодые, здоровые парни с красными повязками. Их вид не предвещал ничего хорошего.

— Да вы что? — захныкал Закачура неожиданно тонким голосом.— Какой я жандарм! Хотел поближе разглядеть любимого писателя...

Подошел мужчина, сидевший в первом ряду. Он был одет в щегольскую шубу. И тут Закачура узнал его. Это был Буренин Николай Евгеньевич, сын богатой помещицы, которая владела имением у границы Финляндии и России. Закачура не знал, что Н. Е. Буренин был членом Боевой технической группы при ЦК РСДРП(б) и что именно он был организатором вечера в Гельсингфорсе с участием Горького.

— Алпо, отпустите его,— сказал Буренин молодому здоровяку, задержавшему Закачуру.— Пусть убирается!

Закачура под свист и улюлюканье молодых финнов бросился к вокзалу. А Вец шел в толпе за Горьким, никем не узнанный. Толпа провожала писателя до гостиницы и пела «Марсельезу».

В ресторане гостиницы «Сосьете» на банкет в честь Горького собрался весь цвет финской интеллигенции. Присутствовал на банкете и Смирнов. От имени финнов тост произнес профессор Гельсингфорсского университета Мандельштам. Он заявил:

— Горький вызывает чувства симпатии в Финляндии, так как он является передовым борцом за свободу.

...Ротмистр Лявданский недоволен. Посланные им вчера на вечер в театр Закачура и Вец представили рапорт, из которого мало что можно было выбрать для донесения начальнику управления генералу Фрейбергу. А ведь нужно найти весомые слова, дать оценку. Как-никак финны чествовали государственного преступника.

Ротмистр подошел к окну, посмотрел на заснеженный двор и сел за стол. Еще раз прочитал отчет о вечере в газете «Хювюдстадсбладет», перелистал рапорт Закачуры и Веца и решительно взялся за перо. В донесении он отметил, что вчерашний вечер в Финском национальном театре был организован «в пользу якобы пострадавших во время мятежей в России. В сущности,— подчеркнул Лявданский,— сбор должен поступить на революционное дело в России».

Ротмистр продолжал:

«Из выдающихся участников вечера были: Максим Горький (Алексей Пешков), Скиталец и Мария Андреева... Публики набрался полный театр; многие желающие даже не смогли получить билетов. Большинство публики составляли бежавшие из России революционеры — русские, евреи, латыши, эстонцы и т. п. Много было и местных русских, как-то: проживающие в г. Гельсингфорсе русские студенты, почти весь учительский и учащийся персонал русской гимназии, исключая директора, несколько офицеров и несколько нижних чинов флота и писарей некоторых военных учреждений. Довольно много было также финнов и шведов, но большинство таких, которые понимали русский язык».

Лявданский выражал неудовольствие тем, как тепло встречали зрители Горького. «Когда он вышел, публика кричала: «Да здравствует Максим Горький, брат свободы!» и тому подобное»,— отмечено было в донесении.

В тот же день генерал Фрейберг отправил донесение о выступлении Горького генерал-губернатору Н. Н. Герарду, а также в Петербург, в департамент полиции.

...Утром 20 января (2 февраля) 1906 года у двери гостиничного номера, в котором жил Горький, раздался звонок.

— Алексей Максимович, к вам можно? — Смирнов открыл дверь.

— Входи, входи, Владимир Мартынович,— ответил Горький, идя навстречу.

— Я не один, Алексей Максимович. Гостей к вам привел.

— Гостям мы всегда рады,— сказал Горький и пожал руки вошедшим вслед за Смирновым Юрье Сирола и Карлу Вийку.— Сейчас что-нибудь на стол сообразим. Маруся, у меня гости, закажи из ресторана кофе и бутербродов каких-нибудь! — крикнул он Марии Федоровне Андреевой, находившейся в соседней комнате.

— Хорошо! — раздался голос Андреевой.

Сели за круглый полированный стол, стоявший у окна.

Смирнов переводил. Он сказал, что представители Социал-демократической партии Финляндии пришли для того, чтобы попросить Горького выступить перед рабочими. Горький вышел в соседнюю комнату посоветоваться с М. Ф. Андреевой и, возвратившись, согласился.

В это время официант принес поднос с кофе и бутербродами. Разговор зашел о революционных событиях в России и Финляндии. Горький высказал твердое убеждение в том, что революция неминуемо победит.

Договорились назначить вечер на воскресенье 22 января (4 февраля), наметили программу.

Под конец разговора Горький попросил Смирнова остаться.

— Есть у меня идея, Владимир Мартынович, издать сборник статей о рабочем движении в Финляндии. Заказать статьи местным социал-демократам, перевести их на русский язык и издать в Петербурге. Материальную сторону я беру на себя. Ну а переговоры с авторами, сбор статей, переводы — это лучше тебя никто не исполнит.

Ты всех здесь знаешь, и статьи литературно выправить сможешь.

— С удовольствием, Алексей Максимович! — воскликнул Смирнов.— Это было бы очень полезно и для финляндских и для российских социал-демократов, ибо в России пока мало кто знаком с условиями работы здесь, в Финляндии.

— Ну вот и договорились. А деньги на расходы тебе переведут,— закончил беседу Горький.

Он не забыл своего обещания, вскоре написал ведавшему его финансами К. П. Пятницкому в Петербург, чтобы тот перевел В. М. Смирнову в Гельсингфорс для подготовки сборника 750 рублей.

Смирнов выполнил задание Горького, подготовил такой сборник. В нем были статьи Ю. Сирола, Э. Гюллинга и других руководителей финляндского рабочего движения. Рукопись была переправлена весной 1907 года для подготовки к печати в Петербург, но случилось непредвиденное: ее конфисковали во время обыска на одной из частных квартир. Она попала в руки охранки и бесследно исчезла...

В воскресенье днем в гельсингфорсском парке Кайсаниеми состоялся парад Красной гвардии. После парада одна из частей Красной гвардии во главе с Иоганном Коком направилась со знаменами и оркестром к гостинице «Кемп», где жил Горький. По команде Кока красногвардейцы выстроились шпалерами вдоль улицы от гостиницы до Дома пожарной охраны, в зрительном зале которого должен был состояться литературно-музыкальный вечер с участием Горького.

В половине пятого вечера к гостинице подошла группа студентов со знаменами. Студенты пели перед окнами гостиницы революционные и патриотические песни.

Когда из гостиницы вышел Горький, улица перед гос-

тиницей была запружена народом. Делегация студентов преподнесла писателю огромный букет цветов. От крыльца к саням вела ковровая дорожка. Увидев, что увитые красными гвоздиками сани — без лошадей, что за оглобли держатся десятки молодых финнов, Горький остановился и запротестовал:

— Я не могу, я пойду пешком. Не хочу, чтобы меня везли люди!

Перед Горьким встал начальник Красной гвардии, высокий, с широкой красной лентой через плечо. Он выпрямился по-военному и заявил официально:

— Народ этого требует!

И Горький подчинился народу, сел в сани.

Девушки бросали на заснеженную дорогу красные розы. Вокруг саней шли красногвардейцы с алыми лентами через плечо. Впереди несли знамена. Оркестр играл «Рабочий марш». Его звуки заглушались приветственными криками и гулом шагов тысяч людей, двигавшихся вместе с торжественным кортежем.

Никого и никогда не приветствовали так в Гельсингфорсе, как чествовали в эти дни пролетарского писателя Горького.

Закачура стоял в тесной толпе, видел, как Горького под шумные овации и крики «ура» на руках несли от саней до входа в Дом пожарной охраны. Сам он войти в зал не рискнул. У дверей стояла группа молодых парней с повязками. Среди них он заметил и скульптора Алпо Сайло, который узнал его в четверг возле Финского национального театра. И Закачура остался в толпе возле Дома пожарной охраны.

Смирнов, как и все зрители, не жалел ладоней, от души аплодируя выступавшим. В зале собралось около трех тысяч человек. Тепло встретили финляндские рабочие выступление М. Ф. Андреевой, которая прочла на финском языке стихотворение Рукавишникова «Кто за нас, иди за нами». Писатель социал-демократ Микко Уотинен про-

чел свою поэму, посвященную борьбе против царского самодержавия в России. С рассказом о революционном движении российского пролетариата выступила писательница Майла Талвио. Энтузиазм достиг предела, когда на сцену вышел Горький. Он прочитал сказку «Товарищ!». Юрье Сирола от имени трудящихся Финляндии горячо приветствовал Горького и в его лице — всех революционеров России. Глубоко взволнованный оказанным ему сердечным приемом, А. М. Горький писал в феврале 1906 года из Гельсингфорса Е. П. Пешковой:

«В Гельсингфорсе пережил совершенно сказочный день. Красная гвардия устроила мне праздник, какого я не видал и не увижу больше никогда. Сначала пели серенаду пред моим окном, играла музыка, потом меня несли на руках в зал, где местные рабочие устроили концерт для меня. В концерте и я принимал участие. Говорил с эстрады речь и, когда закончил ее словами: «Эляккеен Суомен тюэвястё!», что значит: «Да здравствует финский рабочий народ!»,— три тысячи человек встали, как один, и запели... «Наш край» — финский народный гимн. Впечатление потрясающее. Масса людей плакали... Все было — как в сказке, и вся страна, точно древняя сказка,— сильная, красивая, изумительно оригинальная».

Извозчик натянул вожжи, и копыта лошадей зацокали по камням Елизаветинской улицы. Горький посмотрел назад и, обернувшись к сидевшему рядом с ним в санях мужчине, сказал:

— Ловко мы их объегорили, Владимир Мартынович! Теперь долго меня не найдут. А то уж обнаглели, прямо на пятки наступают.

Смирнов сдвинул шапку на затылок и ответил, немного заикаясь:

— Могут еще догнать. Они вынюхивать мастера. Да и мой адрес им давно известен.

Извозчик остановился у серого пятиэтажного здания с квадратной аркой.

— Приехали, Алексей Максимович,— сказал Смирнов. Он расплатился с извозчиком и открыл дверь.

На втором этаже оба остановились перед дверью с металлической дощечкой: «Владимир Смирнов, лектор университета». На звонок открыла пожилая женщина.

— Вы знакомы, кажется, Алексей Максимович, с моей матерью? Виргиния Карловна,— сказал Смирнов, когда он и Горький вошли в прихожую.— А ты, наверно,— обратился он к матери,— узнала нашего гостя?

— Конечно, узнала,— ответила Виргиния Карловна.— Весь Гельсингфорс о нем только и говорит.

В это время открылась дверь кабинета и в прихожую вошел Ленин.

— Слышу голос Владимира Мартыновича,— сказал он.— Все благополучно?

— Прибыл с гостем, Владимир Ильич,— сказал Смирнов.

Ленин подошел, пожал руку Горькому, подождал, пока тот снимет шубу, и пригласил писателя пройти в комнату.

— А ты, Вольдемар, почему не раздеваешься? — спросила Смирнова мать.

— Пойду посмотрю, нет ли «хвоста». А ты, будь добра, приготовь нашим гостям чаю.

— Самовар уже кипит. Не волнуйся.

Смирнов вышел на улицу. На противоположной стороне внимательно рассматривали витрину магазина два субъекта. Вернувшись домой, Смирнов зашел в кабинет. Ленин сидел за письменным столом, Горький разместился на диване, спрятав свои длинные ноги под книжный столик.

— Ну как, чисто? — обернулся Ленин в сторону вошедшего Смирнова.

— Нет, Владимир Ильич. Есть «хвост». Можете по-

смотреть сами.— И Смирнов указал на окно. Из-за полуопущенной шторы было видно, как филеры шарили взглядами по окнам дома, вглядывались в прохожих.

— Да, крепко они прилипли к вам, Алексей Максимович,— сказал Ленин.— Надо отрываться от них всерьез и поскорее уезжать из Финляндии за границу. Владимиру Мартыновичу его знакомые из местной полиции сообщили, что петербургское начальство предложило местному генерал-губернатору выдать Горького жандармам на расправу. Не так ли, Владимир Мартынович?

— Знающий человек сообщил, ему можно верить,— подтвердил Смирнов.

— Вот видите,— продолжал Ленин.— Департамент полиции не может забыть, что Горький делал во время Декабрьского вооруженного восстания в Москве, он не простит ваших выступлений здесь, в Гельсингфорсе. Ведь вы, батенька, всю Финляндию взбудоражили. Читаю газеты — и радуюсь за вас. Могучую силу личного влияния несете вы в себе! Говорят, каждый, кто был на вечерах, получил от Горького мощный эмоциональный и революционный заряд.

— Наговаривают на меня,— смущенно забасил Горький.— Преувеличивают мои слабые возможности. Просто люди здесь замечательные. Чем больше в Финляндии живу, тем больше встречаю друзей. А страна какая! Не уезжал бы отсюда никуда!

— Страна изумительная и людьми хорошими богата, это верно,— согласился Ленин.— Финны оказывают большую помощь российским революционерам, видя в них своих союзников в борьбе против царизма. Ведь царизм постоянно нарушает конституцию Финляндии, попирает права финнов. И ваши слова о российской революции, произнесенные в эти дни перед тысячами финнов, пали на благодатную почву. Да, большую вы провели работу здесь, Алексей Максимович. Надо полагать, что после ваших выступлений число наших добровольных помощни-

ков среди финнов умножится. Они лучше стали понимать наши задачи и наши нужды. Нельзя забывать и другое. Буренин говорил мне, что только два литературно-музыкальных вечера в Гельсингфорсе дали в кассу нашей партии довольно значительную сумму. А деньги нам сейчас так нужны! Рабочие требуют оружия, мы обязаны его приобрести.

— Можно такие же вечера организовать в Або и Таммерфорсе,— предложил Горький.

— Это было бы замечательно, но мы не можем больше рисковать вашей безопасностью. Смирнов рассказывал мне, что вас охраняет целая дружина былинных финских богатырей. Но у царской охранки руки длинные. Вы это на собственном опыте знаете. Жандармы побоятся арестовать вас здесь, но могут устроить какую-нибудь грязную провокацию.

— Да, я этих господ знаю. Имел удовольствие познакомиться. От них можно ожидать любой гадости,— согласился Горький.

— Ну вот, и не нужно испытывать судьбу слишком долго. Надо внять предупреждению финских друзей и скрыться от преследования охранки. Например, уехать в какое-нибудь имение. Есть такая возможность, Владимир Мартынович?

— Конечно, Владимир Ильич! — ответил Смирнов.— Буренин вполне может это устроить. У него много знакомых среди финских помещиков. Они ему не откажут, я уверен. Тем более что речь идет о Горьком. Каждая финская семья почтет за честь пригласить к себе в гости знаменитого писателя.

— Вот и прекрасно,— прихлопнул Ленин ладонью по столу.— Вы, Алексей Максимович, скроетесь на время от назойливых глаз, отдохнете. А наши друзья Смирнов и Буренин будут готовить с помощью финнов ваш безопасный отъезд за границу. Другого выхода нет. Возвращаться в Россию все равно что самому совать голову в пасть

медведю, жить здесь — тоже опасно. Остается одно — заграница.

Горький откинулся на спинку дивана и сказал:

— Признаться, боюсь я этой самой заграницы, Владимир Ильич. Как представлю, что вокруг меня никто по-русски не говорит, так мороз по коже. Как же я-то? Я к людям привык, без людей не могу. Тем более я к языкам неспособен, давно в этом убедился.

— Эмиграция — тяжелое испытание, вы правы,— ответил Ленин.— Но и в эмиграции можно жить, если работать, а не хныкать и не распускать нюни, как это делают некоторые российские интеллигенты. А у вас будет много работы, в этом можете не сомневаться. Во-первых, вы продолжите важное дело, которое начали здесь: будете рассказывать трудящимся Европы и Америки о российской революции, вербовать сторонников и помощников. Во-вторых, ваш авторитет можно использовать и для того, чтобы помешать выделению западными странами кредитов царизму для подавления революции. Многие в Западной Европе, в том числе и рабочие, не сознают, что французские и английские капиталисты, давая деньги царю, помогают тем самым самодержавию утопить в крови революцию. Сорвать эти планы — вот на что хорошо было бы нацелить общественность европейских стран. В-третьих, материальная сторона. Наша партия очень нуждается в средствах. Они необходимы прежде всего для вооружения пролетариата, для издания нелегальных газет. И это еще не все. За границей, выбрав тихое местечко, вы могли бы спокойно писать, работать над своими произведениями. В России вам будут постоянно мешать. Вы многое видели и пережили. Рассказать миру о российской революции языком образов — это тоже важная партийная задача. И наконец, ваше здоровье. В Европе есть хорошие врачи, которые сумеют вас подлечить. Ваше здоровье, Алексей Максимович, не ваше личное дело. Вы и ваше здоровье очень нужны трудовому народу России. Поэтому отнеси-

тесь к лечению как к важному партийному поручению. Как видите, скучать за границей вам будет некогда.

— Да, поручение вы мне даете непростое,— сказал Горький.— Трудновато мне будет. Но попробую, постараюсь. Хорошо бы мне только помощника подобрать порасторопнее. Нужен кто-то, чтобы организационными делами занимался.

— Это верно,— согласился Ленин.— Мы об этом подумаем с Красиным. Найдем подходящего товарища. А вы пока обдумайте мое предложение. Хорошо? Будем держать связь через Смирнова и Буренина. Договорились?

— Договорились, Владимир Ильич,— ответил Горький.

— Вольдемар, пришли двое,— прошептала, открыв дверь, Виргиния Карловна. Смирнов вышел в прихожую. Там стояли два субъекта, дежурившие под окнами. Это были Закачура и Вец.

— Здравствуйте, господин лектор,— сказал Закачура, сняв шапку.— Мы из пожарной охраны. Пришли проверить дымоходы. Много сажи скопилось. Может загореться. Покажите, пожалуйста, где у вас печи.

Голова Смирнова лихорадочно работала. Что делать? Как выпроводить непрошеных гостей? Закачура, заметив минутную растерянность хозяина квартиры, злорадно улыбнулся:

— Позволите начать осмотр?

— Нет! — сказал Смирнов.— Тут какое-то недоразумение. У нас проверяли дымоходы на прошлой неделе.

— Как же так, господин лектор? Я справлялся у дворника. Он говорит, давно никого из пожарников не было,— наступал Закачура.

— Дворник не знает. Я сам приглашал,— настаивал Смирнов.

— Смотрите, вы играете с огнем,— пригрозил Закачура.

— Не беспокойтесь, господа пожарные. Не сгорим. Нам самим жить хочется.

Смирнов открыл входную дверь, приглашая Закачуру и Веца выйти. Тем ничего не оставалось, как последовать этому вежливому, но настойчивому приглашению.

Как только дверь за ними закрылась, Смирнов начал крутить ручку телефона, стоявшего на столике в прихожей:

— Слушай внимательно,— говорил он кому-то по-шведски.— Возле моей квартиры два жандармских шпика. Нужно их убрать. У меня важные гости. Ты понял? Нужно обеспечить охрану. Что? Не надо убивать. Просто попросить их уйти, и все. Думаю, что этого будет достаточно. Я надеюсь на тебя!

Через час Горький и Смирнов вышли на улицу.

— А ведь филеры-то сменились! — заметил Горький.

— Сменились, Алексей Максимович, — согласился Смирнов.— Смотрите, теперь дежурят с повязками. Они проводят вас до самой гостиницы.

— Красногвардейцы? — удивился Горький.— А где же те двое? Ну и дела!

Ленин наблюдал в окно, как двое мужчин, стоявших на противоположной стороне улицы, пошли вслед за Горьким и Смирновым.

— Ну, Виргиния Карловна, спасибо за гостеприимство,— сказал он хозяйке.— Мне тоже пора.

— Погостили бы у нас,— сказала хозяйка.

— Спасибо, но сейчас спешу. Дела. Передайте, пожалуйста, мой привет Владимиру Мартыновичу. И вот это.

Он вынул из кармана пальто сложенную вчетверо пачку исписанных листков.

— Пусть отдаст перепечатать. А книги из библиотеки я ему позже верну.

Ленин вышел на улицу, огляделся и спокойно зашагал по направлению к железнодорожному вокзалу. Он много раз бывал здесь и хорошо знал дорогу.

— Горький пропал, ваше превосходительство,— доложил ротмистр Лявданский генералу Фрейбергу. Генерал недовольно поднял от бумаг глаза на подчиненного:

— Как это «пропал»? Вам же было приказано не спускать с него глаз! Куда он делся?

— Не могу знать, ваше превосходительство. Лучших агентов посылал следить за ним. И вот — потеряли.

— Вы мне за это ответите! — закричал Фрейберг.— Вы знаете, что меня о нем из Петербурга запрашивают? Что я буду отвечать?

Лявданский стоял навытяжку, ни жив ни мертв.

Генерал встал из-за стола, прошелся вокруг подчиненного, меряя его злым взглядом.

— Потрудитесь найти, сударь,— процедил он сквозь зубы.— Потрясите агентуру, не жалейте денег. Установите наблюдение за пароходами в Або. Я дам указание моему помощнику в этом городе, он вам окажет содействие.

— Слушаюсь, ваше превосходительство,— вытянулся Лявданский.

Через полчаса он отводил душу на Закачуре и Веце.

— Испугались красногвардейцев, подлецы. Я вам храбрости вложу! — кричал он на филеров.— Потеряли след важного государственного преступника! Да вы знаете, что с вами будет? Сами под суд пойдете, если не найдете, где он!

Ни генерал Фрейберг, ни ротмистр Лявданский не подозревали, что они «прозевали» в Гельсингфорсе в эти дни еще более известного революционера — вождя большевистской партии В. И. Ленина.

...12 (25) февраля 1906 года по заснеженной лесной дороге в сторону Або мчались трое саней. Отличные кони легко взбегали на пригорки и перелетали мосты. У пассажиров, закутанных в тулупы, на морозе разгорелись щеки.

— Смотри, какая красота,— сказала Мария Федоровна.— Лес — просто сказочный.

За тройками легко скользили несколько лыжников из группы скульптора Алпо Сайло. Время от времени из чащи на дорогу выбегал человек с винтовкой и отдавал Горькому честь. Это были часовые, расставленные финскими друзьями по всей дороге. Они отвечали за безопасность дорогого гостя.

— Недаром говорят, что финны родятся с лыжами на ногах,— сказал Горький, глядя на сопровождавших их лыжников.— Смотри, как легко они бегут.

— Да, финны молодцы. Никогда не забуду, как они нас приняли,— ответила Андреева.— Помнишь, Буренин устроил нас в имение Варена. Чтобы замести следы, мы заезжали в усадьбу Сааринена. Помню снежную дорогу, залитую лунным светом, грандиозные сосны в лесу... Все это как чудесный сон.

Вот и Або. Замелькали приземистые домики городских окраин. Крутой спуск вниз, к реке, и копыта лошадей застучали по настилу моста. Поворот влево — и дорога в порт идет мимо древнего собора, мимо старого замка. А вот и стокгольмский пароход. Возчики лихо осадили лошадей у самого борта парохода. Толпа провожающих при виде Горького оживилась. Лявданский, Закачура и Вец попытались прорваться к нему, но здоровые, плечистые финны организовали коридор, по которому Горький и Андреева прошли к пароходу, и все попытки ротмистра и его подчиненных пробиться сквозь кольцо финнов не увенчались успехом. Лявданскому оставалось лишь смотреть издали, как отъезжающие тепло прощались с провожавшими их финнами.

Горький, поднявшись на верхнюю палубу, поднял руки и крикнул:

— Някеми, Суоми! До свидания, Финляндия!

Ответные возгласы провожающих потонули в мощных звуках пароходного гудка. Судно медленно отчалило и взяло курс на запад, к шведским берегам.

Через несколько дней Ленин вновь зашел к Смирнову.

— Владимир Ильич, финские друзья только что сообщили, что Горький и Андреева благополучно прибыли в Стокгольм,— сказал ему Владимир Мартынович.

— Вот и отлично,— ответил Ленин.— Горький и за границей может очень и очень много сделать для революции. Это большое счастье, что у нас есть такой талантливый писатель, которого знает весь мир. К его голосу прислушиваются миллионы. Не зря рабочие называют его Буревестником революции.

СНОВА НА ЕЛИЗАВЕТИНСКОЙ

Смирнов писал впоследствии в своих воспоминаниях, что Владимир Ильич в 1906—1907 годах не раз, как старый знакомый, заходил к нему на квартиру, а иногда и останавливался во время своих приездов в Гельсингфорс. В эти дни допоздна горел свет в окне кабинета на Елизаветинской. Ленин за письменным столом Смирнова работал над статьями для большевистских газет.

Необходимые Ленину для работы книги и газеты приносил из университетской библиотеки Владимир Мартынович. Обычно Владимир Ильич вручал ему список литературы, и через некоторое время Смирнов возвращался с портфелем, набитым книгами и газетами.

Ленин в библиотеку сам не ходил. Это было опасно. В русском отделении библиотеки постоянно дежурил агент

жандармского управления фон Плато. Он сидел обычно в уголке, прикрывшись газетой, делая вид, что дремлет. На самом деле зорко следил за посетителями, прислушивался к разговорам. Смирнов знал, что из-за постоянной слежки в Петербурге Ленину пришлось 4 (17) декабря 1905 года перейти на нелегальное положение, что охранка принимает все меры для ареста вождя большевиков, и только благодаря строгой конспирации пока удается избежать слежки за ним здесь, в Финляндии.

Рукописи статей Ленина Смирнов относил для перепечатки в финляндский «императорский» сенат. Здесь, в отделе русских переводов, машинистки охотно брались за переписку в свободные часы русских материалов. Причем делали они это механически, не вчитываясь в текст. Если бы они знали, что перепечатывают статьи «государственного преступника», вождя большевиков!

Виргиния Карловна заботилась о госте. Каждый день, когда сын приходил домой с работы, сетовала, что «русский профессор» опять весь день не вставал из-за стола, а ведь это вредно. Полезно было бы ему прогуляться по улице, подышать чистым воздухом.

Смирнов передавал Ленину слова матери о необходимости прогулок, но тот отшучивался, говорил, что в свое время в ссылке нагулялся на всю жизнь, а теперь надо работать.

Бюрократическая машина российского государственного аппарата работала медленно. Более чем через месяц после отъезда Горького из Финляндии в Гельсингфорсе получили из Петербурга справки министерства внутренних дел на 12 человек, «которые или проживают в настоящее время в Финляндии, где занимаются революционной деятельностью, или приезжают туда по революционным делам». Среди них была справка и на Максима Горького. Прочитав ее, новый начальник жандармского управления

полковник Яковлев вызвал к себе своего помощника по Нюландской губернии ротмистра Лявданского.

— Вот, полюбуйтесь, ротмистр, кого вы упустили! — сказал Яковлев, когда Лявданский навытяжку стал у двери его кабинета.

Ротмистр подошел, взял в руки справку. В ней подробно рассказывалось о революционной деятельности «Пешкова Алексея Максимовича, мещанина, литературный псевдоним «Максим Горький». В конце справки говорилось: «В январе 1905 года Пешков привлекался при С.-Петербургском губернском жандармском управлении к дознанию по обвинению его в государственном преступлении. Основанием привлечения его к настоящему дознанию послужили агентурные сведения о принадлежности его к комитету, руководившему противоправительственными организациями по устройству повсеместных стачек и волнений путем подачи петиций об изменении государственного строя. Обыском, произведенным у обвиняемого по тому же делу присяжного поверенного Кедрина, была обнаружена рукопись, содержание коей сводится к изложению событий 9 января 1905 г., и в заключение автор приглашает всех граждан России к немедленной упорной и дружной борьбе с самодержавием, причем установлено, что автором этой рукописи является литератор Алексей Максимович Пешков».

Лявданский, положив справку на стол, стоял с виноватым видом, лихорадочно размышляя, как бы оправдаться. Затем заговорил:

— В дни пребывания Горького в Гельсингфорсе агентами замечено, что кроме финляндцев с ним часто встречались некоторые русские, и в первую очередь Николай Буренин, а также лектор университета Владимир Смирнов. Удалось установить, что именно он носит подпольную кличку Паульсон, которая часто встречалась в переписке финляндцев, коим проживание в Финляндии было запрещено.

— Смирнов? — переспросил Яковлев. — Это не тот ли профессор, о рассеянности которого среди студентов ходят анекдоты? Мне рассказывали, что он, входя в трамвай, снимает калоши и уезжает без них. Ха-ха! А вы его в революционеры зачислили!

— Дозвольте доложить, это только маска-с, — доказывал Лявданский. — Еще будучи студентом, он принимал участие в Петербурге в антиправительственных выступлениях, за что исключался из университета и сидел в «Крестах».

— Ну, если так, установите за ним постоянное наблюдение, — распорядился полковник Яковлев.

СЛЕЖКА УСИЛИВАЕТСЯ

Никогда еще Смирнов не чувствовал такого пристального внимания охранки к своей особе.

— Словно букашку под линзой рассматривают, — жаловался он заведующему русским отделением библиотеки Игельстрёму. — И здесь, на работе, и возле дома филеры дежурят, за каждым моим шагом следят.

— Возле Горького они вас зацепили, Владимир Мартынович, — отвечал Игельстрём. — До этого вы в тени держались, охранка вас и не примечала. А теперь, когда пребывание Горького здесь получило такой резонанс, местные жандармы землю носом будут рыть, чтобы оправдаться перед петербургским начальством и найти «соучастников». Так что вам пока, наверно, придется сократить свои связи, чтобы еще кого-нибудь не впутать.

— Придется, — согласился Смирнов.

В это время Владимира Мартыновича позвали в читальный зал. У входа стояла Стасова. Он смутился: вот и сократил связи! Но тут же взял себя в руки, подошел к ней и спросил:

— Мадемуазель, чем могу служить?

13*

— Я хотела бы посмотреть один из томов энциклопедии.

— Это можно,— ответил Смирнов.— Пожалуйте сюда!

Он подвел Стасову к полке, на которой выстроились тома с золотыми тиснениями на корешках, шепнул:

— Ждите меня на углу Александровской!

Стасова порылась в томах энциклопедии, вытащила из сумочки элегантный блокнот и карандаш, что-то записала, затем пошла к выходу. Сидевший на обычном месте в углу сыщик фон Плато проводил ее до двери взглядом, но со стула не встал. Смирнов скрылся в служебном помещении. Через несколько минут ему удалось выйти из библиотеки через другой выход. На углу Александровской, у трамвайной остановки, он увидел Стасову. Она спокойно стояла, поглядывая в сторону подходившего трамвая. Смирнов помог подняться ей в вагон и сел рядом.

— Чудесная погода, не правда ли? — спросил он ее.

— Да, сегодня в Гельсингфорсе совсем тепло,— ответила Стасова.— Но куда мы едем?

— В Кайсаниеми, в парк, Елена Дмитриевна,—ответил Смирнов.

Солнце пригревало. В воздухе стоял неумолчный птичий гомон. В парке они сели на одну из скамеек. Смирнов рассказал Стасовой об усилившейся за ним слежке.

— Это скверно,— заметила Стасова.— А я хотела зайти к вам на квартиру. Вот бы влопалась! Но без вашей помощи я вряд ли справлюсь с важным поручением, которое получила от ЦК. Решено проводить очередной съезд партии в Стокгольме. Мне поручили предварительно договориться со шведскими социал-демократами о том, где можно будет устраивать заседания, как и где разместить делегатов.

— Съезд в Стокгольме? — переспросил Смирнов.— Это, мне кажется, непростое дело. В последнее время, после по-

ражения вооруженного восстания, за границу выезжают десятки участников революционных событий, они пытаются спастись от преследований царского правительства. Многие едут через Финляндию, и финляндцы по нашей просьбе оказывают им посильную помощь. Судя по стокгольмским газетам, российские власти выражают недовольство тем, что эмиграция идет через Швецию, и в Стокгольме уже пытаются сдержать этот поток, полиция начала допрашивать в порту прибывших российских граждан. На допросах, как рассказывают, присутствуют агенты царской охранки.

— Ну что ж,— сказала Стасова.— То, что в Стокгольм прибывает такое количество эмигрантов, даже хорошо, делегаты в этом потоке могут приехать незамеченными. Мы предупредим их, чтобы они, во-первых, отправляясь в Стокгольм, приняли «европейский» вид, отказались от сапог, косовороток и других чисто российских атрибутов одежды. Мы посоветуем всем иметь надежные паспорта, не называть при допросе в шведской полиции своих настоящих фамилий. Это обезопасит их в какой-то степени от провала.

— Будем надеяться,— сказал Смирнов.— А о помощи в Стокгольме просить, я думаю, лучше всего Хинке Бергегрена.

— Но мы не можем обходить Брантинга, он же лидер социал-демократической партии.

— К нему вы зайдите, его надо поставить в известность о съезде, это верно. Но за практическими советами по поводу места работы съезда и расквартирования делегатов лучше обратиться к Бергегрену. Он, кстати, возглавляет созданный по его инициативе специальный комитет для помощи российским эмигрантам. Так что при необходимости и материальную помощь оказать может.

— Ну что же, дайте мне рекомендательное письмо к Бергегрену,— сказала Стасова.— Я сегодня же выеду в Стокгольм, выясню, как там обстоят дела.

— Мы встретимся на вокзале перед отходом поезда, хорошо? — предложил Смирнов.— Я принесу письмо.

— Договорились,— согласилась Стасова.— Но у меня к вам еще одно дело. Ильич собирается на днях приехать в Гельсингфорс. Он хотел здесь спокойно поработать над проектами документов съезда, еще раз обдумать платформу партии. Между прочим, планировал остановиться у вас. А теперь, после того, что вы рассказали, боюсь, что не стоит ему у вас останавливаться. Как бы беды не было. Опытный он конспиратор, но, коль за вами ходят «хвосты», они сразу вцепятся в нового человека, могут проследить его до Стокгольма, а там весь съезд провалят. Так что надо отсоветовать ему появляться у вас. Но где бы его разместить? Он в Петербурге измучился от постоянной слежки, так мечтает о гельсингфорсском тихом уголке...

— Надо подумать,— сказал Смирнов.— Квартиру мы ему найдем. Тихую и спокойную. Да, у меня ему появляться действительно опасно. Вы правы.

НА СТУДЕНЧЕСКОЙ КВАРТИРЕ

Желтый четырехэтажный дом с башенкой на углу Горной улицы. Внизу, под горой, спешат пешеходы, раздаются звонки трамваев, но сюда городской шум почти не доносится. Горная улица узенькая, тихая. Если идти по ней прямо, то через несколько минут по Бергманской улице можно выйти к обсерватории, к заливу. Вяйне Хаккила и Севери Аланне, два молодых человека, оба — члены молодежного социал-демократического союза, снимали холостяцкую квартиру на первом этаже этого дома. Однажды, в конце марта 1906 года, у них появился квартирант, мужчина средних лет. Он представился как доктор Вебер, хотя Севери и Вяйне сказали в руководстве союза, что у них остановился один из руководителей Российской социал-демократической рабочей партии.

Настоящего имени доктора Вебера они спросить и не подумали, ибо им были известны правила конспирации. Если прибывший из Петербурга товарищ назвал себя доктором Вебером, значит, так нужно. Молодые люди знали, что после поражения московского вооруженного восстания царское правительство обрушило на российских социал-демократов жестокие репрессии. Многие брошены в тюрьмы, некоторым из них грозит смертная казнь. Прибывший товарищ наверняка имел все основания скрывать свое настоящее имя.

Доктор Вебер финским студентам понравился. Он был старше и гораздо опытнее их, знал о социализме больше, чем они оба, вместе взятые, но был человеком скромным, ничем не показывал своего умственного превосходства. Он довольствовался очень простой пищей, спал на раскладушке, никуда не выходил. Когда вечером студенты приходили домой, они каждый раз заставали доктора Вебера за столом, заваленным книгами и бумагами. Севери Аланне както спросил, над чем работает доктор Вебер, и квартирант ответил, что готовится к партийному съезду, который состоится скоро в Стокгольме. Севери Аланне вспоминал позднее:

— Нам, молодым социалистам, опыт которых был небольшим, никогда не приходило в голову, чтобы какой-нибудь социалист мог так тщательно готовиться к съезду, неделями обдумывая вопросы на случай дебатов, которые могли возникнуть.

Но доктор Вебер не был затворником. На другой же день после того, как он поселился на студенческой квартире, к нему пришел гость, лектор университета Смирнов.

— Здравствуйте, Владимир Ильич,— сказал он.— Я должен извиниться перед вами...

— Все правильно, Владимир Мартынович,— перебил его Ленин, крепко пожимая руку.— Все правильно. Надо быть осторожным. «Хвосты» мне и в Петербурге осточертели. А тут еще местные привяжутся. Я и здесь веду себя

архиосторожно, никуда не показываюсь. Да что я все о себе? Как у вас дела?

Смирнов рассказал о своей встрече со Стасовой. Долго беседовали о положении в Финляндии. Трудящиеся страны продолжали борьбу за создание однопалатного сейма, который избирался бы всеми гражданами на основе прямого, равного избирательного права при тайном голосовании, в то время как представители буржуазии, получив большинство мест в сейме, старались затянуть решение этого вопроса. В начале марта был опубликован проект предложения о сеймовом уставе и законе о выборах в Финляндии, составленный сенатом, в котором были одни конституционалисты. По этому проекту возрастной ценз предлагалось установить не с 21 года, как намечалось ранее, а с 24 лет, то есть значительная часть граждан лишалась права голоса. Этот проект вызвал возмущение в Финляндии. 15 и 17 марта (н. ст.) в Гельсингфорсе состоялись демонстрации протеста. Рабочие требовали, чтобы сейм отверг ограничения, предложенные сенатом. Во второй половине марта по стране прокатилась волна митингов и демонстраций против урезываний демократического закона о выборах и о сейме.

— А какую роль играет Красная гвардия в этих событиях?

— Красная гвардия неизменно выступает на стороне рабочих, ее ряды значительно выросли в последнее время.

— Командир ее — все тот же великан с огромными усами?

— Да, Владимир Ильич. Капитан Кок пользуется авторитетом у финляндских рабочих.

— Не могли бы вы пригласить его ко мне как-нибудь на днях?

— Постараюсь. Если, конечно, он не болен и в городе. Да, как вы здесь, Владимир Ильич? Может быть, что-то нужно, продукты например? Какое впечатление у вас от хозяев? — спохватился Смирнов.

Ленин отмахнулся:

— Все хорошо, Владимир Мартынович, не беспокойтесь. Здесь тихо, спокойно. Хозяева мои целыми днями пропадают на занятиях, так что я работаю, сколько хочу.

Ленин попросил Смирнова помочь Стасовой в организации проезда делегатов съезда через Финляндию. Сказал, что в Стокгольм для приема делегатов решено направить Дяденьку — Л. М. Книпович. Она знает шведский язык, человек энергичный, хозяйственный. А вот в Або и Ганге хорошо бы через местных социал-демократов найти квартиры, явки, подобрать надежных людей, знающих русский язык, чтобы они смогли в случае необходимости прийти на помощь проезжающим делегатам.

Смирнов знал, что Е. Д. Стасовой помогает В. И. Богомолов, но Ленин прав: хлопот с устройством приезжих много.

Владимир Ильич вручил Владимиру Мартыновичу список нужной ему литературы и попросил приносить свежие петербургские газеты.

На другой день Смирнов выехал в Або. На Садовой улице нашел небольшой двухэтажный серый дом, поднялся на второй этаж. Дверь открыл высокий мужчина с усами.

— Здравствуйте! Вам привет от Карла Вийка и Вальтера Шёберга,— сказал Смирнов.

— Здравствуйте,— ответил хозяин.— За привет, да еще от хороших знакомых, спасибо. Чем могу служить?

Смирнов знал, что Вальтер Борг был коммерсантом, имел влияние в пароходной компании «Боре», был знаком с капитанами пароходов. Об этом ему рассказывали Вийк и его новый знакомый — гельсингфорсский «активист» Вальтер Шёберг, с которым Смирнова и Буренина во время пребывания Горького в Гельсингфорсе свел художник Галлен-Каллела. Смирнову было известно и то, что Вальтер Борг был социал-демократом, оказывал помощь российским политическим беженцам.

Пока Ида, жена Борга, готовила кофе, Смирнов и Борг разговорились. У них оказалось в Гельсингфорсе много общих знакомых.

Смирнов рассказал о готовящемся съезде в Стокгольме и о том, что в апреле через Або поедет группа делегатов, просил, по возможности, подыскать им недорогое жилье в Або, а также устроить на пароход.

Борг обещал помочь.

— Есть у нас надежные люди,— сказал он.— Примем, отправим в Стокгольм и на обратном пути встретим, не беспокойтесь. Пусть Стасова и Богомолов свяжутся со мной, я помогу им установить контакты с нужными людьми. В частности, делегатов можно устроить в дешевый дом приезжих, который содержит на Русскоцерковной улице Петерсон. Это проверенный человек.

Огромный, широкоплечий Иоганн Кок, казалось, заполнил собой всю маленькую прихожую. Он стоял у двери, сжимая в руках кепку, и улыбался. Ленин пригласил его и Смирнова войти в комнату, усадил на диван, сам сел к столу. Начал расспрашивать командира Красной гвардии:

— Простите, как вы сейчас считаете, революция идет на убыль или она все еще на подъеме?

— Конечно, на подъеме,— не колеблясь ответил Кок.— Ведь финляндские рабочие пока не добились удовлетворения своих требований об однопалатном сейме. Мы держим отряды Красной гвардии в состоянии мобилизационной готовности, чтобы они в любую минуту могли выступить на защиту интересов рабочих.

— А какова численность Красной гвардии?

— Сейчас — до 25 тысяч человек. После всеобщей забастовки отряды Красной гвардии созданы почти во всех городах и поселках страны.

— Чем занимаются отряды на местах?

— Военной подготовкой. Изучают оружие, занимаются строевой подготовкой, учатся стрелять.

— А оружия хватает?

— Пока не хватает, но мы постоянно приобретаем его различными путями, завозим из-за границы, покупаем.

— Не скажете, на каких принципах устроена Красная гвардия?

Иоганн Кок подумал, потом полез в карман пиджака, вынул листовку на русском языке:

— Вот, мы отпечатали устав Красной гвардии на русском языке, можете подробно ознакомиться.

Ленин с интересом начал читать листовку. «Назначение Красной гвардии в настоящее время — защищать жизнь граждан, государственное и частное имущество от всякого насилия, также во время возможной всеобщей забастовки защищать мирные демонстрации рабочих, свободу слова, печати и собраний против подавления таковой, с чьей бы стороны оно ни исходило»,— прочел он. Помолчал, вдумываясь в прочитанное.

— А как же защита революции, участие в вооруженном восстании?

— Вероятно, Красной гвардии придется решать такие задачи, но писать в устав этого нельзя, иначе власти сразу же распустят ее.

— Здесь говорится, что Красная гвардия действует согласно программе Социал-демократической партии Финляндии. Это значит, что каждый красногвардеец должен быть социал-демократом?

— Это само собой разумеется,— подтвердил Кок.

— А как же быть с теми, кто не знает и не разделяет программу СДПФ, но хочет бороться с оружием в руках против царского самодержавия?

Кок молчал.

— И дальше,— продолжал Ленин,— здесь сказано, что Красная гвардия будет распущена после созыва в Фин-

ляндии «основанного на всеобщей, равной, прямой и тайной подаче голосов учредительного однопалатного совета делегатов». Это что же, действительно, как только соберется однопалатный парламент, вы распустите Красную гвардию?

— Так сказано в уставе,— сказал Кок.

— А разве борьба на этом будет закончена и для рабочих наступит рай?

— Об этом как-то пока никто не думал,— сознался Кок, вытирая лоб огромным носовым платком. Ленин еще с полчаса расспрашивал его о положении в Красной гвардии и в стране, и тому нелегко было отвечать на прямые вопросы.

Владимир Ильич подверг принципиальной критике недостатки устава финляндской Красной гвардии, сужающего цели и задачи этого воинского формирования финляндского пролетариата. Он показал нелепость пункта о том, что уже сформированная, вооруженная и обученная Красная гвардия может быть распущена в тот момент, когда демократическая революция в России и Финляндии не только не идет на убыль, а, напротив, движется к новому подъему. Он подчеркнул, что интересы пролетариата, как передового класса современного общества, требуют беспощадной борьбы против конституционных иллюзий, которые распространяет либерально-монархическая буржуазия. Необходимым средством борьбы за свободу, сказал Владимир Ильич, является вооруженное восстание, и следует развить еще более энергичную деятельность по увеличению числа боевых дружин, причем организовывать не только партийные боевые дружины, но также из людей, примыкающих к партии, и даже из беспартийных.

После того как командир Красной гвардии ушел, Ленин взглянул на Смирнова:

— Ну, как дела?

— Вчера ездил в Або, договорился о проезде делегатов.

— Хорошо. У меня была Стасова, сказала, что в Ганге тоже подготовились к встрече, заранее сняли помещение.

— Да, там социал-демократ Ээро Хаапалайнен взял на себя руководство этим делом. Он довольно прилично знает русский язык.

— Ну а мне каким путем ехать?

— Отправим, Владимир Ильич. Думаю, лучше через Або. Только скажите за день до отъезда, чтобы я смог товарищей там предупредить.

Жандармы узнали о готовящемся съезде. Заведующий розыскной агентурой в Финляндии Меньшиков писал 10 марта 1906 года (ст. ст.) помощнику начальника Финляндского жандармского управления по пограничному пункту в Белоострове:

«По некоторым сведениям в текущем марте месяце (около 15-го числа) в Гельсингфорсе имеет состояться съезд представителей организаций Российской социал-демократической партии.

Ввиду сего, приняв со своей стороны необходимые меры розыска, я имею честь просить Ваше высокоблагородие, не признаете ли со своей стороны возможным распорядиться об усилении совершенно негласного наблюдения за прибывающими с поездами из г. Выборга русскими, из которых наиболее подозрительных можно будет проводить до места их остановки и затем не пускать по возможности из виду. Так как съезд будет, вероятно, многолюдным, человек 40—60, то, может быть, удастся выследить его участников, с тем чтобы при возвращении их в Россию представилось бы возможным опознавать их на границе и задерживать».

22 марта тот же Меньшиков доносил в департамент полиции, что, «по сведениям ротмистра Провольского (из Або), упомянутый съезд соберется 6 апреля в г. Выборге».

По другим сведениям, он «переносится будто бы за границу».

28 марта (ст. ст.) департамент полиции разослал начальникам жандармских управлений и охранных отделений циркулярную телеграмму, в которой предлагалось «принять меры к выяснению делегатов и сопровождать их до места съезда под наблюдением одного или двух филеров...».

Но меры, принятые охранкой, успеха не имели. Делегаты благополучно прибыли в Финляндию.

— Три недели мерзну на Елизаветинской зря,— жаловался унтер-офицеру Закачуре филер Вец.— Никто к лектору Смирнову не ходит. Никакой он не революционер. Чистый литератор, все с газетами и книгами ходит.

— Ротмистр Лявданский приказал следить за ним, а он знает, что делает,— наставительно заметил подчиненному Закачура.— Пока следи, а там видно будет.

В это апрельское утро Смирнов забежал на студенческую квартиру к Ленину.

— Все готово, Владимир Ильич. Вот билеты. В Або, я надеюсь, все будет в порядке. В Стокгольме на пристани делегатов встречают шведские социал-демократы. Они подойдут к вам. Пароль: «Бранд». Так называется журнал, который выпускает левое крыло Социал-демократической партии Швеции, возглавляемое Хинке Бергегреном. Они же взяли на себя заботу о расквартировании и питании делегатов. Впрочем, вам об этом, наверно, уже говорила Елена Дмитриевна.

— Да, говорила,— подтвердил Ленин.— Значит, я сегодня еду. Сейчас начну собираться. А вы меня, пожалуйста, не провожайте. Дорогу на вокзал я знаю прекрасно.

В вагоне Ленин читал «Хювюдстадсбладет», время от времени посматривая в окно. Поезд выехал за черту го-

рода, замелькали скалы, озера, мелкие селения. Вдруг Ленин почувствовал на себе чей-то внимательный взгляд. Неужели филер? Осторожно выглянул из-за газеты. Две девушки напротив с отсутствующим видом смотрят в окно. На сердце потеплело. «Конспираторы липовые. Наверно, студентки. Смирнов поручил проводить, не иначе». И опять углубился в газету.

Вот и Або. Поезд остановился в порту. Ленин не спеша закусил в портовом буфете, затем отправился на посадку. Благополучно прошел паспортный контроль. Заметил, что неподалеку стоят, изучают расписание пароходов те две девушки, что ехали с ним в одном вагоне.

Поднялся по скрипящим сходням на пароход, быстро нашел свою каюту, положил саквояж в шкаф и вышел на палубу. Матросы снимали сходни, толпа провожающих внизу дружно махала шляпами и платочками. Шум и крики покрыл мощный гудок парохода. Вскоре огни Або скрылись в ночи.

Вечером Смирнов с нетерпением ждал сообщения из Або. Наконец раздался телефонный звонок. Женский голос по-шведски сказал:

— Я из Або. Здесь все в порядке.

Смирнов успокоился. Ленин благополучно выехал в Стокгольм.

Из Ганге большая группа делегатов в сопровождении Ээро Хаапалайнена выехала на пароходе «Ойхонна». Ночью пароход сел в прибрежных водах на мель. Пассажиров перегрузили на спасательное судно и доставили обратно в порт. Лишь на другой день к вечеру они выехали на пароходе «Велламо» в Стокгольм. На борту этого парохода были М. Н. Лядов, А. В. Луначарский, М. В. Фрунзе, К. Е. Ворошилов, И. В. Сталин и другие делегаты съезда. Лядов писал позднее: «В Стокгольме нас встретили раньше прибывшие товарищи, в том числе Ильич».

...Ротмистр Лявданский спешил на доклад к полковнику Яковлеву.

Из Петербурга только что получена секретная депеша об аресте в апреле 1906 года члена Боевой технической группы при ЦК РСДРП Н. П. Сагредо. При обыске у него отобрали записную книжку с явками и адресами. Некоторые записи касались, по мнению ротмистра, связей в Финляндии и Швеции:

«О явках для делег... На имя Смирнова прислать 1000 р. у Кости... Через Аланне устроить явку в Тюеми... Стокгольм, Букхандели Хамнгатан, 33а; Зельмы. Або. Русскоцерк. ул., 30, кпт. Петерсон для Зельмы... Гельсин. 2 книги для Смирн.».

Лявданский докладывал начальнику жандармского управления:

— В записной книжке Сагредо идет речь о явках для делегатов социал-демократического съезда. Далее,— продолжал ротмистр,— на имя лектора Смирнова прислана тысяча рублей. На какие цели? Полагаю, на преступные, в том числе для оплаты проездных билетов и гостиниц для делегатов во время их пребывания на территории Финляндского княжества.

— Так,— удовлетворенно поддакнул Яковлев, рассматривая депешу из Петербурга с текстом записей Сагредо.— А кто такой Костя?

— Кто такой Костя, я, к сожалению, не знаю. А вот кто такой Аланне — догадываюсь. Есть один финн, социал-демократ Севери Аланне, очень вредного направления мыслей, связан с русскими революционерами. Явку, надо полагать, он должен организовать в редакции газеты «Тюёмиес», «Рабочий», которая является органом Социал-демократической партии Финляндии.

— Хорошо, ротмистр,— похвалил Яковлев своего подчиненного.— А кто такой Зельма?

— Не знаю пока, господин полковник. Но последить за домом Петерсона в Або, мне кажется, не мешало бы.

— Да, распорядитесь. Может быть, и попадется этот Зельма.

Жандармам не было известно, что партийный псевдоним Зельма принадлежал Е. Д. Стасовой. Будучи в Або, она жила в пансионате, который содержал отставной капитан Петерсон. Здесь же останавливались и делегаты, поджидая отправления парохода.

Несмотря на старания полковника Яковлева и его подчиненных, все делегаты благополучно возвратились со съезда через Финляндию в Россию. В. И. Ленин, как об этом вспоминала Стасова, задержался на некоторое время в Ганге (Ханко).

ЖАРКОЕ ЛЕТО

Смирнов появился в ресторане гостиницы «Сосьете» минут за десять до назначенного времени. Вчера позвонил Анатолий и попросил о встрече. Смирнов предложил это место. Встречаться с Анатолием на квартире было бы опасно. У дома в последнее время торчат какие-то подозрительные люди. Не исключено, что следят за его квартирой. Зачем рисковать? Тем более что Анатолий — это руководитель Военной организации РСДРП в Финляндии Д. А. Трилиссер. Смирнов знал многих из его помощников — Седого, Исаака, Жоржа, Степана и других, а также руководителей революционной организации в Свеаборгской крепости штабс-капитана Циона, подпоручиков Емельянова и Коханского.

Вот подходящий столик. В углу никто подслушать не сможет. Смирнов заказал кофе и бутерброды, сел за стол. С эстрады лилась мелодия Сибелиуса.

Ровно в назначенное время в зале появился Анатолий. Это был мужчина среднего роста, в очках. Он подошел к столику Смирнова, вежливо улыбнулся:

— Здесь не занято?

— Нет, пожалуйста,— ответил Смирнов. Затем осторожно осмотрелся. Кажется, «хвоста» за Анатолием не было. За ними никто не наблюдает. Трилиссер вынул из кармана носовой платок, вытер потный лоб:

— Ну и жара в Гельсингфорсе!

— Да, июль стоит необыкновенно теплый,— согласился Смирнов, глядя, как официант ставит перед Трилиссером бутылку с сельтерской водой.

Трилиссер отпил из стакана и наклонился поближе к собеседнику:

— Опять к вам за помощью, Срочно нужно подкрепление.

— И много? — спросил Смирнов.

— Хотя бы сотни две-три.

Смирнов знал, что Военная организация РСДРП в Финляндии остро нуждается в деньгах для закупки оружия. Видимо, Трилиссер должен срочно расплатиться с кем-то. Но где взять денег? Пожертвования финнов, хранившиеся у него, кончились. Опять придется обращаться за помощью к Неовиусу.

— Попытаемся,— сказал Смирнов.— Завтра под бутылкой в это же время. Идет?

Трилиссер наклонил в знак согласия голову. Он, как и Смирнов, знал магазин Шёберга на Генриховской. Издалека была видна над входом в этот магазин большая бутафорская бутылка. Здесь, у Шёберга, была одна из явок российских подпольщиков.

Трилиссер пододвинул салфетку к Смирнову. Тот взял ее и, развернув, увидел завернутую в нее листовку.

— Полюбуйтесь,— прошептал Трилиссер.— Только что отпечатали.

Листовка была озаглавлена: «Солдат к солдатам». В ней содержался призыв к солдатам стать на сторону революционного народа в борьбе против царского правительства. «Мы до сих пор, защищая правительство, сами того не сознавая, защищали зло, направленное против друзей»,— про-

чел Смирнов. В листовке указывалось, что она издана Центральным Комитетом РСДРП.

— Поздравляю,— сказал вполголоса Смирнов, пододвигая салфетку с листовкой Трилиссеру.— Надеюсь, что она найдет путь к сердцу солдата.

Трилиссер положил салфетку в карман, допил сельтерскую и вскоре ушел. Смирнов посидел еще минут двадцать. За Анатолием никто не вышел. Значит, никто за ними не следил. Расплатился и отправился домой.

На другой день Смирнов вручил Анатолию необходимую сумму. Трилиссер сообщил, что в последнее время недовольство солдат и матросов в Свеаборге достигло критической точки, и приходится прилагать немало усилий, чтобы удержать их от преждевременного выступления. Между тем эсеры провоцируют солдат и матросов, призывают поднять восстание немедленно.

— А восстание в одном гарнизоне, если оно не будет поддержано выступлениями в других крепостях, забастовками рабочих Питера, Москвы и других городов,— такое восстание заведомо обречено на неудачу,— говорил руководитель Военной организации.

Городок Экенес утопал в зелени. За окном между ветками деревьев под ярким солнцем сверкала гладь моря. Смирнов сидел за столом. Он уединился в Экенесе, чтобы в тишине поработать над сборником статей финляндских политических деятелей. Вдруг занавеска в открытом окне качнулась. Кто-то открыл дверь.

— Вольдемар, тебя спрашивают.— Виргиния Карловна вошла в комнату.— Какой-то незнакомый мужчина.

В гостиной сидел прилично одетый господин средних лет. Он обмахивался носовым платком. На его коленях лежал ярко-желтый кожаный портфель. При входе Смирнова господин встал:

— Здравствуйте, я из Стокгольма. Меня зовут Густафссон. Я привез вам письмо и вот этот портфель.

Смирнов взял конверт. Сразу узнал ровный, четкий почерк Марии Федоровны Андреевой. Обрадовался, что не забыли о нем. Он знал, что Горький, Андреева и сопровождавший их Буренин находятся в Соединенных Штатах, выполняют важное задание партии, занимаются сбором средств на нужды революции.

В конверте оказалась короткая записка. Андреева просила передать портфель с его содержимым Никитичу или ее сестре, Екатерине Федоровне Крит. Л. Б. Красин был «главным финансистом партии», и в портфеле, как об этом догадался Смирнов, находились деньги, судя по весу — очень крупная сумма.

...Никитича Смирнову разыскать не удалось. Звонил в Петербург. Оказалось, что инженер Красин выбыл из столицы. Ехать в Петербург Смирнов не рискнул: побоялся, как бы не заинтересовались охранники в Белоострове содержимым желтого портфеля. Не застал Красина и на даче, где он бывал обычно. А портфель уже измучил Смирнова. Днем он не выпускал его из рук, не расставался с ним и во сне, клал в изголовье под подушку. Как быть? Решил ехать в Куоккала. Адрес дачи семьи Крит ему был известен. Добрался без приключений. Сестра Марии Федоровны оказалась дома. Объяснил ей цель своего визита, показал записку Андреевой и вручил портфель. Обратно в Гельсингфорс ехал в приподнятом настроении. С плеч упала неимоверная тяжесть.

Через некоторое время Е. Ф. Крит получила письмо от сестры из США. Мария Федоровна просила из полученной ею от Смирнова суммы 60 тысяч рублей передать Л. Б. Красину на нужды партии.

В среду 1 августа (н. ст.) гельсингфорсские газеты в Экенес прибыли с опозданием. Они были задержаны из-за

экстренных событий. Когда Смирнов развернул «Хювюдстадсбладет», ему сразу бросился в глаза большой материал «Мятеж в Свеаборге среди матросов», в котором рассказывалось о начавшемся в понедельник вечером восстании в крепости. Газета сообщала, что командующий Красной гвардией Иоганн Кок объявил в Гельсингфорсе всеобщую забастовку, что красногвардейцы повредили в некоторых местах железнодорожные пути, желая воспрепятствовать прибытию в город подкреплений для войск, оставшихся верными царскому правительству. В передовой статье на второй странице сообщалось, что восставшие захватили крупнейшую в государстве военную крепость почти целиком. Подчеркивалось, что восстание в Свеаборге нельзя рассматривать как изолированный военный мятеж, ибо это событие «связано с чудовищным брожением по всей России, которое в конце концов должно привести к укреплению свободы в этой несчастной стране».

«Хювюдстадсбладет», будучи буржуазной газетой, призывала финнов придерживаться «строго корректного отношения» к восстанию, то есть не вмешиваться в него, считать его внутренним делом России. Газета осудила Кока и Красную гвардию за оказанную помощь восставшим и за объявление всеобщей забастовки.

Смирнов сразу же стал собираться в Гельсингфорс. Мать пыталась отговорить его, но безрезультатно:

— Ты не знаешь, мама, как мне важно сейчас быть там!

Но уехать в среду ему не удалось. Поезда из Ханко долго не было из-за испорченных где-то красногвардейцами железнодорожных путей, а когда Смирнов пришел домой, чтобы перекусить, поезд уже ушел. В этот день из Турку в Гельсингфорс прошли два воинских эшелона. Каратели спешили на помощь коменданту Свеаборгской крепости генералу Лаймингу.

Приехав в четверг в Гельсингфорс, Смирнов сразу ощутил атмосферу восстания. На Железнодорожной площади

людей было мало, у гостиницы «Фенния» дежурил казачий патруль. Офицер, возглавлявший патруль, внимательно рассматривал прохожих. Подъехал он и к Смирнову, козырнул, попросил предъявить документы.

По пути на Елизаветинскую попалось несколько пеших патрулей. Солдаты были вооружены винтовками и имели очень воинственный вид. Вот и дом 19. Но что это? Окна его квартиры кто-то закрыл изнутри старыми газетами. Зачем это понадобилось?

Только Смирнов открыл дверь своей квартиры, в него нацелилось несколько револьверов.

— Вы что? Я хозяин квартиры! — вскричал Смирнов.

На крик в переднюю из кабинета вышел знакомый Смирнову финляндец-«активист», скульптор Алпо Сайло. Он сделал знак мужчинам в передней опустить оружие и сказал:

— Извините, господин лектор, за вторжение. Нам передали ключ от вашей квартиры. Пришлось использовать ее, чтобы спасти людей от расправы.

Смирнов понял, что его «квартиранты» — переодетые солдаты и матросы, участники восстания. Видимо, не желая попасть в лапы охранки, они решили дорого продать свои жизни.

— А что с восстанием? — спросил Смирнов, все еще надеясь на что-то.

— Жестоко подавлено. Сегодня утром восставшие вынуждены были капитулировать. Лишь немногим удалось спастись на лодках и вплавь. Некоторые ранены,— ответил Сайло.

Смирнов прошел по комнатам. На кроватях, на диване, на полу — всюду лежали раненые, обессилевшие люди. Некоторые в тельняшках.

— Повезло вам, господин хороший,— сказал ходивший за Смирновым матрос огромного роста.— Чуть-чуть голову вам не попортили.

Алпо Сайло сказал, что несколько спасшихся от ареста

участников восстания живут у Вальтера Шёберга. Некоторых скрывают другие финны — социал-демократы и «активисты». Всех удалось переодеть в гражданскую одежду. Раненым оказывается помощь.

— Надо переправить их в Швецию,— сказал Смирнов.— Здесь им каждую минуту грозит расправа.

В этот момент в кабинете раздался телефонный звонок. Мужской голос по-русски спрашивал Паульсона.

— Это я,— ответил Смирнов.— С кем имею честь?

— Это Лидин. Я прибыл из Выборга по поводу Свеаборга. У меня срочное дело. Можно зайти к вам?

— Ни в коем случае! Сюда нельзя.

Встретились в ресторане гостиницы «Фенния». За столиком у окна Смирнова ждал молодой человек в очках со стальной оправой, с зачесанными назад черными волосами и такой же бородкой. Когда Смирнов сел за столик, он представился:

— Лядов, Мартын Николаевич. Прибыл с заданием ЦК ознакомиться, как идет восстание в Свеаборге и какие можно принять меры, чтобы помочь восставшим.

— Боюсь, что помочь им уже ничем нельзя,— мрачно сказал Смирнов.— Восстание подавлено, многие участники его арестованы, их ожидает военный трибунал. Только небольшой части восставших солдат и матросов удалось спастись. Их укрывают сейчас сочувствующие нам финны.

Лядов попросил связать его с Военной организацией РСДРП в Финляндии. Смирнов предупредил, что сейчас надо быть предельно осторожным, чтобы не попасть под подозрение. Но явку Лядову дал. Он слышал о нем от Е. Д. Стасовой и Н. Е. Буренина.

В этот же день Смирнов возвратился в Экенес. Договорился с «активистом» Нюландером об организации в деревне, расположенной неподалеку от города, «пансионата» для солдат и матросов. Хозяйкой «пансионата» в отдельном доме согласилась стать женщина, сочувствовавшая революционерам.

Затем Смирнов поехал в Або и Нодендаль, чтобы подготовить и там перевалочные квартиры для свеаборжцев. В Або за это взялся Вальтер Борг. В Нодендале квартиру-общежитие обещал подготовить местный купец Сортано, уже помогавший ранее российским революционерам.

Через несколько дней ночным поездом в Экенес прибыла компания молодых людей. Это были гельсингфорсские «квартиранты». Они были одеты в одежду с чужого плеча. Как удалось выскользнуть им из Гельсингфорса незаметно — казалось чудом. Смирнов проводил их в «пансионат». Затем наведался снова в Турку и Нодендаль. Туда тоже прибыли «гости». На содержание свеаборжцев, на билеты до Стокгольма, на приобретение «чистых» документов, на одежду требовались деньги, и отпускные Смирнова быстро таяли. Этих денег никак не хватило бы, если бы не щедрая помощь друзей-финнов.

Симпатии общественности Финляндии были на стороне восставших. Редактор социал-демократической газеты «Арбетарен» Карл Вийк опубликовал 4 августа набранное жирным шрифтом обращение:

«Граждане! Если к вам за помощью обратится русский борец за свободу, то сделайте все, что предложит ваше сердце и правосознание, и избегайте всего, что могло бы направить власти по его следам!»

Газета Вийка за публикацию материалов о восстании подверглась репрессиям.

Всего с помощью финляндских «активистов» и социал-демократов удалось спасти около 60 участников восстания. Царизм жестоко расправился с свеаборжцами. Большая группа руководителей восстания во главе с подпоручиками Емельяновым и Коханским была приговорена к смертной казни, остальные — сосланы на длительные сроки на каторгу, заточены в тюрьмы.

Финляндский сенат принял решение о роспуске Красной гвардии. Ее командира Иоганна Кока агенты охран-

ки и полицейские разыскивали по всей Финляндии, но ему удалось с помощью «активистов» бежать в Америку.

Усиление реакции вызвало рост числа политических эмигрантов из России, пытавшихся спастись в Финляндии или за границей от преследований царской охранки. Они прибывали в Гельсингфорс чуть ли не каждый день. Смирнов устраивал многих из них на квартирах знакомых социал-демократов и «активистов», помогал переправиться за границу. Так, с его помощью устроилась в 1906 году в Гельсингфорсе и уехала нелегально за границу член РСДРП Р. А. Сковно. Она возвратилась в Россию только в апреле 1917-го в составе группы политэмигрантов, которую возглавлял В. И. Ленин.

В октябре генерал-губернатор Герард получил из Петербурга письмо министра — статс-секретаря Лангофа под грифом «Совершенно секретно». В нем сообщалось, что «государю императору благоугодно было повелеть» финляндским властям установить более тесное сотрудничество с царской охранкой в борьбе против российских революционеров, прибывавших в Финляндию.

Почти одновременно пришло письмо из министерства внутренних дел, в котором разъяснялось, как мыслили себе в Петербурге это «сотрудничество». Финляндская полиция должна была производить по указанию чинов российской жандармерии обыски на квартирах подозреваемых лиц, арестовывать революционеров и передавать их в руки жандармов.

В ноябре (н. ст.) финляндский сенат разослал циркулярное письмо, обязывающее местные власти и полицию принимать участие в преследовании российских революционеров. 18 ноября (1 декабря) министр — статс-секретарь по делам Финляндии Лангоф сообщил генерал-губернатору, что императору было доложено о решении фин-

ляндского сената и он «изволил остаться вполне доволен принятыми сенатом мерами».

Несмотря на сговор царизма с финляндскими властями, поток беженцев из России не уменьшился. Незамеченными прибыли в Тампере в ноябре делегаты II конференции РСДРП. Она состоялась 3—7 (16—20) ноября 1906 года в том же помещении Рабочего дома, что и I конференция. В ее работе принимал участие В. И. Ленин.

7 (20) ноября в Гельсингфорсе на квартире В. М. Смирнова собралось много народу. Здесь были Ю. Сирола, А. Игельстрём, преподаватели университета И. Мандельштам и С. Корф, главный редактор газеты «Нюа прессен» Лилле, лидер «трудовиков» в I Государственной думе Аладьин и другие представители социал-демократов и либеральной буржуазии. Смирнов рассказал, что делается для оказания помощи политическим беженцам из России: проводится сбор пожертвований, организуются литературно-музыкальные вечера с участием прогрессивных деятелей культуры России и Финляндии. Но всего этого, оказывается, мало. Оратор предложил создать комитет для оказания помощи политическим эмигрантам. Участники совещания одобрили эту идею. В комитет вошли профессор И. Мандельштам, библиотекарь А. Игельстрём, барон С. Корф. Секретарем комитета избрали Смирнова.

На другой день в финляндских газетах на видных местах было опубликовано обращение комитета, озаглавленное «К свободным гражданам свободных стран». В нем содержался призыв оказывать помощь политическим эмигрантам из России, вносить и пересылать средства комитету на эти цели.

Царские власти выразили генерал-губернатору Финляндии Н. Н. Герарду неудовольствие в связи с созданием комитета и предложили его распустить. Но Герард понимал, что подобная мера могла вызвать в Финляндии новую волну протестов, в том числе и в либеральных кругах буржуазии. Поэтому в письме товарищу (заместителю) ми-

нистра внутренних дел России Макарову он писал, что в деятельности комитета «трудно усмотреть деяния, нарушающего действующие в этом крае законы, и нельзя ожидать, чтобы местные административные власти с сенатом во главе их стали препятствовать деятельности означенного комитета».

Макаров вскоре прислал генерал-губернатору новое письмо, в котором разъяснял, что комитет собирает деньги «главным образом на дело вооружения русских революционеров». Герард ответил, что «слух этот... представляется полным вымыслом».

Однако охранка не успокоилась. «Либерал» Н. Н. Герард был устранен от должности генерал-губернатора, и в 1908 году в адрес нового генерал-губернатора — Бекмана пришла депеша из Петербурга с просьбой сообщить, какие есть компрометирующие сведения на «экстраординарного лектора Владимира Смирнова», члена комитета по оказанию помощи политическим эмигрантам.

Комитетом была собрана немалая сумма — 16 558 марок. Значительная часть ее пошла на революционные цели.

С 16 по 22 ноября (с 29 ноября по 5 декабря) в Тампере состоялась первая конференция военных и боевых организаций РСДРП. На ней в числе других выступил руководитель Военной организации РСДРП в Финляндии Анатолий (Д. А. Трилиссер). Он сообщил, что только в мае 1906 года членами организации было распространено среди солдат и матросов более 200 тысяч листовок. Тираж газеты «Вестник казармы» достиг в 1906 году 13 500 экземпляров. Доложил Трилиссер и об уроках Свеаборгского восстания.

Ни Трилиссер, ни другие члены организации не знали тогда, что в их доверие втерся агент охранки Цирюльников. Лишь через год товарищи догадались о его предательской роли и попытались избавиться от него, но неудачно. Ци-

рюльников сообщил охранке фамилии известных ему членов Военной организации, в том числе Анатолия. Среди людей, активно помогавших организации, он назвал и лектора университета Владимира Смирнова.

Вскоре после доноса Цирюльникова некоторые члены Военной организации по приезде в Петербург были арестованы, в их числе был и Трилиссер.

«АСТРЕА» БЕРЕТ КУРС НА КОПЕНГАГЕН

Апрельское солнце слизывало снег с крыш, и по водосточным трубам с шумом текла вода. Смирнов сидел у открытого окна в служебной комнате библиотеки и, слушая весеннюю капель, перебирал подпольные брошюры, выпущенные социал-демократами за границей в конце XIX — начале XX века. Он хранил эти брошюры на полках библиотеки, среди «невинной» литературы [1], зная, что найти их охранке будет нелегко, если «голубые мундиры» и попытаются это сделать. Обнаружить среди тысяч томов небольшую пачку сереньких и зеленоватых брошюр — это все равно что найти иголку в стоге сена. Порывшись на полке, Смирнов положил на стол нелегальную газету «Пролетарий», выходившую под редакцией Ленина. Вот номер за 4 (17) марта 1907 года, последний, который Смирнову передали петербургские товарищи. На первой полосе статья В. И. Ленина «Платформа революционной социал-демократии». Она начиналась словами:

«Партийный съезд созывается, как известно, через несколько недель. Надо самым энергичным образом браться за подготовку к съезду, за обсуждение основных тактических вопросов, которые партия должна вырешить на этом съезде». Ленин призывал обсудить на съезде основные за-

[1] Часть этих брошюр хранится в славянском отделении библиотеки и сегодня.

дачи партии и пролетариата в переживаемый момент, констатировал, что положение в стране характеризуется обострением классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией, социальной борьбы в деревне. Он подверг резкой критике позицию меньшевистского ЦК, призывавшего к союзу в Думе с кадетами, к отказу от революционной борьбы.

По газетам Смирнов знал, что в среде меньшевиков усилилось крайне правое крыло, которое открыто выступало за соглашение с кадетами. И Плеханов, которого Смирнов когда-то слушал в Женеве с восторгом, пошел сегодня на сделку с буржуазией. В газете «Товарищ» он поместил «Открытое письмо к сознательным рабочим», призывая поддерживать либеральную буржуазию.

Линия меньшевистского ЦК расходилась с мнением большинства членов партии. На очереди стоял вопрос о немедленном созыве партийного съезда. Он должен был избрать новый ЦК, который был бы способен правильно оценивать революционную обстановку и осуществлять руководство партией.

Размышления Смирнова прервали. Служитель библиотеки сказал, что его спрашивают в читальном зале.

У стола дежурного библиотекаря стоял незнакомый мужчина. Он внимательно посмотрел на вошедшего Смирнова и спросил:

— Владимир Мартынович? Вам привет от Ивана Ивановича.

Это был пароль, с которым в Гельсингфорс, на явку к Смирнову, прибывали делегаты V съезда РСДРП. Он был назначен на начало мая (н. ст.) в Копенгагене. Смирнов посмотрел в угол, где обычно сидел фон Плато. Филера, к счастью, в зале не было.

— Спасибо. Как себя чувствует Иван Иванович? К нам в гости не собирается? — спросил Смирнов. И приезжий твердо произнес заключительную фразу пароля:

— Собирается, только здоровье пока пошаливает.

Смирнов улыбнулся:

— Ясно. Подождите, я возьму зонт. Вы одни?

— Нет, нас четверо. Остальные ждут на улице.

Накидывая пальто, Смирнов думал, куда определить приезжих. Вчера он отвел пять человек в эмигрантское общежитие при социал-демократическом кафе «Парадиз». Заведующая общежитием студентка Антила сказала, что больше мест у них нет. Всего там разместилось двадцать два делегата. Нужно сегодня искать другое общежитие. К Вальтеру Шёбергу нельзя. У него тоже полно гостей. Ведь вторая явка для делегатов съезда в Гельсингфорсе у него на Западной Генриховской. Туда шло делегатов больше, чем к Смирнову в библиотеку. Посетители винного магазина не так бросались в глаза охранке, как читатели русской библиотеки. Вчера Шёберг говорил Смирнову, что к нему прибыло уже 30 человек, часть он распределил по квартирам своих знакомых.

Смирнов привел приезжих в ресторан гостиницы «Фенния», заказал обед. Пока они подкреплялись с дороги, сбегал в расположенный неподалеку студенческий дом, разыскал одного из руководителей молодежного социал-демократического союза. Тот согласился устроить приехавших русских на пару дней у своих родственников, имевших квартиру в рабочем квартале Тёлё. Когда Смирнов и молодой финн пришли в ресторан, гости уже заканчивали обед. Владимир Мартынович заплатил по счету, предупредил товарищей, что пароход отойдет из Ганге в четверг, 2 мая по новому стилю, то есть через два дня, отдал старшему группы купленные заранее билеты.

По просьбе Смирнова 90 билетов на пароход «Астреа», отходивщий 2 мая в Копенгаген, приобрел «для группы туристов» Шёберг. В четверг более сорока «туристов» собрались на Гельсингфорсском вокзале. Они уезжали дневным поездом в Ганге. Смирнов наблюдал, как два финских студента, говорившие по-русски, исполняя роли гидов, рассаживали «туристов» по вагонам. В Ганге к группе должны

присоединиться делегаты, которых финляндские социал-демократы устроили на жилье в этом городе.

За посадкой на поезд наблюдал помощник полицмейстера Гельсингфорса капитан Бруно Яландер. Станционный полицейский почтительно стоял рядом с ним. Поезд тронулся, и Яландер вскочил на подножку вагона. Он обещал Смирнову помочь в Ганге делегатам избежать паспортного контроля при посадке на пароход. Дело в том, что не у всех были надежные документы, и жандармы при отъезде могли придраться к некоторым, задержать их.

В Ганге, пока «туристы» обедали в кафе, Яландер отправился в порт. Узнал, что «Астреа» отходит в шесть часов вечера, поговорил с капитаном парохода, с таможенными чиновниками, а потом пригласил дежурившего на пристани ротмистра Лявданского отобедать с ним в ресторане. Тот, поколебавшись, согласился. Не часто его, жандармского офицера, приглашают в ресторан финляндцы. В одном из городских ресторанов Яландер заказал столик. Поддерживая разговор, не забывал подливать водки в рюмку ротмистра. Вот и шесть часов, пароход «Астреа», наверно, уже взял курс на Копенгаген. Яландер встал и предложил тост за ротмистра Лявданского, «известного своей бдительностью и расторопностью». Тот вытянулся, звякнув шпорами, его красное лицо от выпитого спиртного покраснело еще больше. Ротмистру было приятно, что даже финляндцы ценят его заслуги. Одним духом опорожнил рюмку.

Вскоре Яландер, сославшись на неотложные дела, откланялся.

В этот же вечер Смирнов узнал, что делегаты благополучно отбыли из Ганге в Копенгаген.

На другой день группа делегатов выехала из Або в Стокгольм, чтобы оттуда отправиться в датскую столицу поездом. Здесь благополучный исход гарантировал Вальтер Борг. Он сам приехал в порт и во время посадки отвлекал разговором жандармского ротмистра Провольского, ко-

торый был польщен вниманием известного в городе коммерсанта и передоверил проверку паспортов одному из своих подчиненных, уроженцу Финляндии.

Утром на квартире Смирнова раздался телефонный звонок. Мужской голос бодро произнес:

— С весной вас, Владимир Мартынович!

— Спасибо! Кто это?

— Это Лидин.

Смирнов только сейчас понял, что разговаривает с Лядовым.

— Здравствуйте, Мартын Николаевич! Откуда вы? Почему не зайдете?

— Я звоню из Гельсингфорса, с вокзала. Мы со Стариком едем в Або.

— Так что же? Берите извозчика — и ко мне! Адрес, надеюсь, помните!

Лядов, как видно, не мог говорить прямо, так как разговаривал из служебного помещения. После некоторой заминки он сказал:

— Мы решили, что лучше будет, если вы подъедете. У нас всего пара часов. Будем ждать в ресторане гостиницы «Фенния». Вы сможете зайти?

Смирнов позвонил в университет, сообщил, что запоздает. Через полчаса он входил в ресторан. За столиком в углу сидели Ленин и Лядов. Они заказали завтрак на троих, но есть не начинали, ждали его.

Смирнов несколько месяцев не видел Ленина. Заметил, что Владимир Ильич выглядит усталым. «Нелегко ему достается сейчас из-за полемики с меньшевиками,— подумал Смирнов, садясь за стол.— Да и постоянная опасность ареста, висящая над головой, особой бодрости, наверно, не прибавляет».

Ленин начал расспрашивать, что нового в Финляндии. Смирнов рассказал о проезде делегатов съезда, об актив-

Юрье Сирола, один из лидеров левого крыла СДПФ, позднее — один из руководителей Коммунистической партии Финляндии. 1907 год.

Письмо
Е. Д. Стасовой
лидеру левого
крыла социал-
демократической
партии Швеции
Хинке Бергегрену
от 29 декабря
1905 года,
в котором она
просит связать
подателей письма
с Виктором
(Н. Е. Бурени-
ным)
или Паульсоном
(В. М. Смирно-
вым).
Стокгольм.

Solowiewa. E

**Parti Ouvrier
Démocrate Socialiste
de Russie.**

REDACTION

ADRESSE
V. OULIANOFF
3, Rue de la Colline, 3
GENÈVE (SUISSE)

Arb. rör. arkiv
Hinke Bergeg...n

Genève, le 29 December 1905

Werter Genosse,
Hiermit bitte ich Sie innigst beiden Genossen, die Ihnen diesen Brief übergeben werden, die nöthige Hilfe leisten zu wollen, da beide Genossen Pavlow und Gawrilow der deutschen Sprache nicht mächtig sind.
Wenn es möglich ist helfen Sie ihnen bitte den Genossen Victor oder Paulsohn in Helsingfors auf zufinden. Ich gebe den Genossen die nöthigen Anweisungen, aber vielleicht hat sich die Lage geändert und Sie die obenerwähnten Genossen nicht finden werden.

Mit bestem Parteigruss
Delegierte des Central Comites
E. Solowiewa

...IE PARTI OUVRIER DEMOCRATE S...
COMITÉ
CENTRAL

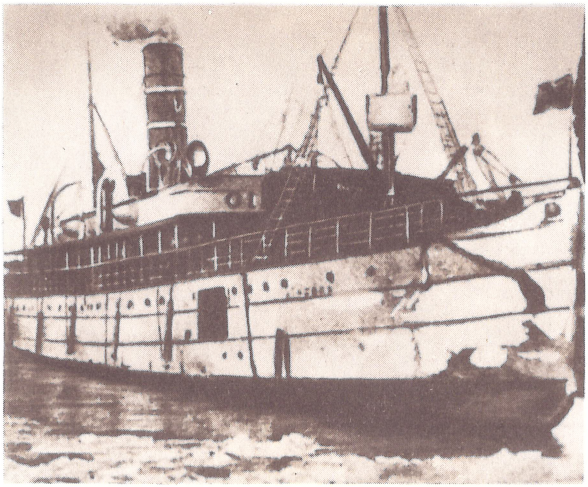
Тампере.
Рабочий дом,
в котором проходила Первая Всероссийская конференция РСДРП.
Сейчас в нем открыт музей В. И. Ленина.

В одном из
залов музея
В. И. Ленина
в Тампере.

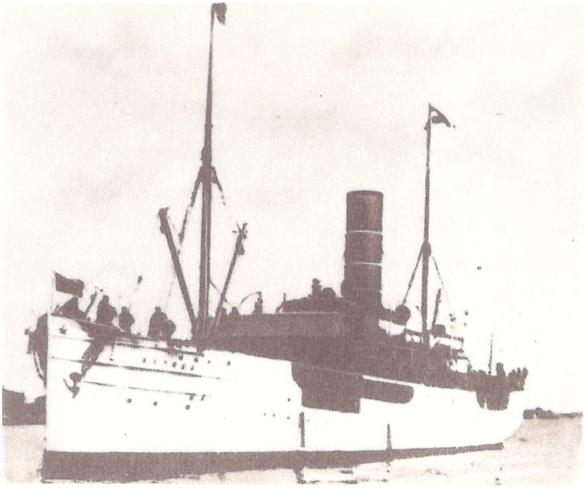
Дом на Вуорими-
ехенкату в Хель-
синки, в котором
весной
1906 года на
квартире фин-
ских социал-
демократов
Севери Аланне
и Вяйне Хаккила
некоторое время
жил В. И. Ленин.

Мемориальная доска на доме по улице Вуоримиехенкату в Хельсинки.

Вальтер Шёберг.



Пароход «Ойхонна», на котором из Ханко в Стокгольм выехала большая группа делегатов IV съезда РСДРП.

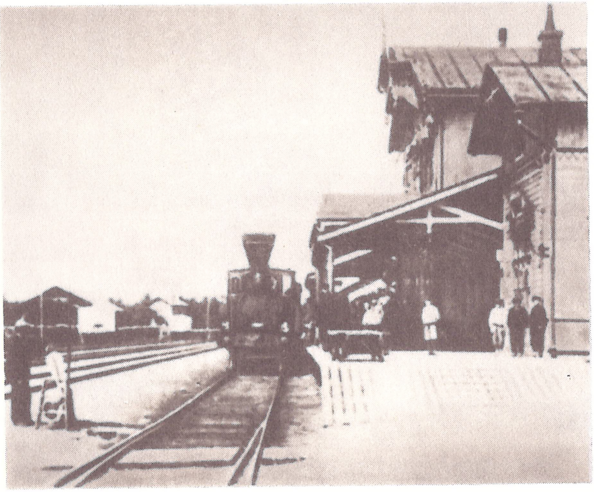


Пароход «Астреа», на котором 2 мая 1907 года из Ханко в Копенгаген отплыли делегаты V съезда РСДРП.

Финляндский социал-демократ Карл Харальд Вийк.

Лидер левого крыла СДПШ Хинке Бергегрен, оказывавший помощь в устройстве в Стокгольме делегатов IV (Объединительного) съезда РСДРП.

Вокзал в Ханко. Открытка начала XX века.



Дом на улице Ластенкодинкату в Хельсинки, в котором в ноябре 1907 года проходили заседания IV Всероссийской конференции РСДРП.

Дача «Гердобакка» в Оглбю (Оулункюля), на которой в декабре 1907 года жил В. И. Ленин.

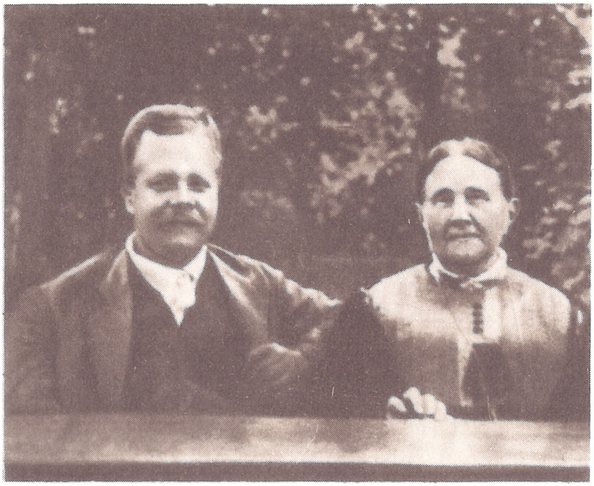
Стокгольм. Снимок начала века. Фото из буклета, изданного Королевской библиотекой Стокгольма.

Фотография В. И. Ленина, подаренная им финляндским коммунистам 6 марта 1919 года с дарственной надписью.

В. М. Смирнов. Снимок 1918—1919 годов (предположительно).

В. М. Смирнов
с дочерью Карин.
Стокгольм,
1918—1919 годы.

В. М. Смирнов
и его мать Виргиния Карловна.
Стокгольм,
1918—1919 годы.



В. М. Смирнов. Снимок 30-х годов.

Письмо
В. М. Смирнова
Н. Е. Буренину
от 11 февраля
1950 года.

Ольстен 11 II 50.

Дорогой Николай Евгеньевич!

Большое спасибо за Ваше письмо от 2 I 50, которое мы получили 15-го января. Еще раз сердечное спасибо за Ваше приглашение приехать к Вам в гости — мы оба очень и очень хотели бы побывать в нашем великом Советском Союзе и погостить у Вас, но это по физическим причинам представляется теперь невозможным. Я очень тронут Вашим милым предложением служить моим „костылем" при передвижении по улицам, но и это меня не устраивает вполне.

Ваши вопросы оживили у меня целый ряд воспоминаний из далекого прошлого. Я действительно имел касательство к Таммерфорсской конференции при проезде ее делегатов через Гельсингфорс, помогал им — там, [в делегации от[illegible] в Таммерфорс] я виделся с Владимиром Ильичем Лениным — но с Иосифом Виссарионовичем Сталиным я тогда не встречался и, к сожалению, не знаю, через кого он проехал.

ной помощи местных социал-демократов и «активистов». О дальнейшем усилении реакции в Финляндии, о решении сената по поводу выдачи царским властям российских революционеров, прибывающих в Финляндию.

— Вот видите, Владимир Мартынович, мы правильно сделали, что не зашли к вам. Лишняя предосторожность никогда не мешает,— вставил Ленин.— И вас не подвели, и сами «хвоста» не подхватили.

Смирнов сообщил, что в результате проходивших 15 и 16 марта выборов в сейм финляндские социал-демократы одержали большую победу: они завоевали 80 мест из 200 и создали самую многочисленную фракцию в сейме.

Большой интерес Ленин проявил к положению в СДПФ.

Смирнов рассказал о последнем, Улеаборгском съезде партии, состоявшемся в августе 1906 года. На нем происходила острая борьба между правым, реформистским крылом и левыми социал-демократами во главе с Ю. Сирола и О. В. Куусиненом. Правые выступали за сотрудничество с буржуазией, левые же стояли на позициях принципиальной классовой борьбы. В избирательной программе партии, предложенной съезду О. В. Куусиненом, выдвигались требования расширить права финляндского сейма, отменить единодержавную власть императора в законодательной области, предоставить сейму право контроля над работой сената. Во вновь избранное руководство партии вошло много сторонников левого направления, в том числе Ю. Сирола и О. В. Куусинен.

Смирнов проводил Ленина и Лядова на поезд и поспешил в университет. Оттуда он позвонил Вальтеру Боргу в Або, сообщил иносказательно о приезде вечером «гостей», которые «собираются навестить тетю в Стокгольме». Тот обещал помочь им.

Впоследствии М. Н. Лядов писал в своих воспоминаниях:

«Мы поехали вдвоем с Ильичем через Або, Стокгольм

на Копенгаген... Приехав в Копенгаген, мы застали там уже почти всех делегатов».

Царская охранка о подготовке очередного съезда РСДРП знала заранее. Еще в августе 1906 года большинство крупных организаций партии, в том числе Королевства Польского и Литвы, а также Латышского края, отвергнув оппортунистическую политику меньшевистского ЦК, избранного на IV съезде, высказалось за созыв нового партийного съезда. 25 и 27 февраля 1907 года (ст. ст.) в легальной большевистской газете «Новый луч» были опубликованы «Проекты резолюций к пятому съезду РСДРП».

Но где и когда состоится съезд — этого жандармы не знали. Лишь 21 апреля (4 мая) генерал-губернатор Финляндии получил срочную телеграмму из Петербурга от товарища министра внутренних дел. В ней говорилось: «В Финляндию теперь уже стекаются делегаты социал-демократической партии для обсуждения на съезде в Выборге или Гельсингфорсе вопросов вооруженного восстания. Благоволите принять меры к недопущению».

Гельсингфорс территориально входил в Нюландскую губернию, Таммерфорс, где, как было известно генерал-губернатору Герарду, нередко проходили съезды и конференции российских партий,— в Тавастгускую. Герард дал указание губернаторам Нюландской, Выборгской и Тавастгуской губерний установить слежку за делегатами съезда и принять «соответствующие меры».

Но «принимать меры» в Финляндии было уже поздно, ибо именно в этот день, 4 мая (н. ст.), большая группа делегатов прибыла на пароходе «Астреа» в Копенгаген. Благополучно добрались до датской столицы к этому времени и те делегаты, которые избрали путь через Стокгольм. 4 мая копенгагенская газета «Берлингске тиденде» сообщила, что в Копенгаген на пароходе «Астреа» прибывают делегаты очередного съезда РСДРП, намереваясь провести его в датской столице. Это сообщение обошло прессу Дании, Швеции и Финляндии.

Смирнов, с волнением следивший за переездом делегатов, просматривал все газеты, поступавшие в библиотеку. В датской «Сосиальдемократен» за 7 мая (н. ст.) он прочел: «Наши власти были осведомлены о готовящемся съезде заранее... Русские агенты следили за этим кочующим штабом и узнали, что он направляется в Копенгаген. Они сообщили об «опасности» полиции Копенгагена и Мальмё».

А вот что сообщала «Берлингске тиденде»:

«В течение субботы и воскресенья (4 и 5 мая н. ст.— *Ю. Д.*) в город прибыло около 200 делегатов. Они разместились поблизости от порта, по гостиницам торгового квартала. Когда полиция узнала о их прибытии, полицейский директор дал приказ, чтобы они покинули город до 12 часов ночи, иначе будут высланы на родину».

Тем временем губернатор Нюландской губернии Альфтан решил 7 мая (н. ст.) ответить на срочное предписание генерал-губернатора по поводу «принятия мер» к делегатам съезда РСДРП. Он писал в своем донесении, что «2 мая на пароходе «Астреа» отплыло за границу из Ганге в качестве классных пассажиров 90 русских туристов, купивших в конторе Финляндского пароходного акционерного общества в городе Гельсингфорсе билеты в Копенгаген, и вчерашнего числа, также классными пассажирами на пароходе «Ф. Дёбельн»,— 75 русских — из Ганге в Стокгольм. Большая часть их... были, по полученным сведениям, социал-демократами, намеревавшимися в подходящем месте за границей устроить конгресс партии».

Генерал-губернатор дал строгое предписание местным властям усилить паспортный контроль в портах, чтобы задержать делегатов при возвращении на родину через Финляндию.

Газеты сообщали, что делегаты, обратившись с просьбой к правительствам Дании, Швеции и Норвегии о проведении съезда на территории этих стран, получили отказ

и 6—7 мая выехали из Копенгагена в Англию. Съезд открылся в Лондоне 13 мая (30 апреля) 1907 года.

Финляндская печать на видных местах извещала в эти дни об аресте в деревне Хаапала Выборгской губернии преподавателей и слушателей школы по подготовке подрывников для боевых дружин РСДРП. Буржуазные газеты предавали анафеме русских революционеров, «использовавших гостеприимство финляндцев для подготовки преступных деяний», сообщали, что в записной книжке одного из руководителей школы, А. Ф. Чесского, найдена «Резолюция руководящего технического комитета при Петербургской боевой организации по вопросу о технической подготовке к вооруженному восстанию». Были захвачены и другие «улики»: работа В. И. Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции», «Протоколы 1-й конференции военных и боевых организаций РСДРП», а также готовые бомбы, пироксилин, динамит, револьверы, химикалии.

Смирнов знал, что деревня Хаапала расположена неподалеку от станции Куоккала, где в последнее время жил В. И. Ленин. «Что было бы, если бы Владимир Ильич не уехал сейчас за границу? — думал Смирнов.— Ведь сейчас в Куоккала повсюду шныряют ищейки. Вынюхивают они, наверно, и возле дачи «Ваза».

Между тем в Лондоне 19 мая (1 июня) закончился V съезд РСДРП. Смирнов стал получать шифрованные телеграммы об отъезде групп делегатов на родину и через своих знакомых организовывал их безопасное прибытие, встречу, размещение на явке, покупку билетов и т. д. Хлопот было много. И снова большую роль в этом сыграли широкие связи Смирнова среди финляндцев. Несмотря на то что во всех портах дежурили жандармские офицеры, получившие строгое указание задержать В. И. Ленина и других делегатов съезда, никто и на этот раз не попался в сети охранки. Помогло то, что делегаты были разделены на небольшие группы, каждый из них, прежде чем ехать в

Россию, выжидал несколько дней в одном из финляндских городов, а потом уже отправлялся на родину. Так, участвовавший в работе съезда К. Гандурин писал позднее в своих воспоминаниях, что он возвращался через Берлин — Копенгаген — Або. В Або пришел на явку, где получил новый адрес — в Выборге. Здесь до перехода границы он сделал остановку.

«Во время проезда наших товарищей на съезд и возвращения оттуда мой телефон работал, казалось, беспрерывно — словно у меня была собственная телефонная станция»,— вспоминал позднее В. М. Смирнов.

Многие из делегатов были ему хорошо знакомы, бывали на его квартире. Это И. Ф. Дубровинский, И. П. Гольденберг, М. Н. Лядов, Е. М. Ярославский и другие. Возвращаясь домой, они рассказывали о борьбе на съезде, о победе на нем ленинской тактической линии, выражающей интересы революционнного пролетариата.

Благополучно возвратился в Куоккала и Владимир Ильич.

3(16) июня 1907 года царское правительство разогнало II Государственную думу и арестовало членов ее социал-демократической фракции.

— Это же настоящий государственный переворот! — горячился Смирнов, рассказывая о разгоне Думы Буренину, возвратившемуся из США, где он был вместе с А. М. Горьким и М. Ф. Андреевой.— Царь сам нарушил свой манифест 17 октября, издал новый избирательный закон в обход Думы. А что это за закон? Он еще больше урезывает права рабочих и крестьян, обеспечивает в Думе безраздельное господство помещиков и буржуазии. И это при наличии совсем рядом, в Финляндии, демократической избирательной системы, обеспечившей избрание в сейм представительной фракции социал-демократов!

Буренин рассказал о большой работе, проводившейся

А. М. Горьким и М. Ф. Андреевой в США по сбору средств на нужды партии, передал приветы от них Паульсону-Смирнову.

Реакция все усиливалась. Карательные экспедиции, направленные по приказу председателя совета министров Столыпина в разные концы России, творили кровавую расправу над участниками революции. Жестоким гонениям подвергались рабочие организации, и прежде всего большевистские. 17 (30) июня особый отдел департамента полиции отдал распоряжение начальнику Петербургского губернского жандармского управления возбудить вопрос о высылке Ленина из Финляндии, выдаче его царской полиции.

В начале июля в Петербурге был арестован Н. Е. Буренин. Его взяли на Финляндском вокзале с чемоданом литературы, когда он намеревался выехать в Териоки. При задержании отобрали записную книжку с адресами. Финляндские друзья известили Смирнова об этом. Арест Виктора был для Владимира Мартыновича тяжелым ударом. Ведь они столько лет работали вместе, и пока не было провалов. А тут — арест. После этого Смирнов длительное время воздерживался ездить в Петербург, опасаясь, что и его при выходе на перрон Финляндского вокзала постигнет участь друга...

Но он не прекращал подпольной деятельности. К нему по-прежнему приезжали товарищи по партии, которым нужна была немедленная помощь. И они ее получали. Так, В. А. Антонов-Овсеенко вспоминал впоследствии, что летом 1907 года после бегства из тюрьмы Центральный Комитет направил его в Гельсингфорс, на явку к В. М. Смирнову в университетской библиотеке. Друзья Смирнова изготовили для него «железный паспорт», с которым Антонов-Овсеенко приехал в Петербург, а потом работал в Москве. В течение двух месяцев, которые Антонов-Овсеенко провел в Гельсингфорсе, о нем заботился Смирнов.

ПОБЕЖДАЕТ ЛЕНИНСКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Вновь пожелтели и начали опадать листья в гельсингфорсских парках. Осеннее небо обложили свинцовые тучи. На душе у Смирнова было тяжело. Газеты сообщали о продолжающихся обысках и арестах российских революционеров на Карельском перешейке. Ленин жил в Куоккала, и Смирнов, открывая утром газету, каждый раз боялся найти его имя в списке задержанных охранкой.

Выражая мнение большинства финляндцев, газета «Фрамтид» («Будущее») резко критиковала решение финляндского сената о выдаче царским властям русских революционеров. Она отмечала, что и раньше право на убежище существовало в Финляндии в урезанном виде. «Уступчивость, чтобы не сказать резче, нашего сената уничтожила это право,— говорилось в статье.— Таким образом, мы не можем защитить членов русских оппозиционных партий от их собственного государства, где законный судебный процесс заменен административным произволом». Газета предупреждала, что финляндские чиновники, которые будут проявлять усердие в выполнении предписания сената, «заслужат презрение большинства финляндских граждан». «Все наши симпатии на стороне оппозиционной части русского народа в его борьбе против абсолютизма и бюрократии»,— писала «Фрамтид».

В октябре 1907 года в Петербурге были арестованы три финляндца: редактор газеты «Фрамтид» Ф. Тидерман, студент В. Стенбек и И. Гуммерус. Все трое были «активистами», все трое помогали Паульсону в транспортировке литературы и оружия, в устройстве нелегально приезжавших в Финляндию членов РСДРП. Между тем, как стало известно, на допросах жандармы интересовались главным образом связями арестованных с российскими революционерами.

Общественность Финляндии была возмущена этим аре-

стом. Сенат был вынужден обратиться к генерал-губернатору Герарду с просьбой о передаче арестованных финляндским властям, но тот отказался что-либо предпринять. Тогда сенат обратился с прошением к царю. Однако и Николай II «оставил представление сената без последствий». Арестованные были отправлены без суда в ссылку.

Таким образом, царизм открыто начал новое наступление на конституцию Финляндии, на права граждан этой страны, растоптав свой же манифест и данные ранее обещания.

В Финляндию не прекращался поток политических беженцев из России. Однажды у двери квартиры Смирнова раздался звонок. Открыла Виргиния Карловна. В коридоре стояла молодая женщина с карими глазами, из-под шляпки выбивались вьющиеся волосы.

— Профессор Смирнов дома? — спросила она по-русски.

— Скоро придет. Заходите, пожалуйста,— пригласила Виргиния Карловна.

Приезжая оказалась Анной Ильиничной, старшей сестрой Ленина. Он дал ей важное задание: разыскать в Стокгольме остатки русской подпольной социал-демократической литературы, перевозившейся в 1900—1905 годах через шведскую столицу и застрявшей там по разным причинам.

Смирнов расспрашивал Анну Ильиничну о событиях в Петербурге, о положении в партии, о здоровье Владимира Ильича. Он познакомил ее с Гельсингфорсом. Ей очень понравился город, пропахший морем, с многочисленными портами и скверами, с деревянными домами, построенными у самых скал. Побывали они на Рыночной площади, с обсерваторской горы полюбовались на серо-синий залив и видневшиеся на горизонте острова.

Проводив гостью на поезд, шедший в Або, Смирнов сообщил ей, как найти в Стокгольме Народный дом, где располагалось правление Социал-демократической партии

Швеции, снабдил ее адресами и телефонами Брантинга и Бергегрена.

В Архиве рабочего движения, в фонде Хинке Бергегрена, сохранился документ, напоминающий о приезде Анны Ильиничны в Стокгольм. Это письмо В. И. Ленина, написанное в Куоккала в октябре 1907 года. В нем говорится:

«Многоуважаемый товарищ!

Подательница этого письма является нашим партийным товарищем. Очень прошу Вас оказать ей помощь советом и содействием. В особенности она имеет поручение разыскать в Стокгольме наши социал-демократические книги и документы и, в случае необходимости, переслать их дальше. Эти книги и т. д. находятся частью в подвале стокгольмского Народного дома (в деревянных ящиках), частью же, быть может, у товарищей Бёрьессона или Бьёрка (Bokhandel Björck & Börjesson, Drottninggatan, 62).

Надеюсь, что с Вашей помощью подательница этого письма окажется в состоянии выполнить данное ей поручение, которое я считаю весьма важным.

С наилучшими приветами *Н. Ленин*».

В ноябре 1907 года в Гельсингфорсе был намечен созыв очередной конференции РСДРП. К Смирнову приезжали делегаты с паролями и без паролей. Он устраивал их у своих знакомых социал-демократов.

Владимиру Мартыновичу запомнился приезд одного из делегатов. В день открытия конференции утром на Елизаветинскую явился интеллигентный, хорошо одетый мужчина средних лет. Снял шляпу, передал привет из Питера.

Смирнов пригласил гостя войти, в прихожей намекнул насчет пароля.

— Не сообщили,— растерянно проговорил приезжий.— Просто дали этот адрес, попросили запомнить, и все. Сказали: «Вас свяжут с товарищами и устроят с жильем».

стом. Сенат был вынужден обратиться к генерал-губернатору Герарду с просьбой о передаче арестованных финляндским властям, но тот отказался что-либо предпринять. Тогда сенат обратился с прошением к царю. Однако и Николай II «оставил представление сената без последствий». Арестованные были отправлены без суда в ссылку.

Таким образом, царизм открыто начал новое наступление на конституцию Финляндии, на права граждан этой страны, растоптав свой же манифест и данные ранее обещания.

В Финляндию не прекращался поток политических беженцев из России. Однажды у двери квартиры Смирнова раздался звонок. Открыла Виргиния Карловна. В коридоре стояла молодая женщина с карими глазами, из-под шляпки выбивались вьющиеся волосы.

— Профессор Смирнов дома? — спросила она по-русски.

— Скоро придет. Заходите, пожалуйста,— пригласила Виргиния Карловна.

Приезжая оказалась Анной Ильиничной, старшей сестрой Ленина. Он дал ей важное задание: разыскать в Стокгольме остатки русской подпольной социал-демократической литературы, перевозившейся в 1900—1905 годах через шведскую столицу и застрявшей там по разным причинам.

Смирнов расспрашивал Анну Ильиничну о событиях в Петербурге, о положении в партии, о здоровье Владимира Ильича. Он познакомил ее с Гельсингфорсом. Ей очень понравился город, пропахший морем, с многочисленными портами и скверами, с деревянными домами, построенными у самых скал. Побывали они на Рыночной площади, с обсерваторской горы полюбовались на серо-синий залив и видневшиеся на горизонте острова.

Проводив гостью на поезд, шедший в Або, Смирнов сообщил ей, как найти в Стокгольме Народный дом, где располагалось правление Социал-демократической партии

Швеции, снабдил ее адресами и телефонами Брантинга и Бергегрена.

В Архиве рабочего движения, в фонде Хинке Бергегрена, сохранился документ, напоминающий о приезде Анны Ильиничны в Стокгольм. Это письмо В. И. Ленина, написанное в Куоккала в октябре 1907 года. В нем говорится:

«Многоуважаемый товарищ!

Подательница этого письма является нашим партийным товарищем. Очень прошу Вас оказать ей помощь советом и содействием. В особенности она имеет поручение разыскать в Стокгольме наши социал-демократические книги и документы и, в случае необходимости, переслать их дальше. Эти книги и т. д. находятся частью в подвале стокгольмского Народного дома (в деревянных ящиках), частью же, быть может, у товарищей Бёрьессона или Бьёрка (Bokhandel Björck & Börjesson, Drottninggatan, 62).

Надеюсь, что с Вашей помощью подательница этого письма окажется в состоянии выполнить данное ей поручение, которое я считаю весьма важным.

С наилучшими приветами *Н. Ленин*».

В ноябре 1907 года в Гельсингфорсе был намечен созыв очередной конференции РСДРП. К Смирнову приезжали делегаты с паролями и без паролей. Он устраивал их у своих знакомых социал-демократов.

Владимиру Мартыновичу запомнился приезд одного из делегатов. В день открытия конференции утром на Елизаветинскую явился интеллигентный, хорошо одетый мужчина средних лет. Снял шляпу, передал привет из Питера.

Смирнов пригласил гостя войти, в прихожей намекнул насчет пароля.

— Не сообщили,— растерянно проговорил приезжий.— Просто дали этот адрес, попросили запомнить, и все. Сказали: «Вас свяжут с товарищами и устроят с жильем».

А кто это сделает — мне показалось неудобным спрашивать.

— А кто с вами разговаривал в Питере?

— На явке? Какая-то дама. Фамилии, извините, не знаю. Не сказала, не захотела раскрывать своего инкогнито.

Видя сомнение на лице Смирнова, добавил:

— Да вы не сомневайтесь, я действительно делегат. Избран от Северного Кавказа.

— Вы рабочий? — продолжал прощупывать гостя Смирнов.

— Нет, я бывший губернатор из Кутаиси. Слышали, наверно?

— Губернатор? — удивился Владимир Мартынович. Нет, о наличии среди социал-демократов бывшего губернатора, его превосходительства, он не слышал. И сомнения его усилились. Неужели филер? Неужели провал?

Провел гостя в кабинет, попросил располагаться и отдохнуть с дороги, попить чаю. А сам извинился, что вынужден отлучиться по неотложному делу. Оделся и побежал на улицу Ластенкодинкату, в дом табачной фабрики, где намечалось открытие конференции. В коридоре, где уже началась регистрация делегатов, увидел знакомого питерского товарища. Подошел к нему, проговорил тихо:

— Может случиться беда. Ко мне на квартиру явился какой-то странный господин. Называет себя делегатом конференции, говорит, что он был кутаисским губернатором. Может ли это быть?

— Губернатором? Действительно, странно. Надо выяснить у кавказских товарищей. Подожди здесь. — И скрылся в зале, где уже собирались делегаты. Вскоре вышел с темноволосым мужчиной. Его глаза остановились на Смирнове:

— Где он?

— У меня на квартире.

Мужчина, по-видимому грузин, сказал с сильным акцентом:

— Этот человек заслуживает полного доверия. Это Владимир Старосельский. В 1905 году, когда в Грузии поднялось восстание, царские власти, зная о его демократических взглядах, назначили Старосельского губернатором в Кутаиси, надеялись, что он сумеет успокоить народ. Но Старосельский, используя губернаторский пост, помогал революционерам, снабжал их оружием, освобождал политических заключенных из тюрьмы, за что в январе 1906 года был арестован, а потом судим. Сейчас активно работает в подпольной социал-демократической организации, избран товарищами делегатом конференции. Такому человеку надо верить! — И ушел в зал, хлопнув дверью.

Смирнов побежал домой. Старосельский пил чай, заглядывая одновременно в книгу, взятую с полки.

Вскоре Владимир Мартынович повел своего гостя на Ластенкодинкату. Едва успели к открытию конференции. Ночевать бывшего кутаисского губернатора он устроил на квартире сестры «активиста», скульптора Сайло. Она обещала позаботиться о нем.

У Смирнова в эти дни, с 5 по 12 (с 18 по 25) ноября, остановились на время работы конференции член ЦК РСДРП И. П. Гольденберг и депутат III Государственной думы Н. Г. Полетаев. Оба они были большевики.

Конференция открылась на верхнем этаже здания табачной фабрики, где была рабочая столовая. В зале столовой и начались заседания конференции. В Гельсингфорс приехали 27 делегатов. Из них 10 большевиков, 4 меньшевика, 5 польских социал-демократов, 5 бундовцев, 3 латышских социал-демократа. В порядке дня работы были вопросы о тактике социал-демократической фракции в Государственной думе, о фракционных центрах и укреплении связи ЦК с местными организациями, об участии социал-демократов в буржуазной прессе.

Смирнов стоял в коридоре, возле двери в зал. Только

что начались заседания. Он разговаривал с Вяйне Хаккила, которому руководство СДПФ поручило обеспечить российских товарищей помещением для проведения конференции. С тем самым Хаккила, который вместе с Севери Аллане был хозяином квартиры, где в марте — апреле 1906 года, перед IV съездом РСДРП, некоторое время жил Ленин. Хаккила рассказывал, что кроме зала в этом здании ему удалось снять на всякий случай неподалеку еще одно помещение — в деревянном флигеле Дома студентов политехнического института, на улице Андреевской (ныне Ленротинкату).

Вдруг из зала, где проходила конференция, послышался какой-то шум. У двери стояло несколько опоздавших. Один из них произнес громко: «Сейчас Ленин будет говорить!» — и начал энергично стучать в дверь. Опоздавшие вошли в зал, расселись за столами. Хаккила и Смирнов остались у двери. На трибуне стоял Ленин. Улыбаясь, он терпеливо ждал, когда зал успокоится, затем уверенно бросил в наступившую тишину первое слово: «Товарищи!» Владимир Ильич выступил с докладом о тактике социал-демократической фракции в III Государственной думе. Говорил просто, без театральных жестов, к которым прибегали некоторые меньшевики и эсеры, чьи выступления приходилось слушать Смирнову. Слова Ленина доходили до каждого, логика их была такова, что против них нечего было возразить. Он подчеркнул, что объективные задачи революции не разрешены и период наступившей реакции требует, чтобы пролетариат твердо отстаивал дело революции и демократии. Государственная дума должна быть использована в революционных целях, для широкого распространения взглядов партии, а не для участия в выработке «реформ», которые будут представлять собой поддержку контрреволюции и всяческое урезывание демократии.

Смирнов видел, что сидевшие в зале делегаты по-разному воспринимают доклад: Гольденберг, Полетаев и дру-

гие большевики смотрели на Ленина с надеждой, выражали одобрение его словам аплодисментами. Меньшевики же глядели на докладчика враждебно, пытались репликами сбить его с мысли, записывали что-то в блокноты, готовясь возражать.

Ленин проанализировал состав III Думы, подчеркнув, что в нем возможны два большинства: октябристско-черносотенное и кадетско-октябристское.

— Оба различными путями будут стараться завязывать туже узел реакции: первое — стремлением к восстановлению самодержавия, второе — сделками с правительством и призрачными реформами, прикрывающими контрреволюционные стремления буржуазии,— сказал он.— Таким образом, социал-демократия не может стать на точку зрения поддержки законодательных реформ, что равносильно поддержке *правительственной,* октябристской, партии. Путь «реформ» на данной политической почве и при данном соотношении сил означает не улучшение положения масс, не расширение свободы, а бюрократическую регламентацию несвободы и порабощения масс.

Представители меньшевиков и Бунда выступили против ленинской оценки третьеиюньского режима и намеченных Лениным революционных задач социал-демократии. Они защищали необходимость «чисто практической работы» в Думе в блоке с кадетами...

Вечером Ленин ужинал у Смирнова. Владимир Мартынович рассказал ему о предательской роли финляндских либералов, которые ранее, до октября 1905 года, активно участвовали в сопротивлении царизму и помогали российским революционерам, а теперь пошли на открытый сговор с царизмом. Возглавляемый конституционалистом Лео Мехелином финляндский сенат принял решение о преследовании и выдаче российских революционеров царским властям.

— Теперь нам помогают только социал-демократы рабочие,— сказал Смирнов.— «Активисты» делают это, прав-

да, тоже, но не с такой готовностью, как раньше, и часто с большими оговорками.

Ленин поставил чашку на блюдце и взглянул на Смирнова.

— Заметьте, Владимир Мартынович, за либералами нет ни одного завоевания за все время русской революции, ни одного успеха, ни одного сколько-нибудь демократического дела, организующего народные силы в борьбе за свободу,— сказал он.— До октября 1905 года либералы держали иногда сочувственный нейтралитет по отношению к революционной борьбе масс, но и тогда уже они начали выступать против нее, посылая депутации к царю, поддерживая булыгинскую Думу не из-за недомыслия, а из-за прямой вражды к революции. После октября 1905 года либералы только и делали, что позорно предавали дело народной свободы.

В разговор вступил Полетаев. Он спросил, помешивая чайной ложкой в чашке:

— Ну а нам, депутатам III Думы, как быть практически, Владимир Ильич, по отношению к либералам? Ведь нас в Думе единицы, и мы по установленным порядкам даже запроса внести в правительство не имеем права из-за своей малочисленности. С кем же нам блокироваться?

— Надо запомнить одно: о поддержке нами «левых» октябристов и кадетов в Думе не может быть и речи,— ответил Ленин.— Социал-демократия должна вести самостоятельную социалистическую и последовательную демократическую линию, пользуясь трибуной Думы. Состав и деятельность III Думы обещают дать социал-демократам обильный агитационный материал, который должен быть использован против черносотенного правительства, явных крепостников-помещиков, октябристов и кадетов. Задачей социал-демократии по-прежнему остается популяризация в самых широких массах народа идеи всенародного Учредительного собрания, созданного на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосова-

нии. Надо, чтобы наша фракция высоко держала в Думе знамя социал-демократии, чтобы она вела непримиримую борьбу против контрреволюции всех видов и оттенков.

Ленин помолчал, затем, глядя на Полетаева, добавил:

— Социал-демократы в Думе, дорогой Николай Гурьевич, обязаны до конца разоблачать классовую подкладку как правительственных, так и либеральных мер и предложений, которые будут проводиться в Думе, причем, в полном согласии с резолюцией съезда партии, особенное внимание необходимо обратить на те меры и предложения, которые касаются экономических интересов широких народных масс; сюда относятся рабочий и аграрный вопросы, вопрос о бюджете и так далее. Во всех этих вопросах социал-демократия обязана противопоставить правительственной и либеральной точкам зрения свои социалистические и демократические требования.

— Ну а как же с запросами, Владимир Ильич? — снова повторил Полетаев.— Ведь, как вы знаете, для внесения законопроекта и запроса правительству требуется подпись не менее тридцати депутатов. Нам поневоле придется обращаться за поддержкой.

— Только не к кадетам. Их в этом отношении надо сбросить со счета,— ответил Ленин.— В деле предъявления запросов и предложений социал-демократы могут рассчитывать только на содействие групп левее кадетов. Речь, разумеется, идет не о каком-либо блоке, а о совместных действиях, которые должны исключать всякую возможность каких бы то ни было отступлений от социал-демократической программы и тактики, служа лишь целям общего натиска как против реакции, так и против предательской тактики либеральной буржуазии.

Смирнов видел, с каким вниманием и уважением прислушивается Полетаев к советам Ленина. Он знал, что Полетаев — путиловский рабочий, прошедший большую революционную школу. Еще в 1892 году он был арестован. Как член петербургского «Союза борьбы за освобождение рабо-

чего класса» арестован вторично в 1895 году и сослан. Затем находился в эмиграции, в октябре 1905 года рабочие избрали его членом Петербургского Совета рабочих депутатов. «Большая жизнь за плечами этого человека, умница,— думал Смирнов.— А чтобы как следует разбираться в обстановке, суметь все осмыслить и предвидеть, надо родиться Лениным».

На следующий день заседания проходили в другом помещении, во флигеле Дома студентов политехнического института.

Конференция работала целую неделю. Гости приходили на Елизаветинскую только вечером, чрезвычайно усталые. Несмотря на ожесточенное сопротивление меньшевиков и бундовцев, конференция приняла большевистские резолюции, в которых была дана ленинская оценка III Думы и политики самодержавия, намечена революционная тактика социал-демократов в Думе.

ПАНСИОНАТ В ОГЛЬБЮ

По окончании конференции делегаты небольшими группами возвращались в Россию. Никто из них на границе задержан не был. Уехал вечерним поездом и Ленин. Провожая его, Смирнов рассказал о сообщениях финляндских газет по поводу непрекращающихся обысков в приграничных дачных поселках и об арестах российских революционеров. Газеты писали, что в Выборгской губернии активно действовал «чиновник для поручений с.-петербургского градоначальника» Уранов, по всей вероятности, жандармский офицер. Он был удивительно хорошо осведомлен о деятельности российских революционеров в Финляндии, знал адреса и явки, вел финляндских полицейских к намеченному им дому, предлагая произвести обыск и арестовать человека, который, как утверждал Уранов, является опасным преступником. Смирнов просил Владимира

Ильича быть очень осторожным, беречь себя, а лучше — приехать снова в Гельсингфорс, где жандармские ищейки свирепствуют пока еще не так открыто и нагло.

Ленин решил не ехать сразу в Куоккала. Он задержался под Выборгом, остановился здесь на квартире А. Г. Шлихтера, а затем возвратился на дачу «Ваза». В это время шли обыски в Териоках, со дня на день ждали их и в Куоккала. Н. К. Крупская и жившая на даче Н. Богданова занимались «чисткой»: разбирали архивы, отбирали ценное и отдавали прятать его финским товарищам, остальное жгли. Причем так усердно, что снег вокруг дачи был усеян пеплом. Однажды утром прибежала хозяйка дачи, сказала, что в Куоккала приехали жандармы...

— Придется, Владимир Мартынович, подыскать мне где-нибудь жилье в Гельсингфорсе,— сказал Ленин, когда в декабре он вновь приехал на Елизаветинскую.

— А что же у нас, Владимир Ильич?

— У вас, конечно, хорошо, но все же в центре города, да и филеры к вашему дому дорогу уже хорошо изучили. Лучше бы какой-нибудь пансионат в тихом месте, может быть, даже за городом.

— Хорошо, Владимир Ильич, подыщем что-нибудь.

Вскоре Смирнов пришел в кабинет, где работал Ленин, с полосой из газеты, где печатались рекламы гостиниц и пансионатов. Выбрали пансионат сестер Винстен, расположенный в северном предместье Гельсингфорса Огльбю (по-фински Оулункюля).

Владимир Мартынович отправился разыскивать пансионат. Вернулся часа через два и сразу — к Ленину.

— Мне кажется, вам понравится, Владимир Ильич. Всего двадцать минут езды на поезде. Недалеко от станции. Вокруг дачи — березовый лес. Дача двухэтажная, деревянная. Принадлежит двум незамужним женщинам. Они сда-

ют комнату наверху, сами живут внизу. Больше пока у них квартирантов нет. Вас примут с удовольствием на полный пансион, и очень недорого.

— Хорошо, Владимир Мартынович,— одобрил Ленин.— Только как я там без книг и без газет?

— А вы составьте список, Владимир Ильич, какие книги нужны, я принесу их из библиотеки. Поедем в Оглльбю и захватим их. Свежие газеты я буду подвозить, если, конечно, со мной ничего не случится. Да, Владимир Ильич, я сказал хозяйкам, что у них поселится русский эмигрант, которого преследуют царские жандармы. Как и многие финны, фрёкен Винстен сочувствуют русским революционерам. Они охотно согласились принять в свой дом одного из них.

Ленин составил список нужной ему литературы. Большей частью это были книги о положении крестьян в России и в других странах. Он работал в это время над книгой «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов». Ленин изучил большое количество литературы по этому вопросу, тщательно просмотрел стенографические отчеты I и II Государственных дум, обращая особое внимание на выступления представителей крестьян.

На другой день в пансионате «Гердобакка» появился новый квартирант, мужчина среднего роста в пальто с каракулевым воротником. В руках его был небольшой коричневый саквояж. Лектор Смирнов, сопровождавший русского эмигранта, внес за ним в комнату большую связку книг.

Барышням Винстен постоялец понравился. Это был спокойный, скромный человек. Целыми днями он сидел в своей комнате, читал и писал за столом у окна. Хозяйки видели его редко, только во время еды, когда он спускался в гостиную. Он был неразговорчив, думал о чем-то постороннем даже во время еды, ел с одинаковым аппетитом все, что готовили сестры, и хвалил их стряпню. Словом, это был воспитанный, выдержанный человек.

Обе сестры Винстен были учительницами: Анна преподавала немецкий язык, младшая, Софи,— музыку. Днем они обычно уезжали в город, возвращались оттуда нагруженные продуктами. Утром одна из сестер готовила завтрак, другая бралась за приборку, подметала и протирала полы. Когда наступала очередь убирать комнату на втором этаже, постоялец одевался и уходил на прогулку. Возвращался он, как правило, через час-полтора с пачкой свежих газет. Растапливал у себя печку и присаживался к столу, просматривал газеты.

Часто в Оглльбю по вечерам заезжал лектор Смирнов. Он поднимался наверх и оставался там долго. Иногда мужчины прогуливались вместе в березовой роще возле дачи, идя по тропинке друг за другом. Однажды со Смирновым в пансионат приехала молодая женщина. Хозяйки заметили, что их постоялец чрезвычайно обрадовался ее приезду. Обычно спокойный и уравновешенный, увидев ее, он вскочил из-за обеденного стола и бросился к двери, поцеловал приезжую и представил барышням Винстен. Это была его жена. Она приехала из Петербурга. Погостив один день, уехала, и жизнь в пансионате снова потекла тихо и размеренно, нарушаемая только визитами лектора Смирнова.

В воскресенье Владимир Мартынович, будучи свободным от занятий в университете, приехал в Оглльбю днем. Поздоровавшись с хозяйками, как обычно, сразу же взбежал наверх. Ленин стоял у окна, смотря на улицу из-за кружевной занавески. Увидев Смирнова, улыбнулся, пожал ему руку. Тот выложил на стул из портфеля книги и газеты, затем какой-то сверток.

— Прекрасно,— сказал Ленин, перебирая книги.— А это что? — спросил он, беря в руки сверток.

— Это пирожки, Владимир Ильич. Мама специально для вас пекла. Отвези, говорит, русскому профессору от меня в подарок, он, бедный, наверно, соскучился по пирожкам.

Ленин рассмеялся:

— Нет никого на свете добрее матери! Передайте большое спасибо Виргинии Карловне. А кормят здесь совсем неплохо. Жаловаться грех. Готовят барышни Винстен отменно, угощают финскими национальными блюдами. Так что с этой стороны все хорошо. К одному не могу привыкнуть — к одиночеству. Очень тоскую по Питеру, по товарищам, по живой работе.

— Зато здесь безопасно, Владимир Ильич. Ведь аресты продолжаются — и в России, и на Карельском перешейке.

— Кстати, Владимир Мартынович, и здесь не совсем безопасно стало,— ответил Ленин.— Сегодня заметил какого-то субъекта, который явно не спускает глаз с моих окон.

— Да что вы говорите, Владимир Ильич? — встревоженно воскликнул Смирнов.— Неужели за мной из Гельсингфорса увязался?

— Этого я не знаю. Но факт налицо, сегодня выходной день, а он, бедолага, на посту. Полюбуйтесь! — и Ленин показал на окно.

Смирнов, осторожно приоткрыв занавеску, посмотрел в сторону дороги и увидел за стволами берез долговязую фигуру мужчины в шубе, который приплясывал на одном месте, чтобы согреться.

— Да, действительно, похоже, что это «хвост».

— Книгу я заканчиваю,— сказал Ленин.— Придется, видно, уезжать за границу. Ничего не поделаешь.

— А как же «Пролетарий»?

— «Пролетарий» за границей выпускать будем и доставлять в Россию. Иного выхода нет.

Ленин попросил Смирнова связаться с Петербургом и пригласить для встречи с ним пять-шесть человек. Как потом узнал Владимир Мартынович, эти товарищи были членами Большевистского центра, избранного на V съезде РСДРП.

...В понедельник утром унтер-офицер Закачура докладывал помощнику начальника Финляндского жандармского управления ротмистру Лявданскому:

— Филер Вец, «провожая» лектора Смирнова от квартиры в Оглбью, обнаружил, что он встречался там с каким-то мужчиной, который проживает в пансионате «Гердобакка».

— А что за мужчина?

— Вец не стал выяснять у хозяек пансионата, чтобы не спугнуть. Может быть, попросить финляндскую полицию проверить, что за человека навещает лектор Смирнов?

Стоял яркий зимний день. Ленин сидел у окна за письменным столом. Перо его бегало по бумаге:

«Мы должны изучить объективные условия крестьянского аграрного переворота в капиталистически развивающейся России, отделить на основании этого объективного анализа ошибочную идеологию тех или иных классов от реального содержания экономических перемен — и определить, чего требуют на почве этих реальных экономических перемен интересы развития производительных сил и интересы классовой борьбы пролетариата».

Потом задумался, глядя через окно на заснеженные березы, на тропинку, уходящую вниз, к шоссе.

В дверь постучали. Ленин надел пиджак, крикнул:

— Войдите!

На пороге показалась Анна Винстен. Она сделала книксен, сказала по-немецки:

— Извините, но я вынуждена вас побеспокоить. Пришел местный полицейский. Он проверяет документы всех живущих в пансионатах. Простая формальность. Можно попросить ваш паспорт?

— Конечно, конечно! — ответил Ленин. Открыв коричневый саквояж, он подал паспорт хозяйке, и та ушла вниз.

В гостиной у двери стоял высокий молодой человек в черной шинели. Это был финский констебль. Он снял шапку с кокардой, и его длинные белокурые волосы упали на лоб. Рядом с ним прислонился к двери долговязый, тощий субъект в потертой шубе.

Хозяйка пансионата подала паспорт полицейскому. Тот присел к столу, стал выписывать в тетрадь сведения из него, повторяя вслух: «Вейков Эрвин, подданный Германии, родился 16 июля 1862 года в Хамельне».

Долговязый субъект тоже подошел к столу, долго рассматривал паспорт Ленина. Потом спросил хозяйку:

— А что, он и в самом деле немец?

— Я преподаю немецкий язык, у него нет никакого акцента,— ответила Анна Винстен.

— А по-русски он не разговаривает?

— Ни разу не слышала.

Полицейский надел шапку, отдал честь и пошел к двери. За ним вышел сопровождавший его мужчина.

Ленин, наблюдавший за ними из окна, сразу узнал в долговязом человека, который скрывался за деревьями.

— Вец был сегодня с полицейским в пансионате «Гердобакка». Мужчина, к которому ездит лектор Смирнов, оказался немцем Эрвином Вейковом. По-немецки говорит чисто,— докладывал в тот же день унтер-офицер Закачура ротмистру Лявданскому.

— А по-русски этот немец не говорит?

— Никак нет. Спрашивали хозяек. Кроме немецкого, никакого языка не признает.

— Но почему все же Смирнов зачастил к этому немцу?

— Не могу знать, ваше благородие!

— Ты вот что. Прикажи Вецу сделать словесный портрет этого немца. Сверим на всякий случай с приметами разыскиваемых государственных преступников, что есть у нас в картотеке. Да и сам Вец пусть пороется в фотогра-

фиях картотеки, авось увидит кого-то, похожего на этого немца...

— Слушаю, ваше благородие!

Закачура повернулся по-уставному и ушел исполнять приказание.

С ОПАСНОСТЬЮ ДЛЯ ЖИЗНИ

Утром в читальном зале русского отделения университетской библиотеки собрались прибывшие из Петербурга товарищи. Из Оглыбю приехал Ленин. Смирнов запер входную дверь и повесил на двери табличку «Читальный зал закрыт». Спустил шторы, чтобы никто не заглянул в окна. Затем ушел в служебное помещение, не желая мешать товарищам.

Обедать участников совещания Смирнов пригласил к себе. Заранее позвонил матери, чтобы она подготовила хороший обед.

Когда пришли на Елизаветинскую, в гостиной на столе лежали накрахмаленные салфетки, поблескивали тарелки и рюмки.

— Ого, Владимир Мартынович решил устроить прием по случаю моего отъезда,— сказал Ленин, входя в гостиную и потирая с мороза руки.

— Как, Владимир Ильич, вы решили ехать сегодня? — удивился Смирнов.— Но ведь нужно известить товарищей в Або.

— Да, конечно, известите, что сегодня приеду вечером. Когда приходит поезд?

— В Або? Два поезда. В половине одиннадцатого и в двенадцать ночи.

— Отсюда отходит, значит, в пять и шесть часов. Вполне успеваю. Саквояж я захватил с собой. А книги вы у барышень потом заберете. Заодно и расплатитесь с ними. Кстати, извинитесь, что я уехал не попрощавшись. Решил,

что так лучше. Чтобы они не знали, куда я делся. Их ведь будут расспрашивать обо мне. Лучше, если они не будут знать, куда и когда я уехал.

Пока товарищи раздевались и мыли руки, Смирнов прошел в кабинет, позвонил в Турку Вальтеру Боргу. Тот, по счастью, оказался дома.

— Сегодня посылаю с одним из товарищей в ваш адрес ценное письмо и «Хювюдстадсбладет». Письмо очень ценное,— подчеркнул Смирнов.— Прошу с ним обращаться бережно и переправить в Стокгольм так, чтобы оно в чужие руки не попало. Да, Вальтер, я заказал себе ввиду морозов пальто с каракулевым воротником и такую же шапку.

— Поздравляю с обновой,— сказал Борг.— А за письмо не беспокойся. Переправим.— Тут же, положив трубку, сказал сидевшему рядом старшему сыну:

— Пойдешь сегодня к вечернему поезду из Гельсингфорса. Встретишь мужчину в пальто с каракулевым воротником и в такой же шапке. В руках он должен держать «Хювюдстадсбладет». Приведешь его домой, понял?

— Понял, не впервой,— ответил сын.— Встретим.

Тем временем в Гельсингфорсе на квартире Смирнова совещание под руководством Ленина продолжалось.

Лявданский докладывал начальнику Финляндского жандармского управления Яковлеву:

— Обнаружено, что лектор университета Смирнов, известный социал-демократ, посещает в Оглбю некоего немца по имени Эрвин Вейков.

— Немца? Что-то подозрительно.— Полковник позвонил и приказал явившемуся на звонок адъютанту: — Проверьте, не проходит ли где по документам гражданин Германии Эрвин Вейков!

Адъютант вышел.

— Ну а еще что нового в Гельсингфорсе? — спросил полковник ротмистра Лявданского.

— Сегодня утром какое-то тайное совещание состоялось в читальном зале русского отделения библиотеки университета. К сожалению, узнать, что за совещание, не удалось, так как входная дверь была закрыта. Наружным наблюдением установлено, что там была группа неизвестных мужчин, которые вышли недавно вместе с лектором Смирновым и пошли к нему на квартиру.

— Если бы это было в Петербурге, сейчас бы мы взяли всех этих господ и узнали, кто они такие,— с досадой хлопнул по столу полковник Яковлев.— А здесь приходится церемониться, к финнам за помощью обращаться. А они, прежде чем задержать указанных людей, предупредят их, чтобы те поскорее скрылись.

— Так точно, такие случаи нередки,— подтвердил Лявданский.

В это время вошел адъютант с какой-то бумагой в руке:

— Ну что, выяснили?

— Означенный Эрвин Вейков на самом деле — руководитель социал-демократов Владимир Ульянов-Ленин,— сказал адъютант.— Вот секретное письмо, присланное в июне из Петербурга. В нем говорится, что Ульянов-Ленин проживает в Финляндии по паспорту германского подданного Эрвина Вейкова.

— Так. Чувствовало мое сердце, что здесь что-то нечисто! — закричал полковник.— А ведь есть циркуляр департамента полиции арестовать, обыскать и препроводить в Петербург Ульянова-Ленина. Ротмистр, возьмите двух унтер-офицеров, сговоритесь с финской полицией и быстро в Оглъбю!

Через час Лявданский и двое его подчиненных в сопровождении финского полицейского вошли в пансионат «Гердобакка». Местный констебль, поздоровавшись, спросил Анну Винстен:

— Ваш квартирант дома?

— Он куда-то ушел.

— Можно посмотреть его комнату?

— Это в общем-то не принято, но полиции мы не можем запретить,— пожала плечами фрёкен Винстен.

Ротмистр Лявданский окинул взглядом комнату. Стол, железная кровать, стул, шифоньер. На подоконнике куча петербургских газет. Многие строчки подчеркнуты, на полях видны какие-то значки, сделанные красным карандашом. На столе — пачка книг. Ротмистр просмотрел: все книги, дозволенные цензурой, о сельском хозяйстве.

— Ну что, какой же это немец? Смотрите, все газеты и книги на русском языке,— зло сказал он финскому полицейскому.— Здесь живет опасный преступник, замышляющий покушение на царя и на существующий в России строй. Его нужно арестовать! Мы будем ждать его возвращения здесь.

Смирнов стал собираться, чтобы проводить гостей, но Ленин отговорил его:

— Не нужно, Владимир Мартынович. Мы прекрасно найдем дорогу на вокзал и сами. Лучше помогите Виргинии Карловне убрать со стола. Еще раз спасибо вам за помощь. Надеюсь, что еще увидимся. Надежда Константиновна скоро поедет в Стокгольм, наверно, вашей квартиры не минует. Так что вы ей уж, пожалуйста, тоже помогите до Стокгольма добраться. До свидания! — И он крепко пожал Смирнову руку.

Через некоторое время у двери раздался звонок. Смирнов, думая, что это вернулся кто-то из товарищей, не спрашивая, открыл дверь. В коридоре стоял долговязый мужчина в черном пальто. Не здороваясь, он шагнул в прихожую, открыл дверь в гостиную.

Смирнов бросился за ним, схватил за плечо:

— Кто вы такой? Убирайтесь отсюда, иначе я позвоню в полицию!

Мужчина сверкнул глазами:

— Вино пьем, развлекаемся, глаза отвести хотите. Ну

погодите, господин лектор...— и, быстро повернувшись, выбежал из квартиры на улицу.

Это был филер Вец. Его прислал ротмистр Лявданский, приказал проверить, нет ли среди мужчин, обедавших у Смирнова, того немца, который живет в пансионате сестер Винстен. Это, оказывается, важный преступник Ульянов-Ленин. А у Смирнова уже никого нет. Где его искать? Может быть, на вокзале?

И Вец побежал в сторону железнодорожного вокзала. Было уже темно, но наметанный глаз сыщика сразу же заметил при свете фонарей мужчину из пансионата сестер Винстен. Он стоял у одного из вагонов поезда, отходящего в Або, и разговаривал с какими-то неизвестными Вецу мужчинами. Филер побежал на вокзал, в комнату дежурного. Позвонил в жандармское управление, попросил передать ротмистру Лявданскому, что интересующий его человек уезжает в Або и будет там вечером. Сам же купил билет и поспешил на поезд.

В двенадцать часов ночи Смирнов позвонил Боргу:

— Как дела?

— Ничего нет! — ответил Борг.

— Как нет? Встречали?

— Конечно, оба поезда. Ничего похожего не было.

— Если что-то будет новое, позвоните мне сразу же. Я все равно не усну,— сказал Смирнов и положил трубку.

Что случилось с Лениным? Неужели его задержали в Гельсингфорсе? «Ну почему я не пошел его, как всегда, провожать на вокзал?» — Тяжелые мысли долго не давали уснуть.

Уже под утро, около трех часов, когда Смирнов только что забылся, его разбудил телефонный звонок. Это был Борг. Он сказал, что «письмо» наконец получено и отправлено в Паргас «для безопасной посадки». Смирнов знал, что «активисты» организовали свой путь, по которому про-

вожали революционеров до одного из островов возле Або, где их принимали на стокгольмский пароход, не требуя паспорта. Вероятно, Борг решил, чтобы не рисковать, проводить Ленина этим путем.

— Ну а почему «письмо» запоздало? — спросил Смирнов.

— В дороге его пытались взять чужие люди. Пришлось сходить в Литтойнен.

Так. Значит, за Лениным следили филеры и, чтобы не попасть в руки охранки, он сошел на полустанке Литтойнен, шел ночью по лесной дороге около десяти километров пешком до Або. Вот почему его так долго не было у Борга!

— Известите меня, пожалуйста, когда «письмо» будет отправлено по адресу! — попросил Смирнов и положил трубку.

На другой день он разыскал расписание стокгольмских пароходов из Або. Они шли по средам, пятницам и воскресеньям. В воскресенье 9 (22) декабря из Турку шел «Боре-1». «Вероятно, товарищи решили отправить Ленина на этом пароходе», — решил Смирнов.

Наступил понедельник. Смирнов позвонил Боргу и спросил, как обстоят дела. Тот ответил, что, к сожалению, ничего не знает, так как связи с островами нет. Успокаивал, что все будет в порядке, ибо там-то «чужих людей» нет, это он знает точно.

Только 26 (13) декабря, после рождества, Борг позвонил сам и сообщил, что «письмо» вчера отправлено по адресу.

Смирнов облегченно вздохнул: Ленин благополучно уехал 25 (12) декабря в Стокгольм. В этот же день вечером позвонил Хинке Бергегрену, спросил по-шведски, нет ли у него гостя. Тот ответил:

— Он здесь! Передаю трубку.

— Все в порядке, Владимир Мартынович! — послышался бодрый голос Ленина, — хотя понервничал я за эти дни немало. Сначала пришлось долго сидеть в ожидании пого-

ды на островах, а потом, ночью, по пути на пароход мы с провожатыми чуть не провалились под лед. Но все, к счастью, обошлось. Надежда Константиновна не приезжала?

— Пока нет, Владимир Ильич!

— А книги не взяли?

— Взял. Сестры рассказывали, что вас в тот вечер уже поджидали.

— Я понял это, потому и заторопился,— ответил Ленин.

— Всего вам доброго, Владимир Ильич, берегите себя! Если будет возможность, заезжайте, мы всегда вам рады!

В январе 1908 года в адрес генерал-губернатора пришло письмо министра — статс-секретаря по делам Финляндии Лангофа, в котором говорилось, что, по данным департамента полиции, «русское отделение университетской библиотеки в Гельсингфорсе неоднократно служило местом собраний для противоправительственных целей» и что 7 декабря истекшего года в помещении этого отделения состоялось заседание так называемого «гельсингфорсского освободительного кружка». В письме отмечалось, что «в числе присутствовавших находились русские революционеры».

Потребовали объяснения от библиотекаря А. Игельстрёма и вице-канцлера университета Т. Рейна. Игельстрём писал, что в русской библиотеке «никаких политических, и тем более противоправительственных, собраний не происходило». Он сообщил, что 7 декабря было заседание русского общественно-просветительного кружка в Гельсингфорсе.

Такие же объяснения представили Т. Рейн, а также губернатор и полицмейстер Гельсингфорса.

Начальник жандармского управления Яковлев, ознакомившись с этими объяснениями, зло бросил папку на стол:

— Опять покрывают финны русских революционеров.

Знаем мы эти кружки. Если бы не этот шляпа Лявданский, нам не пришлось бы читать эту писанину.

Гроза, вновь собравшаяся над головой Смирнова, рассеялась. Об этом по секрету сообщил ему один из старых знакомых, работавший в финляндской полиции.

В России черносотенная печать раздувала антифинскую кампанию. «Новое время», например, требовало «твердой рукой подавить» привилегированное положение в Финляндии «инородцев». «Хювюдстадсбладет» цитировала 9 февраля слова, произнесенные в Государственной думе октябристом Л. В. Половцевым. Он заявил: «Вы назовете меня черносотенцем за мое высказывание, но я не хочу скрывать своих взглядов по финляндскому вопросу. Там у власти стоят люди, которые отнюдь не дружественно к нам относятся. Большинство финляндского сейма состоит из социалистов и радикалов. Что же касается властей на местах, то они полностью игнорируют российские интересы. Финляндия стала местом сборищ русских революционеров и террористов, которые оттуда распространяют свои преступные планы дальше». Половцев привел такой пример: «Совсем недавно послали в Финляндию агента, чтобы выследить и схватить чрезвычайно опасного революционера. Когда агент обратился за помощью к финским властям, те поспешили сообщить революционеру, чтобы он скрылся, иначе он через час будет арестован... Мы не можем позволить, чтобы в 30 верстах от Петербурга были районы, которые принадлежали к России, но укрывали самых главных врагов Российской империи»,— бесновался думский октябрист.

Прочитал это Смирнов и пошел к матери:

— Посмотри, мама, это ведь о Ленине. Только врет Половцев: никто Ленина не предупреждал, сам почувствовал опасность и вовремя уехал. Теперь охранка свой промах хочет на финляндцев свалить.

— Слава богу, русский профессор теперь далеко от «их всевидящего глаза, от их всеслышащих ушей»,— ответила Виргиния Карловна.

«РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕГО ВПОЛНЕ УСТАНОВЛЕНА»

В один из последних дней декабря 1907 года жандармам в Финляндии повезло: они перехватили письмо Максима Горького на имя финского художника Акселя Галлен-Каллела, с которым писатель встречался во время приезда в Гельсингфорс, в начале 1906 года. Начальник жандармского управления полковник Яковлев распорядился снять копии с письма и с присланной вместе с ним статьи Горького о политике царизма в Финляндии.

— А письмо-то не сам Пешков писал,— заметил ротмистр Лявданский, докладывая полковнику о сделанных копиях.— По всей видимости, писала артистка Андреева, живущая с Горьким на острове Капри, в Италии.

— А статью? — спросил Яковлев, разглядывая исписанные каллиграфическим почерком листы бумаги.

— Не могу знать-с. Кто-то другой переписывал.

«Русское правительство всегда было, а теперь особенно, по духу своему — антикультурно, во главе его стоят люди, которых мы с тобой даже и в добрый час не назовем порядочными людьми»,— прочел Яковлев наугад из письма Горького Галлену. Затем покачал укоризненно головой и продолжил:

«Это тупые обжоры и сифилитики из дома Романовых, разорившие и опозорившие Россию, это генералы из остзейских немцев — их лакеи, готовые на все вплоть до убийств тысяч людей и ограбления целых стран, все это — невежды, воры, варвары, скорее полуживотные, чем люди».

— Так, ясно,— Яковлев отложил письмо в сторону.— Посмотрим, что за перлы в статье о Финляндии.— И начал читать:

«Черные вести идут из России, подлые вести о том, что духовно мертвое (опившееся кровью, пьяное от сладострастия, жестокости, обезумевшее от преступлений) русское

правительство снова начинает варварский поход против маленькой Финляндии».

— Надо проследить, ротмистр, чтобы эту статью ни в коем случае не опубликовали в Финляндии,— приказал Яковлев.— За художником установить постоянное наблюдение. А что касается писателя Горького, то, как я понимаю, по возвращении в Россию для него начнется далеко не сладкая жизнь,— скаламбурил полковник, бросая листы статьи на письменный стол.

В то время как начальник Финляндского жандармского управления, прочитав статью Горького, негодовал у себя в кабинете в Гельсингфорсе, она была опубликована в германских и итальянских газетах, а позднее, несмотря на запрет, друзьям Горького удалось напечатать ее и в одной из финляндских газет.

Смирнов был знаком с письмом Горького Галлен-Каллела и его гневной отповедью политике царизма в Финляндии. Он написал статью «Горький — певец русской революции» и передал ее в редакцию журнала «Сосиалистинен айкакауслехти» («Социалистический журнал»), в котором работали Юрье Сирола, Отто Куусинен и другие известные финляндские социал-демократы. Статья Смирнова появилась в 3-м номере журнала за 1908 год, вызвав злобную реакцию не только российских властей в Гельсингфорсе, но и некоторых «лояльных» финляндских кругов, которые хотели бы выторговать кое-какие уступки для Финляндии за счет выдачи охранке живущих в Финляндии российских революционеров.

— Смотрите, как запела «Хювюдстадсбладет»,— сказал Смирнов однажды Игельстрёму, получив пришедшую в библиотеку свежую газету.— После арестов русских революционеров господа из этой газеты наконец убедились, что «русские революционеры бесстыднейшим образом злоупотребляли оказанным им гостеприимством и, невзирая на наше тяжелое политическое положение, продолжали свою подпольную работу в пределах Финляндии».

— И подумать только, ведь в этой газете работают люди, которые совсем недавно кричали о том, что их главный враг — царизм, а их первые союзники — русские революционеры,— прокомментировал прочитанную Смирновым цитату Игельстрём.

Работать в Финляндии становилось все труднее. Охранка устроила охоту за революционерами и на территории Великого княжества. В марте 1908 года на даче в Куоккала был арестован Никитич — руководитель Боевой технической группы при ЦК РСДРП Л. Б. Красин. Смирнов узнал об этом из газет. Через несколько дней газеты сообщили о неудачной попытке освободить Красина из Выборгской тюрьмы, о двух раненных во время этой попытки финляндских полицейских. «Что делать, как помочь Никитичу?» — ломал голову Смирнов.

В конце марта в Гельсингфорсе появился А. М. Игнатьев. Он был дворянин, его отец владел имением Ахи-Ярви, располагавшимся возле финляндско-российской границы. Молодой человек из богатой аристократической семьи был принят во многих известных домах Гельсингфорса. Это очень помогало Игнатьеву при налаживании подпольных связей. Он был членом Боевой технической группы при ЦК, имение использовалось для перевозки из Финляндии подпольной литературы и оружия в Петербург.

Со Смирновым Игнатьев был знаком близко, поэтому его неожиданному визиту на Елизаветинской никто не удивился.

Как всегда, «молодой барин» подкатил к дому в извозчичьей пролетке, щедро расплатился и решительным шагом направился к двери.

В кабинете Смирнова за чашкой кофе Игнатьев рассказал подробности ареста Красина. Это произошло рано утром 9 (22) марта. Полицейских привел к даче жандармский офицер Уранов, по «наводке» которого в Выборгской губернии схвачено уже несколько русских революционеров. Вместе с Красиным был арестован член Боевой техниче-

ской группы Ю. А. Грожан, но его вскоре выпустили, а Леонида Борисовича увезли в Выборг.

— Очень боимся, что финляндские власти выдадут Никитича петербургским жандармам. Тогда расправы не миновать,— заключил свой рассказ Игнатьев.

— Так...— соображал Смирнов.— Значит, Никитич сидит уже две недели. Надо протянуть еще две. Вы знаете о постановлении сената, по которому финляндские власти, арестовав российского революционера, должны держать его в тюрьме не более месяца и выпустить, если из Петербурга не поступят обвинительные документы с обоснованием ареста и передачи арестованного в Петербург?

— Конечно. Из-за этого я и приехал в Гельсингфорс. Выборгский губернатор фон Троил вообще-то сочувствует «активистам», но, когда придет прямое распоряжение из Петербурга о выдаче Красина, он выполнит его. Вот если бы отсюда, из Гельсингфорса, кто-то из его влиятельных друзей нажал на него, попросил не торопиться с выдачей, потянуть месяц...

— Это могут сделать Неовиус или Тернгрен,— сказал Смирнов.— Тернгрен работает сейчас чиновником в статс-секретариате Петербурга, здесь бывает редко. Но надо попытаться.

...Ровно через месяц после ареста, день в день, Красин был выпущен из Выборгской тюрьмы на том основании, что за это время из Петербурга никаких обвинительных документов и требования о его выдаче не поступило. В этот же день он был в Гельсингфорсе. Смирнов устроил его на квартире социал-демократа Э. Гюллинга. Здесь Никитичу пришлось провести около недели, пока для него не были подготовлены «чистые» документы.

Вновь охранка оплошала, выпустив за границу видного деятеля РСДРП. В письме департамента полиции по этому поводу говорилось:

«9 марта 1908 года Красин вновь был арестован в Финляндии и передан в распоряжение начальника С.-Петербургского охранного отделения для привлечения в качестве обвиняемого по делу о С.-Петербургском комитете Российской социал-демократической партии, но привлечения его к формальному дознанию в порядке 1037 ст. Уст. Уг. Суд. не состоялось ввиду отсутствия улик. По освобождении из тюрьмы Красин выехал за границу...»

Когда охранка спохватилась, Леонид Борисович был уже далеко. Паульсон и его финляндские друзья сумели к этому времени переправить его в Стокгольм.

Финляндия бурлила. Социал-демократы, получившие в финляндском сейме значительное количество мест, добились принятия резолюции, резко осуждавшей уступки сената царскому правительству. В резолюции, в частности, говорилось:

«...Нынешний сенат... оскорбил... честь русского народа тем, что допустил аресты, высылку и предание административным уголовным судам не только таких русских, кои оказались виновными в политических преступлениях под влиянием административного терроризма, но и других русских граждан, принадлежавших к партиям сопротивления; что сенат, проявляя опасную уступчивость, подчиняется требованиям, предъявленным русской реакцией...»

В архиве Финляндского жандармского управления сохранились документы, свидетельствующие о том, что в феврале — марте 1909 года филеры управления, в том числе Вец, вели наружное наблюдение за Смирновым, за русской библиотекой и за его квартирой.

Революционной деятельностью Смирнова интересовались жандармы и в Петербурге. С февраля 1909 года Финляндское жандармское управление в деле политического сыска было подчинено Петербургскому охранному отделению. В марте 1909 года на имя генерал-губернатора Бекмана поступило секретное письмо товарища (заместителя) министра внутренних дел России П. Г. Курлова, в кото-

ром говорилось, что, по данным департамента полиции, в декабре 1907 года в Гельсингфорсе имелись две явки РСДРП: «Старо-Генриховская улица, д. № 6, винная торговля, где спросить «Вальтера Ивановича», или университетская библиотека, где спросить заведующего русским отделом Смирнова (он же Паульсон)».

И далее: «Между тем из поступивших в настоящее время в департамент полиции дальнейших сведений оказалось, что начальник сыскной полиции гор. Гельсингфорса предупредил Смирнова и «Вальтера Ивановича» о том, что за ними ведется наблюдение со стороны имперских розыскных органов, вследствие чего названные лица крайне обеспокоены ныне за целостность архива Российской социал-демократической рабочей партии, хранящегося в русском отделе университетской библиотеки».

Бекман переадресовал это письмо новому начальнику жандармского управления полковнику Утгофу с предписанием разобраться и доложить.

Таким образом, и в 1909 году Смирнов был в поле зрения охранки. Об этом свидетельствует еще один документ из жандармского архива. 9 апреля 1909 года полковник Утгоф доложил генерал-губернатору, что 25 марта в Гельсингфорсе в доме 23 на Казарменной улице состоялось собрание «видных представителей «Освободительного союза». «Выдающимся явлением, бросившимся в глаза наружному наблюдению,— писал полковник,— оказалось участие видных представителей русского революционного движения, а именно:

1. Лектора Гельсингфорсского Александровского университета Смирнова, принимавшего видное участие в организации Лондонского съезда социал-демократической партии в 1907 году; ведал явкой для проезжающих через Финляндию выдающихся русских революционеров, снабжал их особыми документами и деньгами; и вообще же,— говорилось в донесении,— революционная деятельность его вполне установлена».

В условиях постоянной слежки Смирнов продолжал оказывать помощь проезжающим через Финляндию товарищам. Осенью 1909 года закончилось следствие над одним из членов Военной организации РСДРП в Финляндии Леонидом Воробьевым. Ему грозила каторга. Узнав об этом от петербургских товарищей, Смирнов через своего старого знакомого Арвида Неовиуса сумел собрать средства у финляндцев и переслать их в Петербург, чтобы нанять хорошего адвоката. Позднее Воробьеву удалось бежать из Сибири, и он прибыл в Гельсингфорс. Смирнов при помощи «активистов» переправил его в Стокгольм.

Изредка в руки Владимира Мартыновича попадали ленинские издания. Это было для него большим подарком. В конце года петербургские товарищи передали ему 9-й номер газеты «Социал-демократ» за 13 ноября 1909 года (н. ст.). В нем была опубликована статья Ленина «Царь против финского народа». Перечитал ее несколько раз, побежал к Карлу Вийку.

— Ты послушай, что пишет Ленин,— говорил он Вийку.— «За дело всероссийской свободы ведется борьба в Финляндии. Какие бы горькие минуты новая борьба ни несла столь мужественному финляндскому пролетариату, новыми узами солидарности свяжет она рабочий класс Финляндии и России, приготовляя его к тому моменту, когда он будет в силах доделать то, что он начал в октябрьские дни 1905 года и что пытался продолжать в славные дни Кронштадта и Свеаборга». Ленин, как всегда, на стороне финляндского народа, финляндских рабочих.

17 марта 1910 года премьер-министр Столыпин внес в Государственную думу проект «о порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения». Как «самый наглый поход самодержавия против свободы и самостоятельности Финляндии» расценил этот документ В. И. Ленин. В статье «Поход на Финляндию», опубликованной в номере 13-м газеты «Социал-демократ» 9 мая 1910 года (н. ст.), он писал:

«Полное разрушение финляндской свободы — вот что предпринимает самодержавие, рассчитывая опереться на представителей помещиков и купеческих верхов, объединенных третьеиюньской конституцией».

Резкой критике подвергли проект Столыпина финляндские социал-демократы. Юрье Мякелин на заседании сейма назвал его «дерзкой попыткой к государственному перевороту, предпринимаемому для удовлетворения капризов русской реакционной бюрократии и для осуществления ее неблаговидных экономических соображений».

Несмотря на протесты финляндцев, 17 июня 1910 года этот законопроект был утвержден. Финляндский сейм снова был разогнан. В конце 1909 года генерал-губернатором назначили черносотенца Ф. А. Зейна.

В августе — сентябре 1910 года в Копенгагене состоялся VIII конгресс II Интернационала. В составе финляндской делегации на нем присутствовал К. Х. Вийк. Возвратившись в Гельсингфорс, он рассказал Смирнову, что встретился в датской столице с Лениным, который просил его наладить транспортировку большевистских изданий через Швецию и Финляндию. Но создать транспортную сеть в эти годы было очень трудно, ибо многие финляндцы, ранее помогавшие русским революционерам, переменили взгляды и, подобно «Хювюдстадсбладет», обвиняли своих прежних товарищей по борьбе во всех бедах, обрушившихся на Финляндию, другие же просто были запуганы. Ни Вийку, ни Смирнову наладить регулярную перевозку «Социал-демократа» через Финляндию не удалось.

1911 год стал памятным годом для Смирнова. В этом году он женился на жившей в Гельсингфорсе старшей дочери известного шведского писателя Стриндберга Карин. Она сама была начинающей писательницей, горячо сочувствовала борьбе финляндского народа против самодержавия. Карин полюбила Владимира Смирнова — такого скромного, рассеянного, но очень доброго человека, беззаветно влюбленного в литературу, горячего патриота сво-

ей второй родины — Финляндии. Ей импонировали и конспиративные дела будущего супруга, его убежденность в победе революции над царским самодержавием, которая, как об этом говорил Смирнов, принесет свободу как российскому, так и финляндскому народам.

В одном из стокгольмских ресторанов состоялся свадебный банкет, и Смирнов стал женатым человеком. Но в его жизни мало что изменилось. После свадебного путешествия он продолжал преподавать русскую литературу в университете, в политехническом институте, работал помощником библиотекаря русского отделения библиотеки университета, несколько лет вел русский язык в шведском лицее, был бессменным председателем «Общества друзей русской литературы», часто делал на заседаниях этого общества доклады о русских писателях и с особенным подъемом рассказывал о «буревестнике революции» — А. М. Горьком.

В ноябре 1912 года в квартире Смирновых на Елизаветинской раздался звонок и в прихожую вошла модно одетая женщина. Смирнова дома не было, Карин пригласила ее в гостиную. Когда пришел с занятий хозяин, он радостно бросился к приезжей. Это была Мария Федоровна Андреева. Смирнов знал, что за ней продолжала охотиться охранка, и легально жить в России ей вряд ли придется, ибо сразу могут арестовать. Решили, что она поживет некоторое время в Финляндии. Так на квартире одного из гельсингфорсских знакомых Смирнова появилась француженка Гарриет Брукс. Через некоторое время М. Ф. Андреева переехала на дачу в Мустамяки.

В 1914 году в семье Смирновых произошло радостное событие: родилась дочь. Назвали ее в честь матери Карин.

С началом войны обстановка в Финляндии очень осложнилась. Суды расправлялись с революционерами по законам военного времени. Несмотря на трудности, Смир-

нов продолжал, чем мог, помогать товарищам, собирал средства для политических эмигрантов-большевиков.

Друг Смирнова К. Х. Вийк в эти годы, по заданию В. И. Ленина, организовал перевозку через Финляндию большевистской литературы. Владимир Мартынович был не в состоянии оказать ему большую помощь, так как за ним и за его женой слежка продолжалась. В «Алфавите лиц, проходящих по наружному наблюдению», составленном финляндским жандармским управлением в 1914 году, говорилось: «Смирнов Владимир, лектор Александровского университета, род. 17.09.1876 г. в г. Псков, православный, женат, Елизаветинская, 19...

Смирнова Карин (урожд. Стриндберг), род. 26.02.1880 г. в г. Стокгольм, жена лектора».

В. М. Смирнов вспоминал впоследствии о годах реакции и войны:

«Конечно, я мог делать в Гельсингфорсе в течение нескольких лет сравнительно мало, так как предпосылки изменились, наших прежних финских помощников не было. В отдельных случаях, пользуясь другими лицами, я все-таки кое-что мог сделать — пересылать одиночек через границу, помещал отдельных товарищей на конспиративных квартирах (например, Марью Федоровну (Андрееву.— *Ю. Д.*) при возвращении ее из-за границы) и пр. Кроме того, я неоднократно делал попытки восстановить транспорт литературы, но они были безуспешными ввиду отсутствия прежних финляндских организаций по транспорту литературы. Помню, ко мне обращался по этому делу однажды Аким. Помнится, тов. Игнатьев также иногда навещал меня в Гельсингфорсе в те годы. Неоднократно я беседовал тогда с «активистами» о подобных вещах, но безрезультатно. Их аппарата уже не существовало, их партия фактически развалилась».

И далее он писал:

«Сам я висел много лет на волоске. Моя квартира была очень часто под надзором русских шпионов, они проникали

и на квартиру ко мне, и в библиотеку, и на мои лекции в университете».

СИГНАЛ К ВОССТАНИЮ — ОРУДИЙНЫЙ ВЫСТРЕЛ

— Ты куда, Вольдемар? — спросила Карин, выходя в прихожую.— Скоро ужинать.

Смирнов тщательно обмотал больное горло шарфом, застегнул пальто и только тогда ответил жене:

— Я пойду прогуляюсь, скоро вернусь.

Только он вышел на улицу, вечернюю тишину разорвал орудийный выстрел, раздавшийся с линкора «Павел I». Это был сигнал к началу восстания. Вспыхнули сигнальные огни на военных кораблях, стоявших на рейде, на мачты поползли красные флаги. На судах и в Скатуддене раздались выстрелы.

Услыхав стрельбу, Карин подошла к окну, стала напряженно вглядываться в темноту. Она беспокоилась за мужа. А Владимир Мартынович в это время был уже далеко, на горе у обсерватории. Он знал, что на кораблях, на полуострове Скаттуден и на островах Свеаборга солдаты и матросы восстали, и досадовал, что в эту минуту оказался в роли наблюдателя. Генерал-губернатор Зейн, командующий Балтийским флотом адмирал Непенин и другие представители царской власти в Финляндии сделали все, чтобы скрыть правду о событиях, происшедших в конце февраля 1917 года в Петрограде, о свержении царизма и организации Совета рабочих депутатов, о создании Временного правительства. Ни одной строчки об этом не появилось в гельсингфорсских газетах. Телеграфная и железнодорожная связь со столицей была прервана. 2 (15) марта местные газеты сообщили, что комендант Свеаборга генерал Пащенко ввел с 28 февраля (ст. ст.) в крепости осадное положение. А почему — неизвестно.

Несмотря на попытки царских сатрапов удержать Финляндию в стороне от революционных событий, сведения о революции в Петрограде просочились в Гельсингфорс. 2 (15) марта днем на Сенатской площади собрался солдатский митинг. Но только первый оратор, забравшись на верхнюю ступеньку лестницы собора, начал речь, с Александровской улицы на площадь ворвались казаки. Смирнов видел из окна университета, как они теснили лошадьми задние ряды солдат, и участники митинга вынуждены были спасаться бегством.

...Вернувшись домой, Смирнов долго не мог заснуть. Не верилось, что царизм свергнут, что всесильные жандармы исчезнут.

Утром, встав с постели, в первую очередь побежал к двери за газетами. Они на видных местах сообщали о Февральской революции в России, о составе Временного правительства. Значит, правда!

Этот субботний день 4 (17) марта 1917 года был незабываемым для Смирнова. Он видел на улицах, как солдаты и матросы разоружали жандармов и офицеров. То тут, то там вспыхивала перестрелка. Один офицер отстреливался в гостинице «Фенния» до последнего патрона, живым отдаться в руки солдат не захотел.

Вот через площадь к вокзалу под конвоем провели генерал-губернатора Зейна и заместителя председателя сената Боровитинова. Еще вчера надменный и всесильный, Зейн шел между конвойных, уныло глядя в мостовую. Погоны с него были сорваны. Арестованных отправили в Петроград.

На улицах многолюдно, как в праздничный день. Многие с красными бантами на груди. Революционные солдаты и матросы, патрулируя по улицам, поддерживали порядок.

А вечером состоялось первое заседание Совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта. Однако большинство в нем захватили меньшевики и эсеры, высту-

павшие в поддержку Временного правительства, за войну «до победного конца».

События в последующие дни чередовались быстро, как в кинематографе. Временное правительство назначило генерал-губернатором октябриста Стаховича. 7 (20) марта Временное правительство издало манифест, в котором обещало отменить все законы и распоряжения царя, нарушавшие конституцию Финляндии. Но дни шли, а обещания так и остались обещаниями.

В четверг 16 (29) марта на митинге в Народном доме выступил приехавший из столицы министр Керенский. Почему нужно продолжать войну? Как положить конец разрухе? Что будет с Финляндией? Ответа на эти главные вопросы, волновавшие всех собравшихся в зале, оратор не дал. Он щеголял общими, псевдореволюционными фразами, заявил, что союз России и Финляндии «будет вечным». И на глазах у всех поцеловал председательствовавшего на митинге правого социал-демократа Токоя. Смирнову стало не по себе, настолько противным ему показался этот иудин поцелуй.

23 марта (5 апреля) начал работать сейм, разогнанный царским правительством в 1914 году. Большинство мест в нем — 103 голоса — принадлежало социал-демократам.

В эти дни в Гельсингфорс приехали петроградские большевики Б. А. Жемчужин, А. Ф. Ильин-Женевский и другие. Они получили задание ЦК наладить работу советских и большевистских организаций в Финляндии. Смирнов познакомился с ними и начал помогать в подыскании типографии, в которой можно было бы печатать ежедневную газету. Временно устроились в одной частной типографии. Первый номер большевистской газеты «Волна» вышел 30 марта (12 апреля). Редакция разместилась на Высокогорной улице, неподалеку от квартиры Смирнова, и он почти каждый день заходил сюда, чтобы узнать новости, поговорить с товарищами. Жемчужин просил его подыскать более солидную типографию, чтобы иметь воз-

можность лучше оформлять и быстрее печатать тираж газеты. У Смирнова была на примете такая типография. Она принадлежала социал-демократической газете «Тюёмиес». Русский шрифт здесь был, наборщики тоже. Они помогали Смирнову набирать листовки Петербургского комитета еще в 1901 году. Владимир Мартынович поехал в редакцию «Тюёмиес», но перенести печатание «Волны» в типографию этой газеты не удалось. Финляндские товарищи помогли «Волне» обосноваться в типографии сената, которая была еще лучше оборудована всем необходимым, чем «Тюёмиес». С шестого номера «Волна» стала печататься здесь.

Редакция же переселилась в помещение казармы на Мариинской улице. Напротив двери питерские товарищи повесили объявление: «У нас за руку не здороваются. С нарушителей штраф 25 пенни». Тогда считали рукопожатие отжившим, старорежимным. Смирнов, приходя в редакцию, по рассеянности подавал руку, и в комнате раздавался хохот:

— Опять Владимир Мартынович проштрафился! Гони деньги!

Да, деньги были очень нужны. То, что сотрудникам редакции удавалось собрать в частях и на кораблях, шло на содержание газеты. Работавшие в газете гонорара не получали. В адрес «Волны» приходили переводы от матросских и солдатских комитетов — они присылали их в «железный фонд» газеты — на приобретение собственного типографского оборудования, и прежде всего печатной машины. Помогали материально и финские товарищи. Однажды секретарь правления финляндской социал-демократической партии передал Смирнову на покупку печатной машины довольно крупную сумму.

«Волна» сыграла немалую роль в большевизации Балтийского флота и частей, расположенных в Финляндии.

4 (17) апреля 1917 года «Волна» сообщила о возвращении из эмиграции в Петроград В. И. Ленина, о теплой

встрече, оказанной ему пролетариатом столицы на Финляндском вокзале.

В этом же номере было опубликовано воззвание финляндского профсоюза металлистов к русским солдатам и матросам с просьбой поддержать борьбу рабочих Финляндии за введение восьмичасового рабочего дня. В воззвании говорилось, что капиталисты упорно не хотят мирным путем удовлетворить это справедливое требование, поэтому рабочие решились на последнее средство — предъявить капиталистам ультиматум. Если предприниматели к 10 часам утра 5 (18) апреля не уступят, в Финляндии будет объявлена всеобщая забастовка. Воззвание было переведено на русский язык Смирновым. «Волна» призвала солдат и матросов прийти к 11 часам дня 5 апреля на митинг. Собралось более 20 тысяч финских рабочих, русских солдат и матросов. На митинге выступили представители союза металлистов, Гельсингфорсского комитета РСДРП(б), Балтийского флота, и он вылился в подлинную демонстрацию дружбы трудящихся Финляндии и России.

В пятницу 7 (20) апреля «Правда» под заголовком «О задачах пролетариата в данной революции» опубликовала Апрельские тезисы В. И. Ленина, содержавшие конкретный план перехода от буржуазно-демократической революции к революции социалистической, политическую и экономическую платформу большевистской партии.

Ленинские статьи регулярно публиковались в «Волне». Например, статья «Политические партии в России и задачи пролетариата» впервые была напечатана в газете гельсингфорсских большевиков.

В апреле (ст. ст.) в Гельсингфорс приехала новая группа большевиков из Петрограда, командированная ЦК на работу в Финляндии. Среди них — В. Н. Залежский, Л. Н. Старк, М. Г. Рошаль, А. П. Тайми. Старк, возглавив редакцию «Волны», официально поручил Смирнову руководство финляндским отделом газеты. В мае в Финляндию приехал В. А. Антонов-Овсеенко. Он встретился со Смир-

новым как со старым знакомым, вспоминал, как ему пришлось в 1907 году, скрываясь от преследований царизма, жить на Елизаветинской.

Владимир Мартынович, как и остальные его товарищи по «Волне», в эти дни внимательно изучал ленинские статьи, старался защищать ленинскую позицию на митингах, собраниях и в собственных статьях. Почти ежедневно он писал в газету о революционных событиях в Финляндии.

Большой резонанс в Финляндии вызвала речь В. И. Ленина 29 апреля (12 мая) по национальному вопросу на VII (Апрельской) конференции, в которой он подверг резкой критике политику Временного правительства по отношению к Финляндии, являющуюся продолжением политики царизма. Владимир Ильич там заявил:

«Мы за то, чтобы Финляндии была дана полная свобода... к нам приезжают финские товарищи и говорят: нам нужна автономия. А против них открывают стрельбу из всех пушек, говоря: «ждите Учредительного собрания». Мы же говорим: «русский социалист, отрицающий свободу Финляндии, есть шовинист».

На Апрельской конференции присутствовали финляндские социал-демократы. Они горячо аплодировали вождю большевиков, единственной партии в стране, которая последовательно выступала в защиту прав малых народов России. Через три дня, 2 (15) мая, в «Правде» была опубликована статья В. И. Ленина «Финляндия и Россия». Владимир Ильич писал: «Если мы действительно против аннексий, то мы должны сказать: *свобода отделения для Финляндии!* Когда мы сказали и осуществили это, *тогда* — и только тогда! — «соглашение» с Финляндией будет действительно добровольным, свободным, действительно соглашением, а не обманом».

Ленинская точка зрения по финляндскому вопросу была хорошо известна в Финляндии. Ее горячо отстаивал в своих статьях в «Волне» и в других газетах Смирнов. 19 мая (1 июня) генерал-губернатор Стахович в интервью

черносотенной газете «Вечернее время», высказываясь по поводу движения за независимость Финляндии, заявил: «Впереди всех в смысле распространения этой вредной пропаганды идет наша русская «Волна» — подголосок петроградской «Правды». Некий Смирнов, бывший служащий библиотеки, каждый день пишет статьи, в которых обвиняет финляндский сейм в нерешительности и измене. Он, русский, предлагает финляндцам отложиться от России».

2—5 (15—18) июня состоялся внеочередной съезд финляндской социал-демократической партии. ЦК РСДРП послал на него в качестве своего представителя А. М. Коллонтай. Перед отъездом в Гельсингфорс с ней беседовал В. И. Ленин. Он советовал ей установить связь с представителями левого крыла финляндских социал-демократов, возглавлявшегося О. В. Куусиненом, поправил написанный ею проект резолюции о выходе Социал-демократической партии Финляндии из II Интернационала.

Выступивший на съезде с докладом об отношениях между Россией и Финляндией О. В. Куусинен заявил, что Временное правительство не имеет права вмешиваться во внутренние дела Финляндии, что Финляндия должна иметь сейм и сенат, ответственные только перед финляндским народом. «Таким образом,— сказал он,— финляндская социал-демократия ставит, в противовес требованию установления опекунской власти русской буржуазии, требование государственной самостоятельности финляндского народа...»

Речь на съезде А. М. Коллонтай была встречена тепло. «Мы признаем,— сказала она,— полное право финляндского народа самому решать вопрос о своем государственном существовании».

Отчет о работе съезда для «Волны» готовил Смирнов. В его переводе было опубликовано заявление съезда об отношениях Финляндии и России. Этот документ вызвал ярость буржуазной и соглашательской прессы. Меньшевистская газета «День» расценила его как «нож в спину рус-

ской революции». В таком же духе высказывались «Биржевые ведомости» и другие буржуазные газеты.

В воскресенье 25 июня (8 июля) на Сенатской площади состоялся многолюдный митинг дружбы русских и финляндских трудящихся. На нем выступили представители большевиков и финских рабочих. Митинг принял предложенную Смирновым резолюцию, в которой говорилось, что Временное правительство должно признать право финляндского сейма решать все вопросы, за исключением внешнеполитических и военных, что сейм сам должен созывать и закрывать свои заседания, а также назначать исполнительные органы.

«Волна» держала солдат, матросов и рабочих в курсе всех важнейших событий в Финляндии, рассказывала о борьбе финляндских трудящихся против капиталистического гнета, разоблачала реакционную национальную политику Временного правительства и финской буржуазии. Автором большинства этих материалов был Смирнов.

3 и 4 (16 и 17) июля в Петрограде состоялись демонстрации рабочих, солдат и матросов с требованием передачи всей власти в руки Советов. Временное правительство бросило против демонстрантов контрреволюционные войска, а затем перешло к открытым погромным действиям против большевистской партии. 5 (18) июля юнкера разгромили редакцию «Правды».

В этот день финляндский сейм большинством голосов принял закон «О верховной власти сейма», по которому власть сейма распространялась на все стороны политической жизни Финляндии, кроме вопросов внешней политики, военного управления и законодательства.

Генерал-губернатор Стахович, докладывая 11—12 (24—25) июля Временному правительству о положении в Финляндии, подчеркнул, что о готовившемся решении сейма его заранее в известность не поставили, что в Финляндии агитацию против Временного правительства ведут не толь-

ко финляндские газеты, но и выходящая на русском языке газета «Волна». Буржуазная печать начала разнузданную кампанию против решения «красного» финляндского сейма, против большевиков, против Ленина.

«Волна» же перепечатала 13 (26) июля письмо В. И. Ленина в редакцию газеты «Новая жизнь». Это письмо разоблачало сущность клеветнической кампании против большевистской партии, развязанной буржуазией, ее прихвостнями — меньшевиками и эсерами.

Вечером в субботу 15 (28) июля воинский наряд во главе с офицером контрразведки Временного правительства вломился в дом № 23 на Мариинской улице, в котором помещались партийный комитет, редакция и типография «Волны». Контрразведчики конфисковали очередной, 88-й номер газеты, опечатали типографию. Заодно была опечатана типография сената, где также печаталась «Волна». Были арестованы активные работники Гельсингфорсского комитета РСДРП В. А. Антонов-Овсеенко, Л. Н. Старк (редактор газеты), М. Г. Рошаль, а также левые эсеры Устинов и Прошьян. Их отправили в Петроград, предъявив обвинение в «государственной измене».

В соответствии с приказом Керенского должны были арестовать всех большевиков, «фамилии коих известны по газетам». Смирнов также подлежал аресту, но, к счастью, его в этот день не оказалось в Гельсингфорсе. «Меня очень недолюбливали правительственные агенты за мои статьи по финляндскому вопросу,— писал позднее В. М. Смирнов.— Когда я вернулся в Гельсингфорс в начале августа, я замечал за собой слежку».

Петроградские буржуазные газеты «Новое время» и «Биржевые ведомости», сообщая о разгроме редакции «Волны», писали о Смирнове как о «вдохновителе финляндских сепаратистов».

18 (31) июля Временное правительство приняло решение распустить финляндский сейм, в котором большинство имели социал-демократы, выступавшие за предоставле-

ние их стране независимости. Это решение вызвало большое возмущение у трудящихся Финляндии. По всей стране проходили массовые собрания и митинги рабочих, выступавших против роспуска сейма. Их поддерживали многие русские солдаты и матросы.

С 27 июля (9 августа) вместо закрытой «Волны» начала выходить ежедневная большевистская газета «Прибой», сыгравшая, как и ее предшественница, большую роль в деле политического воспитания солдат, матросов и рабочих. Одним из ее активных сотрудников стал В. М. Смирнов.

Газета «Прибой» широко пропагандировала решения VI съезда партии, наметившего курс на вооруженное восстание, публиковала статьи Ленина, в которых давалась оценка положения и выдвигались конкретные задачи деятельности партийных организаций.

Ищейки Керенского разыскивали Ленина по всей стране, в том числе и в Финляндии. 4 (17) августа, сообщив об этом, «Хювюдстадсбладет» опубликовала биографию и приметы Ленина.

Утром, как всегда взяв у двери газету, Смирнов нашел эту заметку.

— Слушай, мама,— сказал он возившейся на кухне Виргинии Карловне,— приметы Ленина: «Голубые глаза, коричневые, начинающие седеть волосы. Короче — он типичный русский интеллигент».

— Ну, если по этим приметам будут его искать, никогда не найдут,— успокоила сына Виргиния Карловна.

Смирнов не знал, что Ленин в это время жил в Ялкала, собирался переезжать в Гельсингфорс. Намеревался остановиться, как прежде, на Елизаветинской, но товарищи сказали, что Смирнова нет сейчас в городе. Владимир Мартынович действительно часто уезжал из Гельсингфорса по делам газеты, и его трудно было застать дома. Товарищи, наверно, знали и то, что после разгрома «Волны» за ним установлена слежка. Квартира Смирнова была далеко не

самой надежной в Гельсингфорсе для нелегального проживания вождя большевистской партии.

Ленин приехал в Гельсингфорс 9 (22) августа. В поезде из Лахти его сопровождал Вийк. Одну ночь Владимир Ильич переночевал у Вийка в пригороде Гельсингфорса Мальм, а затем жил у социал-демократа Густава Ровио, избранного рабочими на пост начальника милиции города. Потом ему пришлось переселиться к Усениусам, а под конец — к супругам Блумквист. Смирнов не знал о пребывании Ленина в Гельсингфорсе. Карл Вийк был строгим конспиратором: он часто встречался в августе — сентябре с Лениным, но ни разу не обмолвился об этом Смирнову, хотя виделся с ним неоднократно.

Внимание общественности Финляндии в августе было приковано к решению председателя сейма Маннера созвать сейм 16 (29) августа. Генерал-губернатор Стахович угрожал разогнать сейм силой. В этой обстановке финляндская буржуазия выступила на стороне Временного правительства. Так, газета «Хельсингин саномат» писала 8 (21) августа, что финляндские социал-демократы, решив, вопреки воле Временного правительства, собрать сейм, «ставят на карту своей тактики самые дорогие права страны», а газета «Ууси суометар» назвала решение о созыве сейма «трюком» и предсказывала «полное фиаско сумасшедшего представления социал-демократов».

Только большевики решительно поддержали в этот трудный час финляндских социал-демократов. Когда члены руководства СДПФ Вийк и Хуттунен зашли утром 15 (28) августа в редакцию газеты «Прибой», русские товарищи заявили им о своей солидарности, сообщили, что значительная часть русских солдат и матросов — на их стороне.

В этот день Смирнов был одним из организаторов грандиозного митинга на Сенатской площади. В нем участвовали русские солдаты, матросы и рабочие. Они единоглас-

но одобрили резолюцию, осуждающую намерение генерал-губернатора разогнать сейм как контрреволюционный шаг со стороны Временного правительства.

Рано утром в среду 16 (29) августа по приказу генерал-губернатора здание сейма оцепили казаки. В большой толпе, собравшейся на противоположной стороне улицы, был и Смирнов. Он видел, как председатель сейма Куллерво Маннер сделал попытку пробиться сквозь конную цепь к входу в сейм, но был оттеснен. Толпа финляндцев негодовала. Депутаты сейма собрались в другом здании, но правые социал-демократы навязали фракции решение признать работу сейма невозможной.

25 августа (7 сентября) генерал Корнилов поднял мятеж, двинул на Петроград войска, чтобы в крови потопить революцию и установить военную диктатуру. 30 августа (12 сентября) В. И. Ленин, узнав о заговоре, написал из Гельсингфорса письмо-директиву «В Центральный комитет РСДРП», в котором излагал партийную программу борьбы против корниловщины. Примечательно, что именно в этот день в Гельсингфорсе состоялось заседание правления финляндской социал-демократической партии, на котором, судя по записи в дневнике Вийка, присутствовали Смилга, Антонов, Смирнов и Тайми. Русские товарищи рассказали об опасности, которую несет с собой корниловский мятеж. Финляндцы заверили, что, если реакционные генералы попытаются двинуть на помощь Корнилову войска из Финляндии, рабочий класс страны сорвет эти замыслы, объявит всеобщую забастовку.

После разгрома корниловского мятежа влияние большевиков в Советах стало быстро расти. Из 128 делегатов III областного съезда Советов Финляндии, собравшегося в Гельсингфорсе 9 (22) сентября, 63 были большевиками. В числе других на съезде обсуждался и финляндский вопрос. Выступавший с докладом Смирнов заявил, что Временное правительство должно было одобрить «закон о власти», принятый в июле финляндским сеймом, что оно не

имеет права чинить препятствия работе парламента Финляндии.

Съезд принял резолюцию, в которой решительно осуждалась проводившаяся Временным правительством по отношению к Финляндии политика национального угнетения.

От имени революционных матросов, солдат и рабочих съезд приветствовал финских трудящихся в их борьбе с империалистическими покушениями на национальную независимость Финляндии. «Если финляндская демократия,— говорилось в резолюции,— найдет нужным возобновить заседания сейма, то всякие попытки учинить препятствия этому съезд будет рассматривать как акт контрреволюционный».

Финляндские социал-демократы объявили о новом созыве сейма в пятницу 15 (28) сентября. Заменивший Стаховича на посту генерал-губернатора кадет Некрасов угрожал сейму вооруженной силой. Но он не нашел надежных войск, чтобы исполнить угрозу. По его распоряжению входная дверь здания была опечатана сургучом. Депутаты сейма от социал-демократической партии собрались к 12 часам дня. К. Маннер сломал печать и открыл дверь. Парламентарии расселись в зале. Места для зрителей были переполнены. На одной из скамеек, предназначенных для прессы, сидел с блокнотом в руках Смирнов.

Заседание открыл Маннер. Он зачитал проект решения, в котором подтверждался принятый ранее «закон о власти» и закон о восьмичасовом рабочем дне. Его слова были встречены аплодисментами. Депутаты утвердили в этот день и другие важные законы.

Некрасов потребовал от прокурора сената привлечь К. Маннера к судебной ответственности. Черносотенная печать обливала социал-демократов грязью. «Ууси суометар» назвала их «красной реакцией», «врагами законности». В поддержку действий социал-демократов выступили только большевики.

Между тем ожесточенная травля социал-демократов буржуазной прессой Финляндии сказалась на настроениях финляндских избирателей. На выборах 18—19 сентября (1—2 октября) социал-демократы, имевшие в прежнем составе сейма большинство, получили только 92 места из 200. Председателем сейма и его заместителями были избраны депутаты от буржуазных партий.

22 сентября (5 октября) Смирнов, просматривая утром «Хювюдстадсбладет», увидел свою фамилию. Газета рецензировала его статью в «Прибое» об опасности создаваемого финляндской буржуазией «шюцкора» — военизированных соединений, предназначенных для борьбы против пролетариата. Рабочие называли шюцкоровцев «лахтарями» — мясниками за их зверства при расправе с семьями трудящихся. Смирнов призывал в статье создать боеспособную Красную гвардию, так как буржуазия готова в любую минуту перейти от угроз к действиям. Во внешне беспристрастном пересказе буржуазной газетой его статьи чувствовалось не только осуждение, но и угроза. Да, угроза.

Смирнов уже давно замечал, что многие бывшие его знакомые осуждают сотрудничество лектора университета с большевиками и финляндскими социал-демократами. Барон Корф, бывший профессор университета и активный член комитета по сбору средств на оказание помощи российским политэмигрантам, ныне помощник генерал-губернатора, при встречах со Смирновым в общественных местах «не узнает» его. Адольф Тёрнгрен, оказывавший в годы революции 1905—1907 годов большую помощь большевикам, сегодня бредит союзом Финляндии с Германией, ездит в Берлин, убеждает германское правительство помогать финляндцам «в борьбе против России». Тёрнгрен стал одним из вдохновителей создания в Германии «егерского батальона» из молодых финляндцев. В этом батальо-

не в 1917 году насчитывалось около двух тысяч человек. Именно они составили костяк «шюцкора» — белой гвардии финляндской буржуазии. Среди «егерей» было много бывших «активистов», знакомых Смирнова, которые оказывали в свое время ему помощь в нелегальной работе. А бывший капитан полиции Бруно Яландер, помогавший Смирнову в организации нелегального проезда через Финляндию делегатов IV и V съездов партии? Теперь он — важная персона, генерал, губернатор столичной, Нюландской губернии. Тоже при встречах отводит глаза в сторону, не желая здороваться с «красным».

В Финляндии произошло размежевание сил, это Смирнов прекрасно понимал. Буржуазия собирала вооруженные отряды, чтобы подавить рабочее движение. В это трудное время симпатии Владимира Мартыновича принадлежали финляндским рабочим, он был и остался большевиком. Ну а то, что его перестали приглашать в «приличные» дома Гельсингфорса, что на него косятся бывшие знакомые из «общества» — с этим придется мириться.

Смирнов, как и прежде, вел курс русского языка и литературы в университете. Кроме того, был помощником библиотекаря русского отделения библиотеки. Все свободное время отдавал журналистскому творчеству, писал статьи о событиях в Финляндии в «Прибой» и в другие газеты.

В Гельсингфорсе большевистской газете «Прибой» противостояла газета «Известия Гельсингфорсского Совета депутатов армии, флота и рабочих», в которой хозяйничали эсеры и меньшевики. В сентябре, в связи с усилением в Областном комитете и Гельсингфорсском Совете влияния большевистской партии, изменилось и направление «Известий». Смирнов стал регулярно писать статьи о событиях в Финляндии и в эту газету. Орган ЦК СДПФ газета «Тюёмиес» писала 10 (23) октября: «Русские революционные организации в Финляндии за последнее время,

как известно, очень полевели. В них преобладают теперь большевики и социалисты — революционеры-интернационалисты.

В связи с этим произошла большая перемена в редакции официального органа Гельсингфорсского Совета. Оборонцы были вынуждены уступить место представителям подлинно революционной русской демократии.

Направление газеты по финляндскому вопросу ныне также совершенно изменилось. При прежней редакции «Известия» в общем были враждебно настроены против Финляндии, и в особенности против финляндской социал-демократии».

Газета отмечала далее, что теперь, «насколько можно судить по последним номерам газеты, финляндский отдел ведет наш товарищ, лектор университета Смирнов В., гельсингфорсский корреспондент газеты М. Горького «Новая жизнь» и постоянный сотрудник по финляндскому вопросу покойной «Волны» и нынешнего «Прибоя».

Одним словом, «Известия» совершенно изменили свою физиономию,— резюмировала газета «Тюёмиес».— Мы можем только приветствовать такую перемену».

Находясь в подполье в Гельсингфорсе, В. И. Ленин поддерживал постоянную связь с Петроградом, с большевистскими организациями в Финляндии, газетой «Прибой». Он встречался с председателем Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии И. Т. Смилгой, с Б. А. Жемчужиным, с руководителями левого крыла финляндской социал-демократической партии О. В. Куусиненом, К. Х. Вийком и К. Маннером, поддерживал их позицию в борьбе с Временным правительством за права финляндского народа.

23 или 24 сентября (6 или 7 октября) Владимир Ильич переехал в Выборг, а затем в Петроград, чтобы принять непосредственное участие в руководстве вооруженным восстанием против Временного правительства.

Руководствуясь рекомендациями Ленина, активное участие в подготовке восстания приняли большевистские организации Финляндии. Газета «Прибой» опубликовала статьи «Время настало», «Вызов», «К развязке», в которых призывала солдат, матросов и рабочих быть готовыми к вооруженной борьбе с контрреволюционной буржуазией. В свою очередь, «Известия Гельсингфорсского Совета депутатов армии, флота и рабочих» 22 октября (4 ноября) писали: «По первому призыву Петроградского Совета мы должны бросить на помощь борющейся столице все наши вооруженные силы». Большевики сорвали отправку из Гельсингфорса в Петроград верных Временному правительству войск. В штурме Зимнего приняли участие и посланцы Балтийского флота, революционные солдаты финляндских гарнизонов.

КРАСНЫЙ ФЛАГ НАД СЕНАТОМ

О победе Великой Октябрьской социалистической революции в Гельсингфорсе стало известно в тот же день. 25 октября (7 ноября) состоялось общее собрание Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии, Гельсингфорсского Совета, Центробалта совместно с представителями судовых и полковых комитетов, на котором было оглашено обращение Петроградского военно-революционного комитета «К гражданам России». В нем говорилось о свержении Временного правительства и переходе власти в руки Советов. Это обращение было опубликовано в «Прибое» и «Известиях». Большевистские газеты широко освещали работу II Всероссийского съезда Советов, разъясняли массам историческое значение принятых им декретов.

Посильный вклад в эту работу вносил и В. М. Смирнов. Он попросил Вийка перевести Декрет о мире на немецкий

язык, чтобы, отпечатав его, переправить в Стокгольм для широкого распространения за границей [1].

Л. Н. Старк, ставший после победы Великой Октябрьской социалистической революции руководителем Петроградского телеграфного агентства (ПТА), предложил в ноябре Смирнову стать корреспондентом ПТА в Гельсингфорсе, и Владимир Мартынович согласился. Так началась его деятельность в качестве журналиста.

Гельсингфорсский корреспондент ПТА ежедневно передавал в Петроград информацию о важнейших событиях в Финляндии, о выступлениях рабочих, требовавших от руководителей финляндской социал-демократии более решительных действий, о стремлении финляндских социал-демократов к независимости страны, о закулисных махинациях буржуазии, ведшей переговоры о военном союзе с Германией.

18 (31) декабря В. И. Ленин подписал исторический декрет о предоставлении государственной независимости Финляндии. В статье, опубликованной 21 декабря 1917 года (3 января 1918 года) в «Известиях Гельсингфорсского Совета», Смирнов излагал историю получения Финляндией независимости, подчеркивая, что только правительство революционной России, верное своим прежним обещаниям и национальной программе большевистской партии, предоставило этой стране независимость.

Между тем обстановка в Финляндии все более осложнялась. Буржуазия решила расправиться с рабочим движением. В середине января отряды белой гвардии начали военные действия против сил революции в Северной и Во-

---

[1] Об этом сообщает Вийк в своих дневниковых записях 31 октября (13 ноября). По всей вероятности, Смирнов занялся этой работой по предложению Ленина, с которым он встречался в ноябре 1917 г. Переводить Декрет о мире и переправлять его в Стокгольм Смирнов мог только по поручению, полученному из Петрограда, местные комитеты большевиков связи с представительством ЦК РСДРП(б) в Стокгольме не имели.

сточной Финляндии. «Лахтари» беспощадно расправлялись с красногвардейцами, в малочисленных гарнизонах разоружали и расстреливали русских солдат. Это был вызов рабочим Финляндии, начало гражданской войны.

14 (27) января 1918 года Смирнов присутствовал на похоронах одного из наборщиков газеты «Прибой», который погиб в результате несчастного случая. Выступая у гроба товарища, Владимир Мартынович приветствовал начало рабочей революции в Финляндии. В этот день отряды Красной гвардии заняли железнодорожный вокзал. На башне Народного дома вечером вспыхнули красные сигнальные фонари, возвещая о переходе власти в руки рабочих. На другое утро красногвардейские отряды взяли под контроль все правительственные учреждения. Над зданием сената на ветру трепетал красный флаг. Здесь заседало революционное правительство — Совет народных уполномоченных. Членами его стали давние знакомые Смирнова — Куллерво Маннер, Отто Куусинен, Юрье Сирола и другие социал-демократы.

В «Тюёмиес» была опубликована декларация рабочего правительства. «Мы — социал-демократы,— говорилось в ней,— поэтому вы знаете, какова наша программа действий. Она — программа социалистическая». В декларации подчеркивалось, что государственный строй страны должен «основываться на принципах демократизма в соответствии с интересами рабочего класса». Декларация предусматривала перенесение налогового бремени на плечи богатеев, контроль над банковским капиталом, облегчение положения безземельных крестьян — торпарей.

Совет народных уполномоченных допустил немало ошибок, и все же первое рабочее правительство Финляндии провело в жизнь некоторые законы, направленные на облегчение жизни трудящихся, подготовило проект конституции, которая была намного демократичнее прежней.

Смирнов все это время находился в самой гуще событий. Советское правительство утвердило его членом смешанной комиссии по подготовке проекта Советско-Финляндского договора. В нее вошли как советские, так и финляндские представители. Проект договора, подготовленный комиссией, внимательно прочел В. И. Ленин и сделал в нем несколько поправок.

Договор был подписан представителями правительств двух стран 16 февраля (1 марта) 1918 года. Это был первый межгосударственный договор Советской России. Он открывал большие возможности для установления братских, добрососедских связей между двумя странами, для развития взаимной торговли.

Для реализации положений договора, связанных с передачей имущества, было намечено создать ликвидационную комиссию. В ее состав также было решено ввести Смирнова. Сам он, как видно, сомневался, сможет ли справиться с таким ответственным и важным поручением. 16 февраля, в день подписания договора, из Петрограда в Гельсингфорс, в адрес Смирнова, было отправлено письмо на бланке ЦК РСДРП(б) за подписью Я. М. Свердлова, в котором говорилось, что участие Смирнова в ликвидационной комиссии «крайне необходимо». «Вы, как знакомый с делами финляндскими, будете в комиссии незаменимы»,— писал Яков Михайлович.

В двадцатых числах февраля в Гельсингфорс проездом в Швецию прибыла делегация ВЦИК во главе с А. М. Коллонтай. Александра Михайловна выступила на торжественном собрании, устроенном финским революционным правительством, рассказала о положении в Советской России и задачах делегации — наладить добрососедские отношения с Швецией. Корреспондент ПТА Смирнов сообщил в Петроград о проезде делегации.

...Гражданская война в Финляндии разгорелась по всему фронту, от побережья Ботнического залива до Ладоги. Север страны был в руках белых. Они мобилизовали в армию все мужское население. Костяк командного состава белых составляли офицеры царской армии и «егери». В то же время в Красной гвардии не было опытных командиров. Их выбирали из числа рабочих, впервые взявших винтовку в руки. Красная гвардия придерживалась тактики обороны, не пыталась наступать. Все это ставило ее в неравное положение в сравнении с врагом. А тут еще в начале апреля в Ганге и Ловисе высадился 20-тысячный немецкий десант во главе с генералом фон дер Гольцем. Несмотря на героическое сопротивление отрядов Красной гвардии и личное мужество революционных бойцов, хорошо вооруженные и обученные немецкие дивизии неумолимо продвигались к Гельсингфорсу. С севера наступали белые части, усиленные «черной» бригадой, прибывшей из Швеции.

Красная гвардия вынуждена была отходить. В конце марта был окружен Таммерфорс. Опасность нависла и над Гельсингфорсом. В начале апреля Совет народных уполномоченных и Главный штаб Красной гвардии были переведены в Выборг. 14 апреля немецкие интервенты овладели столицей страны.

Смирнов с женой и дочерью сумел выехать в Советскую Россию с одним из последних поездов. Виргиния Карловна осталась в Гельсингфорсе. В Петроград из Финляндии приходили страшные вести о белом терроре, о массовых казнях рабочих. В Торнео расстреляли хорошего знакомого Смирнова, одного из активных сотрудников «Волны» матроса Светличного. В Гельсингфорсе от рук белогвардейцев погиб большевик Жемчужин.

Впоследствии Виргиния Карловна рассказывала, что белые хотели расправиться и со Смирновым. Однажды в квартиру ворвался вооруженный отряд во главе с офицером:

— Где лектор Смирнов?

— Уехал.

— Так. Сбежал,— офицер перевел дыхание.— Жаль, а то бы мы с ним поговорили по-русски. Он у нас в университете русский язык преподавал.— И громко захохотал. Солдаты начали обыск, вспороли матрасы, повыкидывали из шкафов книги. Перерыв все, взяли какие-то бумаги и ушли. Поднять руку на беззащитную старую женщину все-таки не решились. А если бы нашли в квартире Смирнова — ему бы несдобровать. Финляндская буржуазия не могла простить ему принадлежности к большевикам и сотрудничества с «красными».

КОРРЕСПОНДЕНТ РОСТА СООБЩАЕТ...

В марте 1918 года Совнарком переехал в Москву, сюда же перебрались все государственные учреждения. Смирновы вначале остановились в Петрограде у Буренина, но вскоре тоже уехали в Москву. Владимир Мартынович работал в созданной Советским правительством Государственной комиссии по просвещению, целыми днями пропадал на совещаниях и заседаниях, обсуждая с коллегами, какой должна быть советская школа.

В июне Смирнов приезжал в Петроград на похороны Вальтера Борга, умершего от туберкулеза. Борг был во время рабочей революции «красным банкиром» в Або, после прихода немцев в Гельсингфорс выехал в Петроград в одном поезде со Смирновым. Двое его взрослых сыновей были красногвардейцами и оба погибли, защищая революцию. Борг очень горевал по сыновьям, и это не могло не сказаться на его здоровье. За гробом шли финские социал-демократы, с которыми Смирнов был знаком много лет, пережил с ними горечь поражения революции в Финляндии. Под звуки похоронного марша процессия медленно двигалась к кладбищу. Идя в рядах провожающих в по-

следний путь славного боевого товарища, Смирнов вспоминал, как вместе с Боргом и другими финскими социал-демократами в 1906—1907 годах он помогал переправлять в Стокгольм делегатов IV и V съездов партии, организовывал отъезд во вторую эмиграцию В. И. Ленина...

Однажды в июле на каком-то заседании в Москве к Смирнову подошел Старк.

— Гельсингфорсский корреспондент, куда же ты подевался? — улыбаясь, спросил он.— Где трудишься? Не хочешь опять заняться журналистикой, вернуться в ПТА? Заходи! — Он хлопнул Смирнова по плечу и исчез так же внезапно, как появился.

Через несколько дней Смирнов зашел в кабинет Старка. Тот рассказал ему о готовящемся постановлении Советского правительства, которым в стране создастся единый информационный центр — Российское телеграфное агентство, в обязанности которого будет входить сбор информации как в стране, так и за рубежом, обеспечение информацией советской печати и объективными сообщениями о событиях в Советской России — зарубежных органов массовой информации. Старк сказал, что имеется большая нужда в квалифицированных партийных журналистах для работы как в Советской России, так и за рубежом.

— Не хотел бы ты поехать корреспондентом в Скандинавские страны? — спросил он Владимира Мартыновича.— Условия работы там ты знаешь, владеешь языком, опыт журналистский достаточный, политически тебя подковывать не надо, как-никак член партии с 1900 года,— так что подумай.

Зарубежные корреспонденты аккредитовались при представительствах РСФСР в зарубежных странах, и их работой руководил Народный комиссариат иностранных дел, в котором был создан для этого специальный отдел советской пропаганды.

Несмотря на огромную загруженность, В. И. Ленин находил время лично заниматься организацией информационной службы в стране. Он придавал большое значение правильному освещению в печати внешней политики Советского государства, подбору для работы за рубежом проверенных, надежных кадров. 27 или 28 августа Владимир Ильич принял в своем рабочем кабинете в Кремле Владимира Мартыновича Смирнова. Он встретил его как старого знакомого, расспрашивал о жизни и работе, о рабочей революции в Гельсингфорсе и ее поражении, интересовался судьбой знакомых финляндских социал-демократов, здоровьем членов семьи Смирнова. Узнав, что Виргиния Карловна осталась одна в Гельсингфорсе, заметно расстроился:

— Зря вы ее там оставили, Владимир Мартынович, надо было с собой взять. Не случилось бы чего. Что там белогвардейцы вытворяют, просто невероятно. До чего могут озвереть люди.

Владимир Ильич одобрил назначение Смирнова на работу в Стокгольм, в советское бюро печати при представительстве РСФСР. Много полезных и ценных советов услышал Владимир Мартынович в этот день от Ленина, которые помогли ему потом, во время работы за рубежом. Владимир Ильич посоветовал привлечь для работы в бюро жившую тогда в Стокгольме социал-демократку А. И. Балабанову, написал ей письмо и попросил В. М. Смирнова передать его по приезде в Стокгольм.

— В случае чего — обращайтесь прямо ко мне, Владимир Мартынович,— сказал Ленин, пожимая руку Смирнову.— Налаживать советскую информационную службу за рубежом — это очень важное партийное дело. Поэтому не стесняйтесь, пишите и звоните. Большой привет супруге, дочке и матери!

Окрыленным вышел Смирнов из Кремля. Ему хотелось побыстрее приступить к работе, чтобы оправдать доверие Ильича.

В один из последних августовских дней Смирнов встретил на улице Юрье Сирола. Тот рассказал, что состоялся учредительный съезд Коммунистической партии Финляндии. В состав ЦК вошли давние знакомые Смирнова — О. Куусинен, Ю. Сирола, И. Рахья и другие.

Через несколько дней, 7 сентября, было принято постановление Советского правительства о создании РОСТА, которому подчинялись все учреждения, корреспондентские пункты ПТА и бюро печати в стране и за границей.

Вскоре Смирнов отбыл к месту службы. Он ехал не обычным путем, через Финляндию, а через Германию и Данию. Несмотря на дипломатический паспорт, ехать через Гельсингфорс было опасно: в Финляндии царил белый террор и враги могли организовать провокацию, чтобы избавиться от ненавистного им «красного» журналиста.

Серым, дождливым сентябрьским утром 1918 года в квартиру полномочного представителя РСФСР в Стокгольме В. В. Воровского на Каптенсгатан, 13, позвонили. Хозяин открыл дверь. В коридоре стоял мужчина в плаще.

— Здравствуйте, Вацлав Вацлавович, я — Смирнов,— сказал он.— Можно войти?

— Конечно, давно ждем! — ответил Воровский и распахнул дверь.

Воровский с ноября 1917 года стал первым полномочным представителем Советской власти за границей. Он рассказал Смирнову о трудных условиях, в которых приходится вести работу в Стокгольме. Постоянная травля в местной буржуазной печати, враждебное отношение властей, не желающих официально признать РСФСР и ее представителя, наконец, прямые угрозы физической расправы со стороны банды белогвардейцев, орудовавших в Швеции. Эта банда, связанная с Юденичем и разведками стран Антанты, безнаказанно совершала зверские убийства советских граждан в Стокгольме. Она готовила нападе-

ние и на квартиру В. В. Воровского, пытаясь выкрасть документы и сфабриковать фальшивку для оправдания готовившейся империалистами Антанты интервенции против Советского государства. При советском представительстве издавался на немецком языке бюллетень, распространявшийся за рубежом. Информацию для него получали по радио из Москвы. Смирнову предстояло взяться за подготовку бюллетеня и налаживание постоянной передачи в Москву сообщений о событиях в Швеции и других Скандинавских странах.

Радостной была встреча с матерью, которой удалось перебраться из Финляндии сюда, в Швецию, в маленький старинный городок Сигтуна, неподалеку от Стокгольма.

В шведской столице у Смирнова было много знакомых среди левых социал-демократов, которых он видел в начале года в Гельсингфорсе, когда те направлялись в Советскую Россию. Среди них — секретарь Социал-демократической левой партии Фредрик Стрём, члены руководства этой партии Цет Хёглунд, Карл Чильбум, Отто Гримлунд. Они активно выступали за признание Советской России, рассказывали в печати правду о Советской власти.

Сразу же по приезде Смирнов взялся за перевод на шведский язык работы В. И. Ленина «Письмо к американским рабочим». Он привез с собой номер «Правды» за 22 августа 1918 года, в котором было опубликовано это письмо. С помощью шведских друзей — левых социал-демократов ленинскую работу удалось вскоре издать отдельной брошюрой, и она быстро разошлась. Письмо Ленина помогло рабочим Скандинавских стран узнать о тех великих преобразованиях, которые осуществлялись в Советской России, понять звериную природу империализма. Эта брошюра сыграла большую роль в развитии коммунистического движения, способствовала оживлению в Швеции движения «Руки прочь от Советской России!».

Швеция первой из капиталистических стран начала торговлю с Советской Россией. Уже 1 июня было заклю-

чено соглашение о взаимной поставке ряда товаров, а 28 октября в Петрограде был подписан официальный договор о товарообмене между Швецией и РСФСР на сумму 15 миллионов крон с каждой стороны.

Однако в декабре шведское правительство под давлением Антанты предложило Воровскому покинуть Стокгольм. И в конце января Вацлав Вацлавович уехал на родину. С ним уехали и другие работники представительства. Из советских граждан в Стокгольме остался только сотрудник бюро РОСТА Смирнов. Он продолжал информировать Москву о важнейших событиях в Швеции и сопредельных странах. Обязанности советского консула были возложены на Фредрика Стрёма.

В марте 1919 года произошло важное событие в истории мирового революционного движения: в Москве состоялся I конгресс Коминтерна. Участие в нем приняли и представители шведских левых социал-демократов. Вернувшись в Стокгольм, они рассказывали Смирнову о революционном энтузиазме, царившем на конгрессе, о своих встречах с В. И. Лениным.

Между тем конгресс Коминтерна стал поводом для нового усиления антисоветской клеветнической кампании в шведской буржуазной печати. Правительство Швеции разорвало торговые отношения с Советской Россией, газеты превозносили «подвиги» шведских «героев-добровольцев», участвовавших в походе Юденича на Петроград, и реакционная печать предсказывала скорое падение этого города. Буржуазия организовала сбор средств в пользу белых.

Читая каждый день сообщения в газетах об ожесточенных боях Красной Армии с войсками белогвардейских генералов и интервентов, о тяжелом положении в окруженной со всех сторон фронтами Советской России, Смирнов думал о своих друзьях, товарищах по партии, которые участвовали в защите от врагов родной Советской власти, представлял, как трудно им сейчас. Он очень хотел бы

быть с ними. Но на него были возложены иные обязанности.

В 1919 году умерла мать Смирнова, Виргиния Карловна, его верный друг и многолетний товарищ по подпольным революционным делам. Похоронили ее на тихом кладбище в Сигтуне.

...К весне 1920 года Красная Армия разгромила войска интервентов и ставленников Антанты — белых генералов. К этому времени в Швеции было сформировано социал-демократическое правительство во главе с Брантингом. Рабочая печать призывала к возобновлению торговли с Советской Россией. 31 марта в Стокгольм прибыла торговая делегация Центросоюза во главе с Л. Б. Красиным.

Смирнов был рад приветствовать Никитича, оказать помощь в Стокгольме ему и другим членам делегации.

В результате переговоров советской делегации с Всеобщим экспортным объединением Швеции было заключено соглашение о поставках в Советскую Россию шведских промышленных товаров на сумму в 100 миллионов шведских крон. Это был прорыв экономической блокады Советской России, организованной Антантой. Смирнов немедленно сообщил о заключении договора в Москву.

Сообщениями РОСТА из Стокгольма живо интересовался В. И. Ленин. Известно, например, что, просмотрев бюллетень РОСТА за 13 апреля 1920 года, он подчеркнул отдельные места в заметке из Стокгольма «Претензии Скандинавских стран». На бюллетене В. И. Ленин написал: «В особую обложку и собирать». Он придавал большое значение развитию добрососедских отношений со Скандинавскими странами.

Заведующим отделением РОСТА в Стокгольме в 1919 году был назначен левый социал-демократ Отто Гримлунд. Он не знал русского языка и по своим личным качествам не подходил для руководителя советского учреждения. 5 мая 1920 года В. М. Смирнов написал письмо В. И. Ленину, в котором сообщил об этом. Ленин поручил секре-

тарю СНК Л. А. Фотиевой послать это письмо на отзыв наркому иностранных дел Г. В. Чичерину. При проверке факты, указанные Смирновым, подтвердились.

8 июня ответственный руководитель РОСТА П. М. Керженцев представил ВЦИК справку с подробным изложением работы, проделанной стокгольмским отделением РОСТА, и предложил создать на его основе Скандинавское бюро РОСТА.

26 августа 1920 года В. М. Смирнов послал письмо В. И. Ленину, в котором сообщил, что левое социалистическое издательство «Фрам» попросило его написать книгу о русских, финляндских и шведских революционерах. В числе первых Смирнов хотел бы в этой книге рассказать о Ленине. Он просил у Владимира Ильича фотографию с автографом и биографические сведения. Ленин сделал пометку на письме «Напомнить мне еще раз. 6.IX. *Ленин*».

Послал ли Владимир Ильич тогда свою фотографию в Стокгольм — неизвестно. Во всяком случае, до сих пор фотография Ленина с дарственной надписью Смирнову не найдена. Но Смирнов написал статьи о Ленине, а также о Луначарском, Воровском, Дзержинском, Свердлове, Красине и других руководителях Советского государства. Они были опубликованы позднее в газетах левых социал-демократов Швеции.

В октябре 1921 года в Москве состоялось совещание иностранных корреспондентов РОСТА. На нем присутствовали заведующие отделениями из Лондона, Берлина, Вены, Рима и других городов. Приехал в Москву и В. М. Смирнов. 22 октября, выступая перед участниками совещания, он предложил включать в передававшийся по радио вестник информаций для зарубежных стран наиболее важные факты о жизни Советской России, в том числе о ее внешнеторговых связях. 25 октября заведующего стокгольмским отделением РОСТА Владимира Мартынови-

ча Смирнова принял В. И. Ленин. Он подробно расспрашивал гостя о положении в Швеции, весело смеялся, когда Смирнов рассказывал о выдумках буржуазных шведских газет по поводу «октябрьского переворота в Кремле», интересовался рабочим движением Швеции, работой отделения РОСТА. Владимир Ильич выразил искреннее соболезнование по поводу кончины Виргинии Карловны.

Под конец разговора Смирнов вынул блокнот и ручку:

— Разрешите мне, как корреспонденту РОСТА, взять у вас интервью?

Ленин шутливо поднял руки, как бы защищаясь:

— Помилуйте, Владимир Мартынович, сейчас не могу. Давайте в другой раз. Еще увидимся!

Увидеться Смирнову с Владимиром Ильичем больше не пришлось.

Вспоминая впоследствии о встречах с Лениным после Великого Октября, Смирнов писал:

«Те три раза, когда мне выпало счастье говорить с гениальным кормчим первой рабоче-крестьянской республики, я ясно видел, что это все тот же Ильич, каким он был, когда был вынужден временно останавливаться у меня в Гельсингфорсе. Будучи противником всякой дешевой демагогии в политике, во всей своей личной жизни он был до мозга костей, в лучшем смысле слова, настоящим демократом, для которого не существовало «высоко» и «низко» стоящих и которому не нужно было спускаться с «высоты» при встречах с рядовыми работниками. Об этом красноречиво говорило все отношение Владимира Ильича к товарищам, которые имели счастье знать его лично».

Как кончину родного, бесконечно близкого человека переживал Смирнов смерть Ленина. 23 января 1924 года в газете левых социал-демократов Швеции «Фолькетс дагблад Политикен» была опубликована его статья «Ленин как человек», в которой он делился личными впечатлениями о Владимире Ильиче.

15 марта 1924 года шведское правительство заявило о

своем юридическом признании Советского правительства. Это была большая победа советской дипломатии. Одновременно было заключено торговое соглашение. В этом же году учреждено Шведско-русское общество. Оно должно было способствовать развитию взаимной торговли. Постепенно налаживались научные и культурные связи. Обо всем этом регулярно сообщал в Москву стокгольмский корреспондент РОСТА. В то же время он рассказывал шведам о Советской стране, о Ленине, о Горьком, о социалистической литературе, выступал с лекциями, со статьями в шведской печати.

В эти же годы В. М. Смирнов начинает работать над серией статей об истории российско-финляндских революционных связей. В 1925 году он прислал в Истпарт ЦК РКП(б) свои воспоминания о работе в Финляндии, а также статью Хинке Бергегрена о том, как проходил в 1906 году в Стокгольме IV съезд РСДРП. Эту статью Хинке написал по просьбе Смирнова. Владимир Мартынович перевел ее на русский язык, считая, что воспоминания видного деятеля шведского рабочего движения будут интересны для тех, кто изучает историю партии.

Вместе со статьями он прислал из Стокгольма фотографии, в том числе И. И. Кока, Х. Бергегрена, группы «бомбистов», арестованных царской охранкой весной 1907 года под Выборгом в деревне Хаапала, и другие.

В первом номере историко-партийного журнала «Пролетарская революция» за 1926 год были напечатаны сразу две статьи В. М. Смирнова: воспоминания о В. И. Ленине и о революционной работе в Финляндии в 1900—1907 годах. Автор живо, с необычайной теплотой рассказывал о первой встрече с Владимиром Ильичем в ноябре 1905 года в Гельсингфорсе, о пребывании Ленина на его квартире, об отъезде вождя большевистской партии в декабре 1907 года во вторую эмиграцию и о своих встречах с ним после Великого Октября.

Вторая статья содержала богатый фактический мате-

риал о революционной работе партийцев-подпольщиков в Финляндии, в том числе о транспортировке ленинской «Искры» и оружия, о конференциях РСДРП, проводившихся на территории Финляндии в 1905—1907 годах, о финляндцах, которые помогали российским революционерам в эти годы.

В «Пролетарской революции» была опубликована и статья Хинке Бергегрена.

В 1927 году вышли в свет два сборника воспоминаний: о Боевой группе при ЦК РСДРП и о Л. Б. Красине, умершем в 1926 году в Лондоне на посту советского посла. В первый сборник вошла и статья Смирнова «Работа в Финляндии» — о перевозке оружия и деятельности Боевой группы на территории этой страны. Во втором сборнике Смирнов рассказывал о пребывании Красина в Гельсингфорсе.

В один из февральских дней 1928 года в стокгольмской квартире Смирновых раздался телефонный звонок. Мужской голос просил позвать Паульсона. Жена Смирнова сначала решила, что ошиблись телефоном, но все же спросила мужа:

— Тут спрашивают какого-то Паульсона. Это не тебя?

— Меня! — вскричал Смирнов и взял трубку. Это был его старый друг Николай Евгеньевич Буренин.

— А, Виктор! — радостно воскликнул в трубку Смирнов.— Где ты? Почему не едешь? Двери нашего дома всегда открыты для тебя!

Трогательной была встреча. Допоздна вспоминали эпизоды подполья, годы революционной юности.

Буренин остановился у Смирновых. Он приехал в Стокгольм собирать по поручению Государственного музея Великой Октябрьской социалистической революции документы, связанные с деятельностью в Швеции и Финляндии В. И. Ленина и других деятелей нашей партии. Поездка

его состоялась при материальной поддержке А. М. Горького. Активную помощь в сборе материалов старому товарищу по подполью оказывал В. М. Смирнов. В ходе этого поиска удалось найти несколько писем В. И. Ленина и Н. К. Крупской, другие ценные документы.

После отъезда Буренина на родину Смирнов продолжал начатую Николаем Евгеньевичем важную работу. 14 марта 1929 года он сообщил в письме Буренину в Ленинград о пересылке полученного им накануне материала, предназначенного для Музея революции в Москве. Владимир Мартынович писал, что по другим материалам получил «от шведских товарищей отрицательный ответ». По всей вероятности, речь шла о письмах, направленных в свое время Лениным левым социал-демократам Швеции.

Далее Смирнов писал, что «в частности, неизвестна судьба чемодана с материалами о Циммервальдской конференции. Мне передавали, что сохранились письма В(ладимира) И(льича) у Балабановой, игравшей в свое время видную роль в Циммервальде... Она якобы готова была уступить эти письма за плату в пользу итальянских социалистов, бежавших из Италии... Письма, разумеется, должны представлять большой интерес, раз они написаны В(ладимиром) И(льичем)».

Во время приезда Буренина в Стокгольм друзья подолгу сидели в кабинете Смирнова. Хозяин показывал гостю свои статьи, опубликованные в советской и шведской печати, рукопись большой статьи, написанной к 10-летию рабочей революции в Финляндии для журнала «Пролетарская революция». Он настоятельно рекомендовал Буренину писать воспоминания о подпольной работе в Финляндии. И его советы пошли на пользу. По приезде домой Буренин горячо взялся за работу.

В 1931 году вышла в свет брошюра Н. Е. Буренина «Люди большевистского подполья», в которой автор рассказал о том, как он, выходец из среды буржуазии, стал революционером. В предисловии к брошюре А. М. Горький

образно говорил о наличии у Н. Е. Буренина «дальновидности сердца», которая «помогла автору этих воспоминаний отдать лучшие силы и лучшие годы жизни делу рабочего класса».

Слова Горького вполне приложимы и к другому выходцу из буржуазной среды, другу Буренина — Владимиру Мартыновичу Смирнову.

«СЧАСТЛИВ РАБОТАТЬ ДЛЯ СССР»

В один из туманных осенних дней 1930 года у дома советского посольства в Стокгольме остановилась золоченая карета, запряженная четверкой лошадей. На облучке сидел кучер в ливрее, на запятках — слуги в треугольных шляпах. Этот средневековый экипаж — одна из старых традиций, соблюдаемых во время представления вновь прибывших послов королю Швеции.

Возле дома собралась толпа любопытных. Из здания посольства вышел посол. Это была Александра Михайловна Коллонтай. Она ехала представляться королю Густаву V.

Провожая ее к карете, Смирнов предложил:

— Александра Михайловна, может быть, все-таки помочь с языком?

— Спасибо, Владимир Мартынович, шведский король — просвещенный монарх, он, наверно, говорит по-французски, по-немецки или по-английски. В конце концов, я ведь и на норвежском говорю, а швед норвежца понимает...

— Ну, счастливо вам,— пожелал Смирнов.

Как и многие присутствовавшие при отъезде Коллонтай в королевский дворец, Смирнов знал, что она была в 1914 году указом короля выслана из Швеции за революционную деятельность «навсегда». Чем закончится ее нынешний визит во дворец? А вдруг король откажется принять ее верительные грамоты?

Но все сошло благополучно. Король, вероятно, не помнил о подписанном им 16 лет назад указе, а придворные напомнили ему об этом только после аудиенции. И в официальной газете «Пост ок Инрикес тиднинген» появилась набранная мелким шрифтом заметка, в которой сообщалось, что указ 1914 года отменен.

А. М. Коллонтай, имевшая много старых друзей в Швеции, быстро завоевала всеобщие симпатии. Много сил она положила на то, чтобы улучшить шведско-советские отношения. Смирнов, также имевший обширный круг знакомств среди интеллигенции в Стокгольме, активно помогал новому послу, своей старой знакомой. С 1929 года Владимир Мартынович работал в посольстве консулом.

В свободное время он сидел над подшивками старых газет, работал в Королевской библиотеке, в библиотеке университета. В 1930 году в «Пролетарской революции» появилась его статья «К истории большевистской печати в Финляндии», на следующий год в журнале «Красная летопись» — «Финляндия — красный тыл революции 1905 года». В 1932 году в статье, напечатанной в том же журнале, Смирнов рассказывал о революционных событиях в Финляндии в 1917 году. В 1933 году в Ленинграде вышли две книги. В одной из них — «Встречи с Лениным» — опубликованы воспоминания Смирнова о Владимире Ильиче. Другая — «Из революционной истории Финляндии. 1905, 1917, 1918 гг.» — также принадлежит перу Владимира Мартыновича. В ней на основании собственных воспоминаний и изученного автором огромного журнального и газетного материала показана история революционных связей финляндского пролетариата с российскими революционерами. Книга и сегодня является ценным пособием для каждого, кто интересуется этой темой.

В конце 1933 года в Стокгольм снова приехал Н. Е. Буренин. В январе 1934 года он направил из шведской столицы в адрес Института Маркса — Энгельса — Ленина 12 писем Владимира Ильича, найденных им в Швейцарии.

Николай Евгеньевич разыскал также одно письмо В. И. Ленина, посланное в 1915 году в Норвегию. И снова активным помощником его в розысках был В. М. Смирнов.

В 1935 году произошло значительное событие в истории шведско-советских культурных связей: в марте состоялось учредительное собрание Общества для поощрения культурных и научных связей между Швецией и Советским Союзом. Общество ставило перед собой задачу пропаганды достижений советского народа. Первыми активистами его были прогрессивно настроенные представители шведской интеллигенции.

Среди них был лауреат Нобелевской премии химик Т. Сведберг, сын Брантинга, известный адвокат Г. Брантинг, врачи, адвокаты, актеры, писатели и уже знакомая нам писательница К. Стриндберг-Смирнова, жена Владимира Мартыновича. Председателем правления Общества стал профессор-химик В. Пальмер.

Много сил отдавал Обществу в 30-е годы Владимир Мартынович Смирнов. Он выступал на собраниях с лекциями о Ленине, о Горьком, о социалистической литературе. Слова человека, который лично встречался с великим революционером и с великим пролетарским писателем, доходили до сердец его слушателей. Все больше друзей становилось в Швеции у Советской страны.

18 января 1937 года Смирнов писал Н. Е. Буренину:

«Чувствую часто чрезмерную усталость, но счастлив, что все еще могу работать для СССР».

Ему шел тогда шестьдесят третий год. И здоровье было еще сносное, но подкрадывалось страшное: слепота. В 1941 году, чтобы победить прогрессирующую глаукому, ему делают операцию. И он снова начинает активно работать.

С конца 1939 года, после нападения фашистской Германии на Польшу, в Швеции усилилась реакция, развернулась ожесточенная травля коммунистической партии. Подняли голову нацисты. Они открыто проводили собра-

ния и митинги, издавали свои газеты, требовали, чтобы Швеция стала союзницей Германии. В этой обстановке положение советских людей в Стокгольме было нелегким. Оно еще более осложнилось, когда гитлеровская Германия начала агрессию против Советского Союза. В печати велась разнузданная антисоветская пропаганда. Некоторые бывшие друзья в эти трудные дни отвернулись от Смирнова, другие боялись поддерживать с ним контакты, опасаясь террора местных нацистов.

Но и в этой тяжелой обстановке консул Смирнов защищает интересы своей Родины. Он выступает с лекциями об опасности нацистской идеологии, о великой освободительной миссии Советской страны, спасающей мир от коричневой чумы, помогает в организации сбора средств для оказания помощи советским детям, оставшимся без родителей. Всеми возможными путями старается мобилизовать общественное мнение на помощь Советской стране, убеждает в необходимости сохранения Швецией строгого нейтралитета.

Почти совсем слепой, он продолжал работать. 27 мая 1943 года, в субботу, на собрании Общества в объявлении стоял его доклад о 75-летии Горького. На трибуну подняться ему помогли. Но и слепой, Смирнов сделал блестящий доклад. Ему долго аплодировали.

В конце декабря пришлось снова лечь на операцию в Каролинскую больницу. Всю ночь сидела у его постели жена Карин. Когда сняли повязку, Смирнов вскричал:

— Вижу!

Один глаз хирургу удалось спасти. Другой же остался слепым.

И снова Смирнов выступает с докладами и лекциями на собраниях Общества, перед студентами, в рабочем институте, рассказывает о Ленине, о Советской стране, о советской литературе, завоевывая СССР новых и новых сторонников.

Популярными были его лекции в рабочем институте о

Горьком, Маяковском, Николае Островском, Алексее Толстом, Шолохове, Эренбурге, Ванде Василевской. Иногда из-за болезни глаз лекции Смирнова зачитывал его большой друг, активист Общества Свен Сторк.

Радостно отметили в Стокгольме друзья Советской страны День Победы над гитлеровской Германией. Состоялось торжественное заседание в одном из крупнейших залов шведской столицы — Доме гражданина. В президиуме сидел, утирая счастливые слезы, шестидесятидевятилетний В. М. Смирнов.

Продолжал лекционную работу В. М. Смирнов и после войны. Будучи уже пенсионером, выступил в 1946 году перед студентами в Упсале с лекцией на тему «Советская литература — самая революционная литература в мире», затем — в Доме Общества на Катаринавеген с докладом о Горьком.

В 1949 году он снова читает лекции о Ленине и о Горьком.

25 марта 1952 года в протоколе заседания правления Общества было записано, что В. М. Смирнов проделал в целях укрепления культурных связей между Швецией и Советским Союзом «большую и важную работу», что он «оставил заметный след в работе Общества».

Самого Смирнова на заседании правления не было. Он тяжело болел. Умер Владимир Мартынович 27 декабря 1952 года. Перед смертью он попросил похоронить его рядом с матерью, на кладбище в Сигтуне. Проводить его в последний путь пришли многие друзья нашей страны, активисты Общества шведско-советской дружбы, старые социал-демократы, встречавшиеся с ним в годы далекой революционной юности.

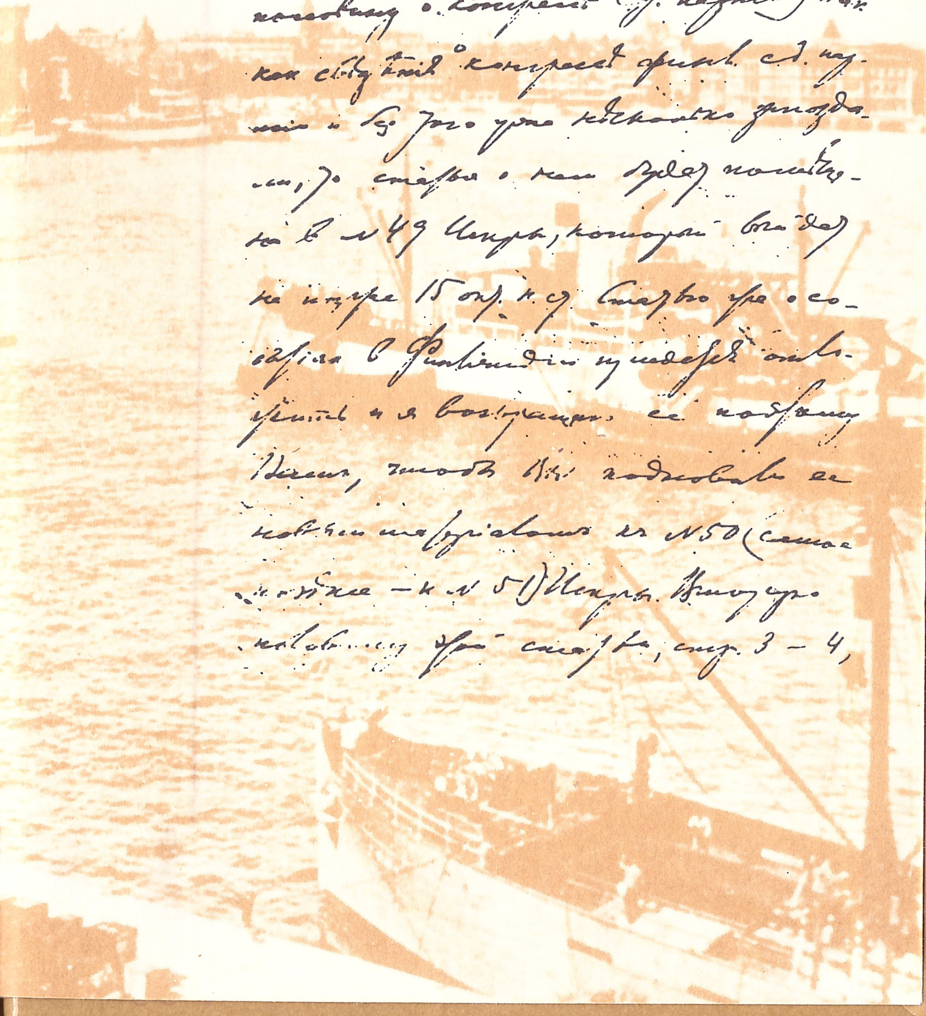
Большевик Смирнов посвятил свою жизнь великой цели — борьбе за победу революции в России, за укрепление добрососедских, дружественных связей Финляндии и Швеции с его великой родиной — Советским Союзом.

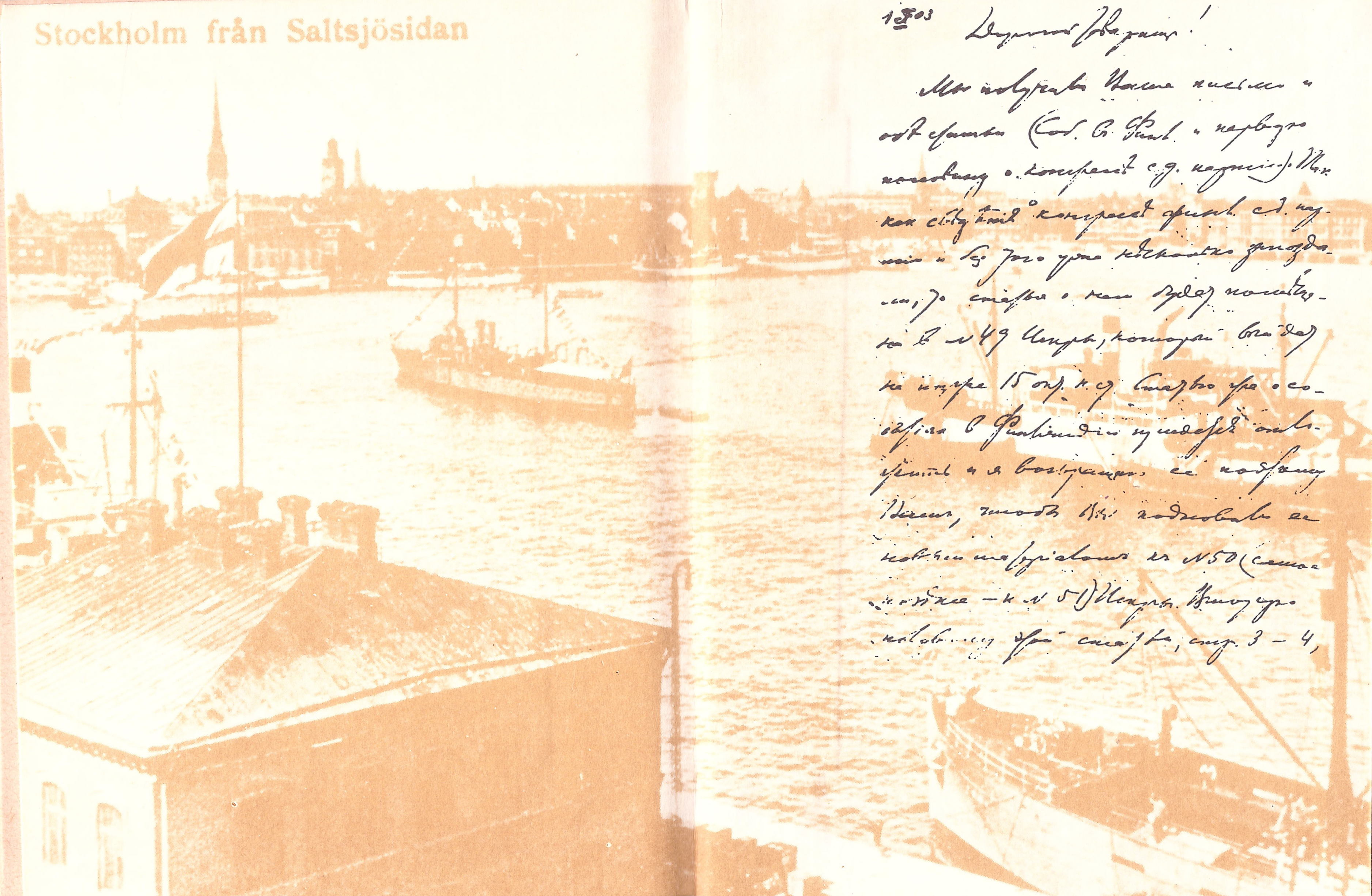
Stockholm från Saltsjösidan

1 X 03

Дорогой товарищъ!

Мы получили Ваше письмо и отд. оттиски (Соц. Ст. Финл. и переводъ постановленій о конгрессѣ с.-д. партіи). Такъ какъ съѣздъ конгрессъ финл. с.-д. партіи и безъ того уже нѣсколько запоздали, то статья о немъ будетъ помѣщена въ № 49 Искры, который выйдетъ не позже 15 окт. н. ст. Статью же о событіяхъ въ Финляндіи придется отложить и я возвращаю ее обратно Вамъ, чтобы Вы дополнили ее новыми матеріалами къ № 50 (самое позднѣе — къ № 51) Искры. Вмѣсто протоколовъ при статьѣ, стр. 3 – 4,





1 X 03

Дорогой товарищ!

Мы получили Ваше письмо и обе статьи (Соц. Ст. Петерб. и перевод половину о конференции с.д. партии). Ваше сообщение о конгрессе финл. с.д. партии и без того уже несколько запоздало, то статья о нем будет помещена в №49 Искры, который выйдет на днях (15 окт. н. ст.). Статью же о событиях в Финляндии придется отложить и я возвращаю ее обратно Вам, чтобы Вы дополнили ее новыми материалами к №50 (самое позднее — к №51) Искры. Вторую половину этой статьи, стр. 3 – 4,

75 коп.

Царские жандармы знали,
что в Финляндии действует
опытный подпольщик Паульсон.
Прошло немало лет,
прежде чем они
выяснили,
что под этим псевдонимом
скрывался известный
всему Гельсингфорсу
преподаватель университета
В. М. Смирнов.
О яркой и замечательной жизни
В. М. Смирнова рассказывает
историк и литератор,
долгое время работавший
в Скандинавских странах
и Финляндии, Ю. Ф. Дашков

ПОЛИТИЗДАТ

Ю. Ф. Дашков ЕГО ЗНАЛИ ПОД ИМЕНЕМ ПАУЛЬСОН